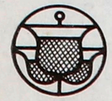
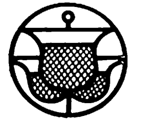
С ВОСТОКА НА ЗАПАД

А. П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

С ВОСТОКА-НА ЗАПАД · А. П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Серия основана в 1969 году

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков

Москва
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 76.11
Т35

Ответственный редактор

Л. Н. Меньшиков

Рецензенты

Е. И. Кычанов, А. М. Решетов

Автор рисунка на переплете

Т. В. Горб

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР

Терентьев-Катанский А. П.

Т35 С Востока на Запад (Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 232 с.: ил. (Культура народов Востока).
ISBN 5-02-016982-X

В книге популярно изложена история развития книжного дела и книгопечатания в Центральной Азии. Рассказывается об изобретении бумаги, о системах письма, об оформлении и содержании древней восточной книги. На обширном фактическом материале автор освещает роль Центральной Азии в распространении книгопечатания с Востока на Запад. Для широкого читателя, а также для специалистов по палеографии.

Т $\frac{4503000000-026}{013(02)-90}$ КБ-5-67-89 ББК 76.11

ISBN 5-02-016982-X

У ИСТОКОВ
(вместо предисловия)

1. Запечатленная мысль

...Великое развитие, которое
предельно правильно.

Чжу Си. Комментарии
к «Книге перемен»

О, больше сотни раз
Чертил я на песке тот знак:
«Великое»!

Исикава Такубоку

С детских лет до глубокой старости нас сопровождает верный, незаменимый друг. В минуты отдыха, когда мысль хочет отвлечься от обыденности, умчаться в неведомые дали, именно он дает ей крылья. В годы учебы, когда мозг жадно стремится к восприятию нового, для нас нет более надежного помощника. В несчастье, когда необходимо уйти от рвущих сердце тяжелых мыслей, наш безмолвный друг уводит нас от отчаяния.

Друг этот — книга — настолько неотъемлемая часть нашей жизни, что нам просто не приходит в голову мысль о том, что когда-то, тысячи лет назад, этих красиво оформленных томов, цветных иллюстраций, самих знаков, составляющих строчки, просто не существовало.

Тысячи лет! Многие, прочтя эти слова, досадливо отмахнутся: «Да ну вас! Какие там тысячи! Тогда люди ходили в шкурах, дрались каменными топорами, ели сырое мясо». Возможно, тот или иной мечтатель, задумчиво улыбнувшись, возразит: «Тысячи лет... А Атлантида? А Лемурия? А инопланетяне, посещавшие Землю и обменивавшиеся между собой мыслями с помощью телепатии, вообще не нуждавшиеся в печатном слове?».

Заранее скажем и мечтателям и скептикам: инопланетяне, лемурийцы, атланты — все это пока не более чем смелые и увлекательные гипотезы, лежащие в сфере деятельности писателей-фантастов и не являющиеся в собственном смысле слова объектом научного исследования. Вместе с тем не следует думать, что наши одетые в шкуры первобытные предки,

лишенные ореола романтики, не нуждались в способах передачи и закрепления мысли и устной речи.

Стремление к фиксации мысли является необходимым элементом человеческой культуры уже на самых ранних этапах ее развития. Не будем вдаваться в описание таких суррогатов письма, как зарубки, узлы на веревках, плетение из разноцветных перьев, — этому вопросу посвящены многочисленные труды ученых-этнографов. Наша цель в данном разделе работы — проследить развитие письменности, как таковой.

В позднем каменном веке Европы уже существовали попытки закрепить мысль с помощью абстрактных начертаний. В 1887—1889 гг. археолог Э. Пьет открыл в пещере Мас-д'Азиль многочисленные знаки на гальках, сделанные охрой. Азильская пещера, представляющая собой туннель в 400 м, была населена еще с мадленской эпохи (XV—VIII вв. до н.э.). Пьет считал найденные знаки зачатками письменности [1]. Хотя позднейшие авторы единогласно опровергали это предположение, невольно обращает на себя внимание следующий факт: к той же эпохе относятся изображения животных, своею реалистичной манерой и тщательностью исполнения не уступающие даже произведениям искусства ранних ступеней древних великих цивилизаций. Следовательно, рисунки на гальках имели какое-то особое назначение. Даже если это просто магические знаки, подобные узорам на австралийских «чурингах», мы уже имеем налицо абстрактные символы, заключающие в себе определенную идею, следовательно, шаг от рисунка к письму. По мнению сторонников теории Пьета, с помощью знаков на «раскрашенных гальках» передавали не только понятия, но и числа [2]. Еще более приближаются к письму стилизованные рисунки из Южной Испании — Фуэн-Кальенте, Вели-Бланко, Лас-Ботуекас — и совершенно абстрактные «красные письмена» из пещеры Ла-Пасьега в Северной Испании. Следует отметить, что поблизости от местонахождения этих абстрактных начертаний были обнаружены отнюдь не стилизованные изображения людей и животных, относящиеся к той же эпохе [3]. Гальки, подобные азильским, были также найдены в пещере Бирзек в Швейцарии и в Крыму, на Яйле — в последнем случае они были не разрисованы, а покрыты резными знаками.

На другом конце Евразии, в Китае, среди других первобытных культур археологи исследовали культуру Яншао, отстоящую от нашего времени более чем на шесть тысяч лет. В одном из центров этой культуры, Баньпо, были найдены глиняные сосуды с двумя типами знаков. В одних случаях это стилизованные и упрощенные изображения человеческих лиц и животных. По характеру своей графики знаки первого

типа — переход от конкретного рисунка к «картинному» письму. Второй тип — совершенно абстрактные знаки, в которых многие исследователи видят наиболее ранние образцы китайской письменности. Отождествление некоторых из знаков второго типа с современными иероглифами позволяет считать эту точку зрения правильной [4], т. е. полагать, что истоки китайской письменности уходят в седую древность.

В большинстве письменностей древних народов — египетской, раннешумерской, критской — отчетливо прослеживается путь развития от рисуночного письма (пиктография) к развитой иероглифике с последующим переходом к звуковому письму с упрощенным начертанием знаков. Однако знаки из пещеры Мас-д'Азиль и испанские находки, о которых говорилось выше, свидетельствуют, что процесс отделения письменных знаков от изображений предметов и их стилизация могли иметь место задолго до возникновения раннеклассовых государств. Особенно характерна в этом отношении китайская письменность. В то время как на керамике из Яншао, когда, по-видимому, еще рано говорить о государстве и классовом делении, встречаются и рисуночные знаки, могущие быть зачатками древней письменности, и достаточно упрощенные знаки, в надписях времен правления династии Инь (1766—1122 гг. до н. э.), когда государство безусловно существовало, знаки имеют все признаки недавнего перехода от рисунка к последующему упрощенному начертанию. В этом случае мы имеем два процесса упрощения: яншаоские рисунки упростились до формы знаков второго типа из Баньпо, не имеющих сколько-нибудь заметной связи с позднейшей китайской иероглификой, а иньские знаки, упростившись, дали различные формы более позднего китайского письма. Впрочем, здесь нет полной ясности, так как по вопросу о зарождении китайской культуры и государственности до сих пор ведутся споры.

Древняя письменность дает нам два образца памятников: памятники эпиграфики — погребальные надписи, записи о восхождении на престол правителей и о военных победах, указы и законоположения, которые высекали обычно на камне или другом прочном материале (например, бронза в Китае), и записи для ежедневного пользования. Последние ввиду непрочности материала, на котором их фиксировали, дошли до нас в ограниченном количестве. Хотя говорить о появлении настоящей книги для столь отдаленных эпох еще рано, многие черты позднего книжного блока возникли именно в то время. От начальной строки в египетских папирусах, писавшейся иногда красной краской, через века до наших дней дошло правило выделять начало очередного абзаца. Таким образом, наша идиома «красная строка» в переносной форме вы-

ражает то, что в книжном деле египтян следовало понимать буквально. Собрания клинописных глиняных табличек с записью мифов, обнаруженные в Ниневии, уже объединялись особой табличкой, на которой кратко перечислялось содержание всей книги. Перед нами — предшественник обложки и оглавления. В Китае термин «цзюань», в настоящее время использующийся для обозначения раздела книги, происходит от названия шелковых свитков, на которых писали в древности.

Постепенно потребность в письменном слове возрастает до такой степени, что старые способы фиксации мысли перестают удовлетворять ее. Неуклонно близится качественно новая ступень — появление настоящей книги.

Исторической предпосылкой ее рождения является рост культурного и экономического уровня общества, наличие развитой системы письма и портативного письменного материала. Можно сомневаться в том, следует ли считать книгами глиняные или костяные таблички, но свитки в той форме, в которой они существовали в развитых древних обществах Востока и Запада, можно уже по праву назвать ранней формой книги. Переходную форму от свитка к книге со страницами представляют книги-«гармоники». Такие книги найдены в Китае и Центральной Азии. Ту же форму имеют дразнящие воображение европейца своими вычурными, ярко раскрашенными рисунками и знаками книги древней Мексики и магические книги индонезийских колдунов. Книга-«гармоника», по сути дела, тот же свиток, но сложенный наподобие ширмы для удобства пользования.

Подлинной революцией в книжном деле явилось изобретение такого дешевого и удобного материала, как бумага. С ее появлением начался процесс своего рода «демократизации» книги. Доселе служившая немногим избранным, книга становится теперь достоянием народа. Наряду с книгами исторического и религиозного содержания, долгое время обслуживавшими лишь правящие классы общества, появляются как более доступные в силу своей дешевизны списки тех же произведений, так и записи народных рассказов, первые памятники светской литературы, календари, кодексы законов, словари, научные сочинения.

Однако рукописные книги, несмотря на значительную доступность, с течением времени тоже перестали удовлетворять растущую потребность в письменном слове. Только книгопечатание сделало книгу по-настоящему доступной. Процесс печатания требует определенного уровня развития техники. Производство бумаги и туши, улучшение способов печатания — от эстампажа и ксилографии к наборному шрифту, появление наборной кассы и печатного станка — все это

является результатом технического прогресса. Таким образом, степень развития книжного дела является показателем не только культурного, но и экономического развития общества.

Какая же культурно-географическая область земного шара дает нам наибольшее количество материала, позволяющего проследить длительный и сложный процесс развития рукописной книги, ее последующего превращения в книгу печатную? Это область, обозначенная термином «Центральная Азия».

Географически центральноазиатский регион определяется в настоящее время следующими рамками: на востоке Центральная Азия ограничена южной частью Большого Хингана и хребтом Тайханшань. На юге ее граница идет вдоль тектонической впадины Цангпо — места, откуда берут начало Инд и Брахмапутра. На западе и севере границы Центральной Азии соответствуют горным хребтам Восточного Казахстана и Алтая, приблизительно совпадая с государственной границей между СССР, Китаем и МНР. Таким образом, на западе Центральная Азия граничит со странами Средней Азии, а на востоке тесно примыкает к Западному Китаю, отчасти сливаясь с ним без резких переходов.

Естественно, что такое географическое положение не могло не оказать влияние на характер культуры Центральной Азии. Через ее территорию с глубокой древности пролегали караванные пути, связывающие страны Дальнего Востока с Западом. Со II тысячелетия до н. э. начинает действовать Великий Шелковый путь, берущий начало в ближневосточных центрах античной культуры и заканчивающийся на территории современной провинции Ганьсу в Западном Китае, названный так потому, что по этому пути из далекого Китая на Запад вывозили многие товары, главным образом шелк. Были ли в то время контакты Дальнего Востока с античным миром непосредственными, или по Шелковому пути осуществлялась лишь транзитная торговля — об этом еще спорят ученые. Важно другое: по караванным путям проникали не только товары, но и сведения о разных народах, пусть туманные, неопределенные, но все же вызывающие интерес народов обоих регионов друг к другу. И это общение шло именно через Центральную Азию, которую в силу ее географического положения просто нельзя было обойти. Контакты не могли не повлиять на характер культуры народов, через земли которых они осуществлялись. Если прибавить к этому влияние Средней Азии и Индии, можно представить, насколько богата и своеобразна была культура интересующего нас района.

Испытывая близость могущественных и высокоразвитых государств древнего мира, Центральная Азия создала ряд

синкретических культур, в которых самым причудливым образом смешивались китайские, иранские, индийские и античные элементы. Постоянный приток тюркских и монгольских кочевых племен придавал этим культурам еще большее своеобразие. Оно сказывалось во всем: в экономической, полуоседлой-полукочевой, структуре центральноазиатских государств, в религии, живописи, скульптуре, архитектуре.

Отразился характер этой смешанной культуры — точнее, многих культур — и на такой сфере человеческой деятельности, как письменность и книга. Как мы увидим в последующих главах, для Центральной Азии характерна чрезвычайная языковая пестрота. Соседствующие друг с другом народы, языки которых зачастую относились к совершенно различным языковым семьям, не только понимали язык соседей и свободно владели им, но внутри своего государства пользовались для письма несколькими языками и системами письменности. Они перенимали друг у друга способы брошюровки книг, рецепты изготовления краски для письма, стиль книжных иллюстраций. Свои достижения в области развития книжного дела народы Центральной Азии передавали не только друг другу, но и населению других областей, в том числе стран Запада. Именно через Центральную Азию на Ближний Восток, а оттуда в Европу попали бумага, тушь, ксилографическое книгопечатание. Многовековое развитие культуры Центральной Азии позволяет проследить все стадии развития книжного дела. Основной культурный расцвет приходится на VIII—XIII вв. Это обстоятельство и определяет хронологические рамки данного обзора. Мы выходим за них только в тех случаях, когда корни того или иного явления, связанного с книжным делом, восходят к более ранним эпохам (например, появление бумаги) либо это явление обнаруживается в более позднее время (монгольская книга, появившаяся после XIII в.).

2. Далекие дороги

...В верблюжьем зобе
Ища следы
Воды,
Человек идет по пустыне Гоби
И ведет за собой других.
Человек идет ночи и утра,
Много утр и ночей подряд,
Для того, чтоб найти старую утварь
И новый водопад.
Человек, щуря сожженные веки
Над зыбью верблюжьих спин,
Идет по пути, где в тринадцатом веке
Шли караваны в Пекин.

Вера Инбер. Пески истории
(П. К. Козлову)

Поднимаемся по широкой мраморной лестнице дома № 18 по Дворцовой набережной в Ленинграде. На площадку, украшенную кариатидами и зеркалами, выходят три двери. Мы не войдем ни в правую, ни в центральную дверь. Наш путь — налево, мимо читального зала библиотеки Института востоковедения, на полутемную площадку второй лестницы. Прямо перед нами — еще одна, высокая и белая дверь. Надпись на черной стеклянной табличке: «Рукописный фонд».

Не всякий имеет свободный доступ в эту святая святых. Но если мы предупредим о своем приходе, нас приветливо встретят хранители. В огромном зале с хорами, огражденными изящной бронзовой балюстрадой, под необъятных размеров хрустальной люстрой раскинулся как бы целый городок — высокие и вместительные шкафы красного дерева выстроились рядами, образуя подобие улиц, проходов, проспектов. Вдоль главного «проспекта» тянутся витрины, задернутые матерчатыми чехлами. По нашей просьбе хранитель откидывает их один за другим. Под стеклом покоятся сокровища, неоценимые никакими деньгами, — похожие на циновки из полос тростника египетские папирусы; нежные, как лепестки тюльпана, листы куфического Корана, написанного на искусно выделанных телячьих кожах; химьярские таблички из бронзы, на которых странные письмена выстроились, как воины, стройными рядами; пестрые и многокрасочные, похожие на причудливые сны, персидские миниатюры, украшающие страницы толстых томов в кожаных переплетах, покрытых тисненым узором и снабженных застежками; индийские книги на пальмовых листьях...

А вот и находки из Центральной Азии! Им отведена отдельная витрина. Желто-коричневые свитки из Дуньхуана со строками иероглифов — творчество давно умершего вдохно-

венного каллиграфа; тексты, написанные центральноазиатским брахми, пришедшим из далекой Индии; фрагменты уйгурских книг и документов с бросающимися в глаза резкими росчерками в концах вертикальных строк; тангутские гравюры, иллюстрирующие буддийские апокрифы, — высокое, своеобразное искусство, составляющее неповторимую гармонию со знаками сопровождающих их надписей на давно исчезнувшем языке; единственная в мире чжурчжэньская рукопись, обнаруженная советским тангутоведом Е. И. Кычановым среди скорописных текстов из Хара-хото.

Всего не перечислишь. Мало кто подумает, глядя на эти аккуратные экспонаты, реставрированные и снабженные ярлычками, какой далекий путь проделали они через пески страшных пустынь Монголии и Восточного Туркестана, прежде чем лечь в удобные застекленные витрины в красном здании Института востоковедения. И ведь выставлена лишь незначительная часть того, что было доставлено сюда, подчас с риском для жизни. Остальное находится за дверцами высоких шкафов, инвентаризированное, пронумерованное, доступное только специалистам. Часто, разворачивая картонную папку, хранящую бесценный документ, ощущаешь на пальцах песчинки той сухой бесплодной почвы, в которой рукопись пролежала несколько веков, прежде чем стать достоянием науки.

Долгое время Центральная Азия представляла собой «белое пятно» для европейских исследователей. О ней либо ничего не было известно, либо доходили самые невероятные слухи. Некоторые географы, например Адольф Шлагинтвейт, даже говорили о цепи огромных действующих вулканов, якобы венчающих горные хребты Центральной Азии. Об археологии же и говорить не приходилось. Исследователи либо считали ее страной, совершенно лишенной памятников культуры, либо становились в тупик перед отдельными необъяснимыми находками в степях, населенных, казалось бы, лишь кочевыми племенами да влачащими жалкое существование в оазисах немногочисленными земледельцами.

Подлинный расцвет археологических исследований Центральной Азии наступил лишь в XIX в. Огромную роль в ее изучении сыграла Россия. Основанное в 1845 г. Русское географическое общество посылало экспедиции, ставившие перед собой в основном географические задачи — съемки карт, исследование караванных путей, но попутно также — изучение этнографии и археологических памятников этих районов.

Начало XX в. знаменовалось усилением внимания к интересующему нас региону. Учрежденный в 1903 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, ставший цент-

ральным органом Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, развернул работу широкого профиля — его интересовали в равной мере археология, этнография, история и языки Центральной Азии. Собственно археологией и историей Центральной Азии занималось Восточное отделение Русского археологического общества.

Именно интересом России к Центральной Азии объясняется богатое собрание центральноазиатских рукописей, которое в наши дни составило Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Всякий, видевший кинофильм «Пржевальский», помнит молодого взволнованного офицера, пришедшего к великому путешественнику с просьбой разрешить принять участие в готовящейся экспедиции. Имя молодого человека — Всеволод Иванович Роборовский.

В 1893 г. В. И. Роборовский, к тому времени уже не новичок в деле исследования Азии, организует самостоятельную экспедицию в Восточный Туркестан. От местных жителей он узнает, что между Турфаном и Люкчуном в пустыне находятся развалины древней столицы уйгуров — Идикут-шари. Несмотря на свой богатый опыт путешественника, Роборовский поражен открывшимся зрелищем. Среди желтых песков тянулась, исчезая вдали, высокая стена, увенчанная многочисленными башнями. За стеной раскинулись руины огромного города, совершенно непохожие на все то, что привыкли встречать в Центральной Азии исследователи прошлых лет. Здания города были двух- и трехэтажными. На внутренних и наружных стенах сохранились остатки яркой росписи. Общий стиль архитектуры приближался то к индийскому, то к иранскому.

В. И. Роборовский собрал в открытом им городе богатую археологическую коллекцию. Обследовал он и пещерные монастыри в том же районе. Вернувшаяся в Россию в 1895 г. экспедиция привезла в числе прочих находок много рукописей, в подавляющем большинстве на уйгурском языке.

Николай Федорович Петровский, генеральный консул в Кашгаре, в отличие от В. И. Роборовского не столько путешествовал — этого не позволяли ему его служебные обязанности, — сколько скупал предметы старины у местных жителей. Первые собранные им коллекции были доставлены в Петербург в 1893 г. Впоследствии Н. Ф. Петровский не раз присылал в Россию собранные им предметы древнего искусства и рукописи. В основном эти рукописи выполнены различными центральноазиатскими вариантами индийского письма. О том, как богаты древностями Кашгар и Куча, Н. Ф. Петровский сообщал в своих письмах.

После Петровского начали собирать древности Восточного Туркестана находившиеся в Кашгаре секретарь русского консульства Я. Я. Лютш, горный инженер Л. М. Белинко, С. Н. Колоколов — преемник Н. Ф. Петровского на посту консула. Среди собранных ими вещей были и рукописи.

В 1881 г. в Минусинск прибыл политический ссыльный. С первых дней пребывания в городе он посвятил себя занятию любимым делом — археологией. Познакомившись с основателем Минусинского музея Н. М. Мартьяновым, он реорганизовал археологический отдел. В 1883 г. он принял участие в экспедиции, исследовавшей район соприкосновения Восточного Алтая и Западных Саян в верховьях рек Томи и Абакана. В 1888 г., во время поездки в Ачинский и Канский округа Енисейской губернии, он раскапывал древние курганы.

Этот человек — Дмитрий Александрович Клеменц. Позднее его имя будет вписано золотыми буквами в список исследователей Центральной Азии.

В 1896 г. Императорское Русское географическое общество поручило Сергею Федоровичу Ольденбургу разобрать коллекцию рукописей, собранных В. И. Роборовским. Содержание коллекции настолько заинтересовало ученых-востоковедов, в том числе известного знатока тюркских языков Василия Васильевича Радлова, что перед Академией наук был поставлен вопрос о посылке новой экспедиции в Центральную Азию. Оставалось назначить руководителя. Выбор пал на Д. А. Клеменца, к тому времени освобожденного из ссылки и зарекомендовавшего себя как археолога.

Экспедиция прошла путь, проделанный некогда В. И. Роборовским, и посетила ряд новых мест, до того времени не обследованных. Один только список этих мест насчитывает не менее пятнадцати названий.

Среди находок экспедиции были документы, рукописи и ксилографы, главным образом уйгурские.

Значительную роль в деле изучения древностей Центральной Азии сыграли М. М. Березовский, Н. Н. Кротков, С. Е. Малов, Н. И. Кохановский. Их собрания вошли в состав коллекций Рукописного фонда Азиатского музея.

В этих коллекциях находятся рукописи на языках различных народов, населявших некогда Центральную Азию, в частности хотано-сакские и кучинские рукописи, написанные центральноазиатскими разновидностями индийского письма кхароштхи и брахми.

Одним из важных центров культуры, расположенных на трассе Великого Шелкового пути, был Дуньхуан. Некогда он формально зависел от Китая, но некоторое время существовал, как самостоятельное владение, бывал и под властью

различных завоевателей — тибетцев, тангутов. Все это, учитывая также пограничный характер местности, не могло не сказаться на характере культуры данного района. На китайскую канву пестрой вышивкой легли следы влияния самых различных народов.

Самой знаменитой достопримечательностью Дуньхуана является Монастырь тысячи будд (Цянь фо дун), известный также под названием Могаоку. На крутом обрыве, как пчелиные соты, чернеют входы в бесчисленные пещеры. Стены некоторых из них обвалились, и взору путешественников открываются цветистые пятна настенной росписи. Именно так изобразил Монастырь тысячи будд на одной из своих картин русский художник Н. К. Рерих.

Монастырь к началу нашего века был почти покинут. Однако отдельные буддийские, а иногда и даосские монахи пытались поддерживать настенные росписи в более или менее приличном состоянии. Именно эта реставраторская работа привела в 1900 г. к замечательному открытию.

Даосский монах Ван Юаньлу, расчищая старые фрески, случайно обнаружил замурованный вход в пещеру. В ней оказалась библиотека [5].

Первые экспедиции, доставившие в Европу древности Дуньхуана, — А. Стейна и П. Пельо — исследовали книгохранилище, замурованное в пещере. В этом книгохранилище находилось более 15 тысяч книг. Поражает многоязычность найденных в дуньхуанской библиотеке книг. Кроме преобладающего китайского языка мы видим книги на восточноиранских языках, тибетском, санскритском, согдийском, уйгурском и даже древнееврейском языке [6]. Это богатое собрание — ценный источник для изучения развития книжного дела в Центральной Азии. Известный русский индолог академик С. Ф. Ольденбург во время своей второй экспедиции в Центральную Азию посетил Монастырь тысячи будд и вывез оттуда коллекцию, составившую впоследствии дуньхуанское собрание Рукописного отдела ЛО ИВАН [7].

Еще Григорий Николаевич Потанин в 1892—1893 гг., во время очередной экспедиции в Монголию, слышал от старого проводника-монгола Сантан Джимба легенду о «мертвом городе», расположенном на берегу реки, где «камни как вода текут». Многие путешественники пытались найти этот таинственный город, но, расспрашивая местных жителей, наталкивались на стену молчания. Европейцы начали даже сомневаться в реальности ускользающего от них города.

Конец сомнениям положил русский путешественник Петр Кузьмич Козлов. В ходе Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907—1909) он посетил места, некогда описанные Потани-

ным. Будучи человеком энергичным и находчивым, П. К. Козлов не стал добиваться от кочевников сведений о дороге к «мертвому городу», а прямо потребовал у местного монгольского князя проводников в тот район пустыни Алашань, где, по его расчетам, находились развалины. Удивленный князь спросил, зачем нужна чужеземцам трудная, пустынная дорога, по которой никто не ездит. Козлов спокойно, как бы ни на минуту не сомневаясь в правоте своих слов, ответил, что его интересуют развалины города, находящегося в пустыне. Князь был до того поражен осведомленностью русского гостя, что не стал скрывать настоящего пути к развалинам. 1 апреля 1907 г. перед экспедицией встали из песков глинобитные стены Хара-хото, легендарного города, о котором говорил Г. Н. Потанин.

Находки начались с первых же шагов. Среди них были и рукописи. Но что это? Наряду с хорошо знакомыми членам экспедиции тибетскими и китайскими знаками во множестве встречались рукописные и печатные книги, написанные неизвестными письменами. Странные начертания не походили ни на одну из известных П. К. Козлову систем письма.

Отослав первую партию находок в Петербург, Козлов продолжал свой путь, все дальше углубляясь в Азию. Между тем в Географическом обществе разобрались в истинной ценности открытых им рукописей. Это оказались памятники письма тангутов — народа тибетоязычной группы, основавшего в X в. у западных границ Китая свое государство. Знаки тангутского письма уже были известны по надписям на монетах и большому многоязычному тексту на воротах Цзюйюнгуань, неподалеку от Пекина (XIV в.). Но экспедиции П. К. Козлова посчастливилось впервые обнаружить тангутские книги, притом в большом количестве.

Козлову тут же было послано письмо с просьбой прервать дальнейшее путешествие и вернуться в Хара-хото для продолжения раскопок. 22 мая 1909 г. экспедиция вновь посетила «мертвый город».

Вокруг Хара-хото было разбросано множество субурганов — буддийских архитектурных сооружений, служивших обычно либо гробницами святых, либо местами хранения реликвий [8]. Зная, что в числе последних могут быть рукописи, Козлов избрал на этот раз объектом раскопок один из субурганов, расположенный недалеко от стен города. Результаты превзошли все ожидания. Помимо священных изображений, явивших миру образцы тангутского изобразительного искусства, в субургане содержалось более восьми тысяч рукописных и печатных книг на тангутском языке — как целых, так и отдельных фрагментов.

До сих пор точно неизвестно, в каком порядке были составлены книги в субургане. Козлов говорит о том, что они были аккуратно сложены перед статуями сидящих буддийских божеств[9]. Сохранившаяся фотография, показывающая начало раскопок субургана, как будто позволяет судить об упорядоченном положении бурханов, а, следовательно, и книг. Но в нижних слоях субургана книги и предметы могли находиться в меньшем порядке. Казаки, составлявшие рабочую силу экспедиции, сносили находки на брезенте к палатке П. К. Козлова, нарушая порядок расположения книг в субургане, даже если таковой и был. Никаких планов послойных раскопок субургана не велось. Таким образом, вопрос остается открытым.

Так, капля за каплей, поиски исследователей обогащали собрание, ставшее впоследствии коллекцией рукописей Азиатского музея. Сейчас это — Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В основу данной работы легли главным образом экспонаты этого огромного собрания — одной из богатейших рукописных коллекций мира.

Разворачивая ветхие листы рукописей, автор не раз с любовью и глубоким уважением вспоминал тех, чьими руками были собраны эти сокровища, донесшие до нас искусство древних мастеров книжного дела. Сами творцы книг давно истлели в могилах, но их творения доносят до нас сквозь века голос ушедших поколений.

2 Заказ № 41

Глава первая
КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ

Куда там
Стальное перо —
до гусиных еще далеко,
Еще не кричали те гуси
на зорях багряных.
Телячий пергамент? Он тоже —
ему еще рано —
На римских лугах
материнское пьет молоко.
Чернильный орешек?
Еще в обиход не вошел он.
Китайская тушь?
Но ведь это в Китае...

Вера Инбер. Фаэтон

1. Первая бумага в мире

Как небрежно и легко обращаемся мы с любым бумажным листом! В магазине всегда можно купить пачку писчей бумаги. А оберточная? А газетная? Их и бумагой-то называть неловко!

Так обстоит дело во второй половине нашего столетия. Но вернемся мысленно на много веков назад. Если бы вам предложили записать адрес знакомого не на бумаге, а на рулоне шелка или куске выделанной кожи, вы бы поневоле задумались: «Не дороговато ли?» А что, если бы вместо шелка или кожи ваша записная книжка представляла бы подобие шторы из деревянных планок? Тут самый атлетически сложенный и натренированный молодой человек растерялся бы. «Полно! — скажете вы. — Автор, наверное, шутит. Зачем это, когда есть более удобные материалы? Да на этом и не пишут вовсе!» А было время, когда и материалов не было, и писали...

Наш обзор посвящен возникновению и развитию книжного дела в Центральной Азии. Давайте же посмотрим, как обстояло дело с материалом для письма в этом районе земного шара.

До изобретения бумаги основным материалом для письма
 в странах Центральной Азии служили ткань, кожа и глав-

ным образом дерево. В восточных районах Центральной Азии, находившихся под сильным влиянием китайской культуры, писали на деревянных или бамбуковых планках. Дерево было материалом более характерным для Центральной Азии, чем бамбук, растущий в Китае. «Книги» из деревянных дощечек, обнаруженные в Центральной Азии, часто повторяют форму китайских, написанных на бамбуковых планках. Каждая дощечка была около 22,5 см длиной, достаточной ширины для одной колонки иероглифов. Дощечки скреплялись друг с другом шелковым шнурком или ремнем, пропущенным через отверстия, проделанные либо с одного конца дощечки, либо вверху и внизу каждой дощечки. В последнем случае получалось нечто вроде свитка, состоявшего из деревянных полос. О форме древних деревянных книг свидетельствует иероглиф *цэ* (в древней форме), наглядно изображающий дощечки, соединенные шнуром. Этим иероглифом впоследствии обозначали большой раздел книги. Графление страниц поздних рукописных и печатных книг вертикальными линиями также, вероятно, указывает на древнюю форму книги — деление на планки. Многочисленные археологические находки в Восточном Туркестане полностью соответствуют сохранившимся в источниках описаниям «книг» на деревянных дощечках [1]. Спустя долгое время после изобретения бумаги в некоторых районах Центральной Азии продолжали писать на дереве. В Миране экспедицией А. Стейна были обнаружены документы на деревянных дощечках, заключенные в деревянный «переплет», запечатанный глиняной печатью. Их датируют VIII—IX вв. Рядом с ними найдены документы на бумаге, датированные тем же временем [2].

Коллекция документов на дереве, состоящая из 57 единиц хранения, есть и в Рукописном отделе ЛО ИВАН. Она была собрана в Миранском городище известным знатоком Центральной Азии Сергеем Ефимовичем Маловым — там же, где обнаружил аналогичные документы А. Стейн. Это узкие дощечки размером 9×1,5 см и 11×1,5 см с отверстием для шнурка с правой стороны [3], бруски с надписью на одной из граней [4] и бруски квадратного сечения [5].

В Восточном Туркестане найдены также рукописи на бересте и коже. Поскольку в то время уже существовала бумага, такая приверженность к старым материалам может быть объяснена либо некоторой консервативностью обычаев, либо нехваткой бумаги.

Писание на бересте — это скорее индийская, чем централь-

ноазиатская традиция. Первые сведения об употреблении этого материала для письма относятся ко времени вторжения в Индию Александра Македонского [6]. Знаменитый мусульманский ученый-энциклопедист XI в. Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль Бируни, собравший богатый материал для своей книги об Индии во время индийских походов султана Махмуда Газневи, описывал способ приготовления бересты для письма: ее смазывали маслом и полировали [7]. Береста широко использовалась в Кашмире в XIII в. [8] Обычно для этой цели брали бересту дерева Betula utilis, растущего по склонам Гималаев от Кашмира до Сиккима.

С V—IV вв. до н. э. появились шелковые свитки для письма (кит. «бошу»). Образцы подобных свитков были найдены вместе со свитками из бумаги около Великой Китайской стены [9].

О том, как готовили шелк для того, чтобы писать на нем, можно судить по образцам из Месопотамии раннего мусульманского периода. Там белый шелк погружали в камедь и полировали раковиной [10]. О внешнем оформлении шелкового свитка для письма будет рассказано в разделе о форме книги. По мнению Т. Ф. Картера, техника обработки шелкового свитка для письма берет начало в Китае, так как именно из Китая шелк впоследствии попал на Ближний Восток. Несколько кусков китайского шелка-сырца было найдено в Пальмире, Дура-Эуропос и Египте [11]. Но, как отмечали китайские источники V в., «шелк был слишком дорог, а бамбук слишком тяжел» [12]. Сохранилось упоминание о том, что для перевозки сочинений одного из китайских ученых требовалось пять повозок. Император Цинь Шихуан ежедневно просматривал множество связок дощечек, весивших в общей сложности более 66 кг [13]. Необходим был более удобный материал для письма.

Первые шаги для создания такого материала были предприняты, по-видимому, еще в ту эпоху, когда «бамбуковые книги» господствовали безраздельно. В комментариях к трудам великого китайского историка Сыма Цяня [145 (135?) — 86 гг. до н. э.], сделанных в VIII в. н. э., говорится, что жители районов к югу от Янцзы «прядут кору (бумажной шелковицы), чтобы сделать из нее материю... и толкут ее, чтобы сделать бумагу» [14]. Трудно сказать, действительно ли попытки изготовить бумагу относятся к столь раннему времени, или в данном случае имеет место стремление позднего комментатора объяснить непонятный текст, используя понятия своей эпохи. Возможно, что в тексте Сыма Цяня речь идет о каком-то изделии из луба, типа полинезийской тапы (материи из луба). Вполне вероятно, что в то время китайцы пы-

тались писать на лубе, так как записи на этом материале известны у многих культурных народностей Центральной Америки и Юго-Восточной Азии, в частности в некоторых районах Индонезии.

В I в. н. э. появляются первые образцы бумаги из необработанного шелка или шелковых волокон. При изготовлении шелковой ваты в качестве побочного продукта на дне сита, в котором промывали вату, оставался осадок, превращавшийся при высыхании в лист, на котором можно было писать. Так, по мнению автора-популяризатора Мао Цзобэня, была изобретена первая бумага в мире [15]. Однако словарь «Шо вэнь» (100 г. н. э.), поясняя слово «чжи» («бумага»), не делает столь далеко идущих выводов. По словарю, это слово обозначало первоначально просто комок шелковых или хлопковых оческов и звучало как *ши* или *чжи* [16]. Так или иначе, иероглиф *чжи* действительно имеет детерминатив «нить», что указывает на связь этого понятия с понятием «шелк».

105 год н. э. официально считается в китайской литературе годом изобретения бумаги. Согласно источникам, изобретателем ее был Цай Лунь. Как чиновник, связанный по должности с мануфактурами, обслуживающими двор и армию, он ввел в употребление немало технических новшеств. Именно эта техническая жилка сказалась в том, что Цай Лунь знал недостатки материалов для письма, употреблявшихся в то время, и пришел к мысли об изобретении материала более легкого и дешевого, чем бамбуковые планки или шелковые свитки. Обратив внимание на волокна, остающиеся на сите после промывки коконов и превращающиеся в лист, Цай Лунь решил изготовить новый материал для письма также из волокнистого сырья. Этим сырьем стала масса из тряпок, древесной коры, конопли и старых рыболовных сетей. Так по крайней мере гласит традиционная версия. Был ли Цай Лунь действительно изобретателем или только официальным лицом, которое взяло на себя роль патрона изобретения, — сейчас установить невозможно. Во всяком случае, имя его неразрывно связано в памяти китайского народа с появлением бумаги. Он был даже обожествлен как дух-покровитель мастеров по изготовлению бумаги. Ступа, в которой, по преданию, Цай Лунь толок бумажную массу, в эпоху Тан была с большими церемониями перенесена из Хунани в столицу и помещена в императорское собрание редкостей. Часто фигурирует в литературе древнее название бумаги: «бумага князя Цай» [17].

Однако современная археология внесла поправку в традиционное представление о времени изготовления первой бумаги. В марте 1931 г. шведская экспедиция производила

раскопки развалин поселения времен династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) на реке Эдзин-гол, близ гор Баян-богдо, неподалеку от того места, где еще раньше Петр Кузьмич Козлов обнаружил руины «мертвого города» Хара-хото. Один район развалин оказался особенно богатым находками. Перед глазами ведущего раскопки археолога Фолька Бергмана прошел целый ряд извлеченных из земли предметов: китайский нож в кожаных ножнах, сильно ссохшийся от времени мех для воды, стрела от самострела с бронзовым наконечником и тростниковым древком, хорошо сохранившийся плащ из травяных жгутов, какие и по сей день носят китайские крестьяне, несколько деревянных дощечек, покрытых письменами, и... обрывок бумаги! Позднее китайский археолог Лао Кан, исследовав находку, датировал ее 24 февраля 98 г. н. э.[18] Свое утверждение он основывал на датах, указанных в найденных рядом с бумагой документах на дереве.

За последнее время в западных районах Китая найдены образцы бумаги гораздо более древней, чем бумага, найденная Бергманом — 87—49 гг. до н. э. и 52 г. н. э.

По мнению некоторых ученых, в частности китайского историка Пань Цзисина, эти ранние образцы бумаги — полуфабрикаты, куски бумажной массы, на которых невозможно писать, а настоящим изобретателем бумаги является все-таки Цай Лунь[19]. Однако автору данного обзора вопрос представляется несколько в ином свете. Если учесть то, что говорилось выше об осадке от промывания шелковой ваты, а также принять во внимание толкование иероглифа *чжи* в словаре «Шо вэнь», то можно предположить, что Цай Лунь лишь усовершенствовал изобретенное до него.

Другие образцы ранней центральноазиатской бумаги, обнаруженные в Восточном Туркестане, датируются полутора веками позднее, чем бумага, изобретенная Цай Лунем. Судя по археологическим находкам, уже на заре нашей эры бумага появилась в Центральной Азии, постепенно вытесняя остальные материалы для письма.

2. Как изготовлялась древняя бумага

Как уже было сказано, первые образцы вещества, похожего на бумагу, получили, по-видимому, в качестве побочного продукта в процессе изготовления шелковой ваты. Впоследствии название «шелковая бумага» стало применяться вообще к дорогим сортам бумаги, изготовлявшимся из самых различных материалов[20].

 Ранние образцы бумаги, найденные в Западном Китае,

состоят из волокон конопли. Цай Лунь, как известно, изготовил бумагу из тряпок, коры и остатков старых рыболовных сетей, обратив все это в однородную массу путем размельчения в ступе. Мао Цзобэнь высказывает мысль, что разбухшие волокна старых рыболовных сетей, которые употреблялись для промывки шелковой ваты, дали Цай Луню идею использовать эти сети в качестве сырья[21].

Анализ бумаги из Восточного Туркестана III—VIII вв. показал, что в ее состав входили: кора бумажной шелковицы (Broussonetia papyrifera), волокна пеньки (как сырые, так и взятые из различных изделий — рыболовных сетей, ткани, веревки), волокна рами (Beehmeria nivea), полученные из старых тканей[22].

С VII в. в качестве сырья для бумаги сорта «сюаньчжи» («мягкая бумага») начали использовать рисовую солому. Этот сорт бумаги обладал высокими качествами — бумага была глянцевитой, мягкой, не желтеющей от времени. Она изготовлялась на территории современной провинции Аньхой. Бумага из рисовой соломы пользуется широким спросом до наших дней.[23]. Упоминается в источниках и бумага «из пшеничной муки и рисовой соломы», изготовлявшаяся в XVI в. в Чжэцзяне.

Для рукописей VIII—X вв. использовалась бумага из Ичжоу (Сычуань) из волокон конопли (Hemp cannabis), отличавшаяся плотностью и прочностью[24]. Источники выделяют ее в особый сорт[25].

Бумага из волокон бамбука, широко используемая и по сей день, была изобретена при династии Сун (960—1279). Она отличается легкостью изготовления и дешевизной[26]. Как разновидность ее может быть упомянута бумага из камыша[27].

Широкое распространение в период Лю-чао (229—589) получила бумага из коры тутовника[28]. Иногда, по-видимому, в дело шла не кора, а луб тутового дерева[29]. Гораздо шире была распространена бумага из волокон коры бумажной шелковицы, близкого родственника тутовника. Танский философ Хань Юй называл бумагу «господином Чу» по названию этого дерева (кит. «чу» — «бумажная шелковица»)[30].

По-видимому, народы Дальнего Востока и Центральной Азии в случае нехватки материала использовали для изготовления бумаги любое растение, способное давать волокна. Бумага «бибаочжи» изготовлялась из клещевины (Ricinus)[31].

Не вполне ясно, что представляла собою «бумага из ароматной кожи»[32]. Судя по описанию фактуры данного сорта бумаги, можно заключить, что это пергамент. Но широкого

распространения на Дальнем Востоке и в Центральной Азии он не получил.

Технология изготовления бумаги мало изменилась с древнего времени до наших дней. Растительные волокна замачивались с известью и вываривались в течение нескольких суток. Затем вся масса выдерживалась некоторое время в специальных ямах, а после этого размельчалась в ступах и разбавлялась водой до получения клейкой кашицы. Ее разливали в бамбуковые сита — формы. Тонкий слой бумажной массы вместе с формой клали под пресс. Полученные листы сушили, отглаживали, резали по формату, отбеливали или красили [33]. Отпечаток решетки сита, в котором отливали бумажный лист, давал так называемую сетку бумаги, состоящую из вертикальных и горизонтальных линий. Характер сетки — число горизонтальных линий и расстояние между вертикальными — имеет для специалистов-палеографов важное значение в определении сорта бумаги, места и времени ее изготовления. С подсчетом линий сетки для определения сорта бумаги нам еще не раз придется столкнуться в следующем разделе этой главы.

Важной особенностью бумаги из Центральной Азии является ее состав. О том, что в него входили главным образом растительные волокна, взятые из переработанных тканей, было сказано выше. Для западных районов Центральной Азии мы видим ту же картину. Согдийские документы коллекции А. Стейна, исследованные профессором фон Виснером, были написаны на бумаге, где к основе из волокон бумажной шелковицы была примешана тряпичная масса [34]. Позднее тот же фон Виснер, исследовав образцы бумаги первых годов IV в., привезенные А. Стейном из второй его экспедиции, получил картину использования чисто тряпичной массы. Анализ египетской бумаги IX—XIV вв., сделанный в 1885—1887 гг. И. фон Виснером и И. Карабачеком, показал, что и она была почти полностью тряпичной [35]. Это позволяет опровергнуть ошибочную теорию о том, что изобретателями тряпичной бумаги были самаркандские арабы, не нашедшие в Центральной Азии достаточно материалов, дающих растительное волокно. Анализ тангутской бумаги XI—XIII вв., произведенный в 1963 г. в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института целлюлозно-бумажной промышленности, показал, что в ее состав входила хлопчатобумажная тряпичная полумасса с примесью пеньки и волокна, похожего на лен [36]. Поскольку льноводство было мало распространено в странах Центральной Азии здесь, мы, очевидно, имеем дело с каким-то другим волокном, возможно рами или джута. В Восточном Туркестане для изготовления бумаги употреблялось то

же растительное волокно. В Хотане и Кашгаре, где она появилась во II—III вв., ее делали из волокон бумажной шелковицы, в Турфане и Куче — из кустарниковой массы, в Аксу — из хлопка [37].

Не исключается использование в Центральной Азии привозной индийской бумаги. Вообще, вопрос о появлении бумаги в Индии до сих пор недостаточно исследован. Римский историк Страбон, описывая обычаи индийцев времен походов знаменитого завоевателя древних времен Александра Македонского (334—323 гг. до н. э.), утверждает: «Письма они (т. е. индийцы. — *А. Т.-К.*) пишут на кусках тонкой материи, очень плотно тканной» [38]. Следовательно, в древней Индии мы видим тот же материал для письма, что и в Китае до изобретения Цай Луня. Хотя, по мнению некоторых индийских ученых, бумага была знакома индийцам еще до нашей эры [39], первые известные образцы датируются V—VII вв. По всей вероятности, в Северо-Западной Индии и Кашмире, где издавна культивировали хлопок, он использовался как материал для производства бумаги, налаженного еще в I в. н. э. [40].

После Цай Луня бумага долгое время считалась дешевым суррогатом шелковых свитков и бамбуковых планок. До нас дошел текст письма человека, умершего через 37 лет после того, как бумага впервые была представлена на рассмотрение императору: «Я посылаю тебе (речь обращена к другу автора письма. — *А. Т.-К.*) труды философа... в десяти свитках. Будучи лишен возможности дать список на шелку, я вынужден послать таковой на бумаге» [41]. Крупные усовершенствования в дело производства бумаги внес Цзо Бо, уроженец Шаньдуна. Он был известен как прекрасный каллиграф. В бумажном деле он считался учеником Цай Луня. В источниках встречаются слова о том, что бумага Цзо Бо, так же как и его тушь и кисти, не имеет себе равных [42]. Известный писатель Вэй Тан (179—235) особенно ценил бумагу Цзо Бо [43].

Момент широкого распространения бумаги в Центральной Азии совпадает с возникновением в данном регионе книгопечатания. Найденные образцы иллюстрируют процесс постепенного усложнения бумажного дела. Первая центральноазиатская бумага представляла собой простую сетку из волокон, без следов обработки. Позднее появились первые попытки шлихтования — обработки бумаги слоем гипса, чтобы она легче впитывала тушь. Еще позднее бытовала пропитка бумажного листа клеем или желатином из особых сортов лишайника. Еще более поздняя шлихта — сухая крахмальная мука, втертая в лист, мука, смешанная с тонкой крахмальной пастой, или паста в чистом виде. По-видимому, гипсование

бумаги в некоторых районах Центральной Азии было в ходу вплоть до XII в. Во всяком случае, в хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН есть образец такой бумаги[44].

3. Центральноазиатская бумага VI—XIII вв.

Бумага, найденная шведской экспедицией, как было сказано выше, датируется 98 г. н. э. От II в. н. э. до нас не дошло ни одного клочка бумаги. III—IV вв. дают некоторое количество отдельных фрагментов. Однако о настоящем широком использовании бумаги для письма можно говорить приблизительно с VI в.

Теперь читателям придется поскучать. Что делать? Палеография — наука точная, как математика и физика.

Бумага рукописей, найденных в знаменитом дуньхуанском книгохранилище, может быть разделена на сорта в зависимости от времени изготовления[45]. Бумага VI в. очень тонкая и упругая, бледно-бурого цвета, с гладкой поверхностью с обеих сторон, толщиной 0,05—0,06 мм, «хрустящая» и просвечивающая, с очень густой сеткой — 10 горизонтальных линий в 1 см. Судя по линиям сетки, бумажный лист отливался в сите из очень тонких травинок или лучинок бамбука. Вертикальные линии сетки, очень прямые и тонкие, отстоят друг от друга приблизительно на 1,2 см. Со второй половины VI в. появляется новый тип бумаги — тонкая, «хрустящая» бумага, окрашенная в золотисто-желтый цвет. Сетка ее отличается очень равномерным чередованием линий (6—7 горизонтальных линий в 1 см). Бумага эта просвечивающая и прочная, с очень ровной поверхностью. Обнаружены варианты окраски данного сорта: оранжево-желтый, густо-синий, зеленовато-бурый, зеленовато-желтый, розовый.

VII век также дает разнообразие образцов дуньхуанской бумаги. Это, во-первых, темно-бурая бумага очень ровной фактуры. Толщина ее — 0,01 см. Сетка почти не просматривается. Поверхность очень гладкая, без включений волокон. Тогда же входит в обиход плотная, гладкая бумага, с волнистой поверхностью и более ясно просвечивающей сеткой. Другой сорт — тонкая, «хрустящая», золотисто-желтая бумага. Наибольшим распространением пользовалась гладкая, тонкая бумага, коричнево-желтого цвета.

В 755 г. китайский полководец Ань Лушань, по происхождению уроженец Центральной Азии, поднял мятеж против императора династии Тан — Сюань-цзуна. Для Китая и подвластных ему областей, в том числе и для лежащего на западных границах империи и политически полузависимого

Дуньхуана, наступили тяжелые времена. Общий экономический упадок, вызванный междоусобной войной, не мог не сказаться на качестве промышленных изделий, в том числе и бумаги. Дуньхуанская бумага того времени — грубая, тускло-коричневая. Позднее, в конце второй половины VIII в., когда страна оправилась после военных потрясений, снова наблюдается разнообразие сортов бумаги: похожая на бумагу VII в. ярко-желтая, «хрустящая», толщиной 0,07—0,08 мм; белая, очень тонкая и мягкая, с плохо размягченными волокнами; тонкая, коричневая, «хрустящая», с шероховатой поверхностью и 7—8 горизонтальными линиями сетки на 1 см; грубая и неровная серо-коричневая бумага с плохо просматривающейся сеткой и многие другие сорта.

Бумага IX в. из Дуньхуана становится значительно хуже по качеству, чем бумага предшествующих веков. Это тусклая, грубая, темно-коричневая бумага.

Дуньхуанская бумага X—XI вв. при известном разнообразии цвета и фактуры характеризуется одинаковыми расстояниями между вертикальными линиями сетки, иногда плохо просматривающимися, и наличием 3—6 горизонтальных линий в 1 см. Наряду с этими сортами существовал сорт китайской бумаги, близкий по многим показателям к тангутской бумаге, но относящийся скорее к XII в. (сорт 7, по приведенной ниже таблице 1). На бумаге этого сорта напечатаны многие ксилографы тангутской коллекции ЛО ИВАН, в том числе словари «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории». Для этих словарей использована бумага документов, захваченных тангутами в одной из китайских пограничных крепостей.

Большое многообразие сортов показывает бумага ксилографов и рукописей, найденных экспедицией П. К. Козлова в Хара-хото [46].

Особенно характерна для тангутской бумаги ее сетка.

Что касается горизонтальных линий сетки, то в образцах тангутской бумаги 6 горизонтальных линий в 1 см — случай редкий. Обычно в 1 см тангутской бумаги заключается 7 горизонтальных линий. Несколько реже встречается 8 линий, еще реже — 9 и 10. Число линий, как правило, одинаково по всей бумаге. Изредка дефекты сетки дают неравномерность в распределении горизонтальных линий. Обычны колебания: 6—7, 9—10, чаще всего 7—8 линий. Как особый случай следует рассматривать наличие множества мелких линий, по 12—14 в 1 см, характерное главным образом для желтой бумаги. Иногда горизонтальные линии вообще не просматриваются.

Но признаком, позволяющим почти безошибочно определить тангутскую бумагу, являются вертикальные линии сет-

ки. Двойные вертикальные линии сетки мы видим при правильном чередовании малых и больших промежутков. Обычно малые промежутки составляют от 1 до 2,5 см, а большие — от 2 до 6 см. Чаще всего наблюдается следующее чередование промежутков (цифры перед тире — величина малого промежутка, после тире — большого промежутка): от 1 до 1,5 — от 2 до 2,5 см; от 1 до 1,5 — от 3 до 3,5 см; от 1 до 1,5 — от 4 до 4,5 см; от 1 до 1,5 — от 5 до 5,9 см; 2—3 см; от 2 до 2,5—4 см; 2—5 см; 5—6 см.

Сетка тангутской бумаги:
а) сетка с двойными линиями;
б) и в) сетки с беспорядочным чередованием вертикальных линий

В дешевых сортах бумаги, употреблявшейся главным образом для рукописей, написанных курсивом (курсивом выполнялись дешевые копии известных сутр или деловые документы), не представляется исключением беспорядочное чередование различных по величине промежутков. Например: 1—4—4—2,5—2,5 см; 0,8—5,1—5,1—5,1—4,5—4,5—1—4,5—4,5—1—4—4—4—1,5—3—3—1,5 см... Линии сетки в таких сортах бумаги бывают скошенными. Трудно сказать, имеет ли здесь место плохая форма или небрежное разрезание готовых листов по формату. По-видимому, некоторое распространение имела подклейка тонкой бумаги более плотной.

Руководствуясь такими данными, как цвет, фактура, сетка, можно выделить несколько сортов тангутской бумаги.

В рукописях и ксилографах встречаются вклейки на бумаге другого сорта, отличного от той бумаги, на которой написана рукопись: на белой бумаге в рукописях на желтой бумаге [47], и наоборот [48], а также вклейки на серой бумаге (сорт IV, по таблице) [49]. В двух случаях в рукописи, написанные целиком на одном сорте бумаги, вклеены листы, относящиеся к другому сорту — лист на красной бумаге [50] и лист, склеенный из красной и желтой бумаги [51].

Таблица 1

Сорта тангутской бумаги из Хара-хото

Сорт	Цвет	Фактура	Сетка	Шлихта	Примечания
I	Белый	Почти без утолщения и включений волокон	Крайне разнообразная	Нет	
II	Желтый	Всегда очень тонкая (наклеена на более плотную бумагу)	Не проглядывается	Нет	Употребляется только для буддийских текстов
IIa	Желтый	Чуть шероховатая	Правильное чередование больших и малых промежутков между вертикальными линиями сетки	Нет	
III	Красный	Шероховатая, плотная	Не проглядывается	Нет	Встречается крайне редко
IV	Серый	Очень мягкая, с большим количеством утолщений и включений волокон	Расстояние между вертикальными линиями различное	Нет	
V	От грязно-серого до серо-коричневого	Очень тонкая, почти прозрачная, с включениями волокон	Беспорядочное чередование вертикальных линий	Нет	Один из самых дешевых сортов
VI	Желто-серый	Очень плотная	Не проглядывается	Густая	
VII	Серый	Чуть шероховатая, не очень плотная	Характерное чередование промежутков между вертикальными линиями: 1—3 см, 1—6 см	Нет	Возможно, вывозилась из Китая
VIII	От серого до серо-коричневого	Чуть шероховатая, не очень плотная	При различном расстоянии между вертикальными линиями всегда 7 горизонтальных линий в 1 см	Нет	Встречается чаще других сортов

Подавляющее большинство образцов бумаги, найденной в Хара-хото, относится к XII в., образцов XI и XIII вв. крайне мало.

Многослойная бумага, как правило, представляет собой листы обычной бумаги, склеенные вместе. Поэтому нет нужды выделять ее в особый сорт.

Как бы широко ни было развито производство бумаги на Востоке, нехватка ее давала себя знать. Ощущали ее и тангуты.

Часто на обороте исписанного листа можно встретить скорописные тексты [52]. Иногда это — документы, снабженные печатями [53]. Очевидно, в тех случаях, когда ощущалась нехватка писчего материала, использовалась исписанная с одной стороны старая бумага. Это явление наблюдается в книгах и у других народов Центральной Азии, в частности у уйгуров [54].

Бумага уйгуров, ближайших соседей и во многих отношениях учителей тангутов, значительно отличается от тангутской. Уйгурская бумага VII в. — тонкая, хрупкая, желтоватого оттенка, с гладкой поверхностью [55]. Бумага X — начала XI в., как правило, плотная, желтого цвета, иногда глянцевая. Особенно характерна ее сетка — 4—5 горизонтальных линий в 1 см [56]. Вероятно, к тому же периоду относится тонкая, белая бумага [57].

Уйгурская бумага XIII—XIV вв. — очень толстая, светло-коричневой окраски, с глянцевитой поверхностью [58]. В этом сорте по всей массе листа можно наблюдать многочисленные, равномерно распределенные включения крупных растительных волокон. Слишком гладкая, как бы покрытая каким-то веществом поверхность свидетельствует о том, что данный сорт бумаги шлихтовался. О наличии шлихты явственно говорят маленькие наплывы и пузырьки в верхнем, глянцевитом слое бумаги. Еще более убеждает нас в том, что здесь имела место шлихта, сопоставление рассматриваемой бумаги с другим образцом, также, несомненно, уйгурским. Налицо та же толщина, те же характерные линии сетки, уйгурский текст. Но вместо глянцевитой поверхности мы видим грубую, шероховатую. Цвет фрагмента также отличается от предыдущего — он не светло-коричневый, а пепельно-серый. Сетка уйгурской бумаги XIII—XIV вв. кое в чем отличается от сетки более ранней бумаги. Здесь на 1 см приходится всего 3—4 горизонтальные линии, очень толстые.

Малые размеры уйгурских фрагментов XIII в., хранящихся в коллекции ЛО ИВАН, не позволяют точно установить число вертикальных линий сетки. Кажется, они чередуются через 3 см.

Лишь один образец уйгурской бумаги близок к бумаге из Хара-хото. Это — светло-серая, почти белая бумага, с очень шероховатой поверхностью. Еще более сближает ее с тангутской бумагой сетка из 7—8 горизонтальных линий в 1 см [59].

Две рукописи тангутского фонда ЛО ИВАН, по-видимому, написаны на уйгурской или одном из китайских сортов бумаги. Это — очень плотная бумага, темно-коричневого цвета, с плохо просматривающейся сеткой [60].

По мнению исследователя дуньхуанских рукописей из коллекции ЛО ИВАН Л. Н. Меньшикова (оно было высказано автору в личной беседе), бумага из Хара-хото с мягкой ворсистой поверхностью и 7 горизонтальными линиями сетки в 1 см доставлялась из государства чжурчжэней, возникшего в 1115 г. и постоянно находившегося в контакте с Китаем и империей тангутов. Хотя чжурчжэньские императоры запрещали вывоз книг за границу, этот запрет, по-видимому, не распространялся на сочинения, изданные в государстве чжурчжэней на китайском языке. Некоторое количество таких книг обнаружено в китаеязычной части коллекции, собранной П. К. Козловым в Хара-хото. Л. Н. Меньшиков, подробно исследовавший и описавший их, впервые в восточной палеографии отметил характерные особенности бумаги, на которой они были напечатаны [61].

В том же Хара-хото найдены ассигнации, выпущенные монгольскими правителями Китая. Эти ассигнации отпечатаны — по-видимому, с медных штампов — на очень толстой серой бумаге, имеющей 4—5 горизонтальных линий сетки в 1 см [62]. Сходство ее сетки и фактуры с нешлихтованными образцами уйгурской бумаги свидетельствует о том, что монголы в какой-то мере позаимствовали технику изготовления бумаги у уйгуров, точно так же как и уйгурский алфавит, легший в основу монгольского письма.

4. Путь бумаги на Запад

Из всего сказанного выше мы видим, что искусство изготовления бумаги, появившись в западных районах Китая, пережило пышный расцвет в странах Центральной Азии. Именно оттуда оно распространилось впоследствии по всему миру.

Проникнув из Восточного в Западный Туркестан, техника бумажного дела прочно утвердилась в странах Средней Азии. В VIII в., после битвы при Таласе, арабы овладели Самаркандом. В числе пленных они захватили несколько мастеров по изготовлению бумаги. Завоеватели быстро освоили секрет

производства нового материала для письма и ввели его во всех странах Халифата. В XII—XIII вв. испанские арабы, создавшие такие неповторимые шедевры мирового искусства, как дворцы Альгамбры, преуспевали и в ряде других культурных начинаний, в том числе и в производстве бумаги. От них умение делать бумагу заимствовали итальянцы. Вскоре после этого бумага стала изготовляться по всей Европе. Вероятно, не только испанские арабы передали европейцам технику изготовления бумаги, так как она долго носила название «дамасский лист». Но и это название указывает на ее несомненно восточное происхождение.

По мнению Т. Ф. Картера, самаркандская бумага, ранняя арабская бумага VIII в. и первые образцы европейской бумаги XIII—XIV вв. очень близки друг к другу и к центральноазиатской бумаге.

Наличие образцов ранней ближневосточной бумаги в коллекции ЛО ИВАН позволяет судить, насколько она похожа на бумагу из Центральной Азии.

Одна из наиболее старых арабских рукописей, датируемая X—XI вв., написана на грязно-белой бумаге с чуть сероватым отливом [63]. Поверхность ее — гладкая, глянцевитая, с рельефно выступающими линиями сетки. Бумага кое-где покрыта наплывами и пузырьками, говорящими о наличии шлихты. По-видимому, ее обработали чем-то вроде клейстера. Линии сетки чуть скошены. На 1 см приходится 6 горизонтальных линий. Вертикальные линии проглядываются плохо. Они чередуются неравномерно, чаще всего через 2,5—3 см. Есть утолщения и включения волокон, но их немного.

Самаркандская бумага середины XII в. также представлена в нашем собрании. Это — кофейно-коричневая, очень плотная бумага с глянцевитой поверхностью. Линии сетки выступают рельефно. Расстояния между вертикальными линиями неравномерны, чаще всего 3 см. Есть неровности и многочисленные включения тонких волокон. В подлинности данного образца бумаги нас убеждает дата, проставленная в колофоне — 1104 г. (дата окончания переписки). Книга, написанная на этой бумаге, является самой ранней датированной рукописью персидской коллекции Рукописного отдела ЛО ИВАН. Первым описал ее и определил сорт бумаги С. И. Баевский [64].

Крайним западным пунктом караванных путей, соединявших в древности Восток и Запад (в том числе и Великий Шелковый путь), была Сирия. Со II в. н. э. сирийцы имели сложное и развитое книжное дело. Очагом сирийской цивилизации было небольшое княжество Осроэна, существовавшее в северо-западной части Месопотамии в 132 г. до н. э. —

216 г. н. э. Уже после падения Осроэны в развитии культуры сирийцев и продвижении ее в различные районы Азии сыграли большую роль последователи епископа Нестория — несториане, объявленные еретиками на третьем вселенском соборе в 431 г. После этого значительная часть их бежала в Персию, откуда им в дальнейшем открылись пути далеко на Восток.

Сирийские миссионеры-несториане, распространившие свое влияние по всей Центральной Азии, в VII в. проникли в Китай. Со своим вероучением миссионеры несли народам, которым они проповедовали, элементы высокой и своеобразной сирийской культуры, например алфавит, ставший впоследствии основой целого ряда письменных систем Востока. Первоначально сирийцы писали на папирусе и пергаменте [65], но в VIII в. они уже употребляли бумагу.

Одна из сирийских рукописей ЛО ИВАН, лекционарий, датируемый 1234 г., написана на тряпичной восточной бумаге (bombycina), возможно хорасанской [66]. Это — плотная, чуть желтоватая бумага, покрытая толстым слоем шлихты. Характер шлихты сближает данный образец с уйгурской и самаркандской бумагой. В 1 см — 8 горизонтальных линий, вертикальные линии не проглядываются. Бумага, на которой написан лекционарий, однослойная.

Фактура сирийских и сиро-тюркских рукописей, найденных в развалинах Хара-хото, совсем иная [67]. Они написаны на бумаге, сделанной из волокон хлопка [68]. Эта бумага, как и тангутские фрагменты, при разрыве дает картину множества мелких перепутанных волокон. Ученые-палеографы называют такой разрыв «ватный». В бумаге сирийских фрагментов из Хара-хото очень много утолщений и включений волокон. Горизонтальных линий в 1 см — 6 или 7, в то время как вертикальные линии не проглядываются вообще. Двухслойная бумага одного из фрагментов [69] кажется шлихтованной. Цвет всех этих фрагментов такой же, как у тангутской бумаги, — серый с палевым или желтым оттенком.

Таким образом, мы видим, что образцы ближневосточной и центральноазиатской бумаги, кое в чем обнаруживая сходство, все же довольно сильно отличаются друг от друга. Тангутская бумага, будучи тряпичной, как самаркандская, арабская и раннеевропейская, по сетке, малому употреблению шлихты, окраске, фактуре совершенно непохожа на ближневосточную, и по качеству она в большинстве случаев уступает ближневосточной бумаге XII в. В ней нет сходства с бумагой из Турфана и мало сходства с бумагой из Дуньхуана, одно время входившего в состав государства тангутов.

Нехватка бумаги, несмотря на ее широкое распростране-

3 Заказ № 41

ние по всему Востоку, иногда давала себя чувствовать в странах Центральной Азии вплоть до XX в. Особенно это характерно для Монголии, где собственное производство бумаги всегда было не на высоте. В монгольской коллекции ЛО ИВАН нередко встречаются книги, написанные на нескольких сортах бумаги, например на бумаге двух цветов, белой и голубой [70], или частично на очень старой китайской, частично на русской бумаге [71].

До нас почти не дошли рецепты краски, которой окрашивалась ранняя центральноазиатская бумага. Возможно, здесь какую-то роль играл сок растения «хуанбо» (семейство орхидных) [72], но его употребление характерно скорее для китайской бумаги.

В труде среднеазиатского ученого Фахруддина ар-Рази «Собрание наук», относящемся к XI—XII вв., описано несколько рецептов окраски бумаги [73]. Желтая бумага окрашивалась настоем шафрана, красная — баканом, отваром красной шелковицы и соком неизвестных нам красных цветов [74].

К моменту введения ксилографии бумагу употребляли по всему Восточному Туркестану [75].

5. Краска для письма и печатания

Краска или чернила так же необходимы для письма и печатания, как и бумага. Еще до появления рукописных и печатных книг человечество перепробовало множество самых различных красящих веществ, начиная от минеральных красителей — охры в первобытных начертаниях на гальке, целой палитры красок в неолитических наскальных росписях — до сока растений. Во времена, когда можно говорить уже о настоящей книге или по крайней мере об ее непосредственных предшественниках, для письма нередко употреблялась обычная ламповая сажа, растворенная в воде с добавлением какого-либо связующего вещества. Чернилами, сделанными из сажи, писали, например, на бамбуковых и деревянных дощечках в Китае и Центральной Азии.

Однако основной краской, используемой в странах Центральной Азии и Дальнего Востока, и по сей день является тушь.

Есть мнение, что первая тушь могла быть известна в Китае в весьма отдаленные времена, еще при первой китайской династии, Шан (1766—1122 гг. до н. э.), существование которой подтверждено надежными и богатыми археологическими материалами в отличие от более ранних династий, сведения о которых ограничиваются почти одними только пре-

даниями, далеко не всегда достоверными[76]. В отрывке, цитируемом позднейшими авторами, говорится, что тушь была известна в 299 г. до н. э.[77]. Иероглиф *мо* («тушь») встречается в источнике, относящемся к 100 г. н. э., однако, как считает автор одного из лучших исследований по истории китайской книги, К. К. Флуг, этот знак мог обозначать не тушь, а какое-нибудь другое красящее вещество[78]. Согласно китайской традиции, изобретателем туши считается Вэй Тан, умерший в 251 г. н. э.

Способ изготовления туши, если верить описаниям в китайских книгах, мало изменился со времени Вэй Тана. Основным ингредиентом оставалась сажа от горения растительного вещества. Обычно известное число горящих фитилей помещали в сосуд, полный масла, и закрывали железной крышкой в форме воронки или купола. Потом соскребали копоть, накопившуюся на внутренней стороне крышки, и собирали ее на листы бумаги. Собранную копоть размешивали в ступке с раствором камеди или клейковины до консистенции пасты. Затем ее разливали по формам. Лучшая тушь изготовлялась из сажи, полученной от горения особых масел. На более дешевые сорта шла сажа от сгорания древесины хвойных деревьев[79]. По-видимому, на использование для изготовления туши сажи от горения дерева указывает состав тангутского иероглифа «тушь», имеющего детерминатив «дерево» — . Возможно, о способе изготовления туши говорит тибетское выражение «сажа на котлах» (kre-nag).

С момента изобретения до сего дня готовая тушь имеет одну и ту же форму — ее делают в виде круглых палочек или, что еще чаще, продолговатых брусочков. Для письма тушь растирают с водой на специальной доске для туши. Принадлежности для письма — кисти, подставка для кистей, доска для растирания туши, сами палочки туши — считались в старину на Дальнем Востоке «сокровищем мудрых». Как мы увидим ниже, народы Центральной Азии переняли этот способ пользования тушью от китайцев почти без изменений.

При введении ксилографии тушь оказалась наиболее удобным видом краски. Она давала чистый, четкий и практически несмываемый отпечаток. О последнем обстоятельстве свидетельствует сохранность текстов, найденных в Центральной Азии в воде солончаковых озер[80]. Тушь, которой написаны или напечатаны книги из Хара-хото, хранящиеся в ЛО ИВАН, не расплылась даже в тех случаях, когда сами книги несомненно пострадали от воздействия сырости или плесени.

Т. Ф. Картер считал, что тушь, употреблявшаяся при ксилографической печати в Китае, Центральной Азии, мусульманском Египте и Европе, была практически одинаковой [81]. К этому виду краски он причислял и ту коричневую краску, которую использовали для своих работ печатники немногочисленных европейских ксилографов. Неизвестно, производил ли Т. Ф. Картер химический анализ краски, который позволил ему сделать столь категоричное утверждение. Автор данных строк, однако, лично наблюдал в тангутской коллекции многочисленные фрагменты рукописей и ксилографов с текстом, выполненным коричневой краской, похожей на краску европейских раннепечатных изданий.

Следы восточного влияния на краску европейских первопечатников Т. Ф. Картер как будто усматривает в том, что англичане называли тушь «индийские чернила» («Indian ink»), а французы — «китайские чернила» («Encre de Chine») [82]. Но этот довод не представляется особенно убедительным. Скорее всего эти названия говорят о странах, откуда поздние, а не средневековые европейцы узнали тушь.

Для печатания с металлических досок или литер пигмент туши растворяли в маслянистом веществе, способствовавшем смазке металла. Таким путем шли, по-видимому, корейские печатники, рано начавшие употреблять металлический набор [83].

Несколько реже, очевидно из эстетических соображений или с целью выделить данный текст, в качестве краски служила киноварь, обычно употреблявшаяся для оттисков личных печатей. Чаще всего ею делались рамки, графление строк или пометки в тексте, но встречались и написанные киноварью отдельные слова и даже целые фразы [84]. В Дуньхуане сохранились выполненные киноварью многочисленные оттиски печатей-штампов с изображениями будд.

Уйгурские рукописи, особенно манихейские, часто снабжались красочными миниатюрами, расцвеченными золотом. Одна из первых, ставших известными науке тангутских рукописей, «Лотосовая сутра», также была написана золотом по синей бумаге [85]. В тибетской коллекции ЛО ИВАН хранятся молитвенники, текст которых написан золотом по черному фону. О том, как изготовлялись краски подобного рода, может дать представление все тот же трактат Фахруддина ар-Рази: «Из того количества [полученного золота] берут [все] сто листов золота и некоторое количество черного клея (сиришум); кладут его в фарфоровую чашку. Начисто моют руки горячей водой и отрубями; обмазывают черным клеем чашку [внутри], кладут туда золото по одному листу [друг за другом] и растирают его двумя пальцами, указательным

и средним, водя ими по дну посуды, пока оно хорошо не распустится, [затем] наливают в чашку немного профильтрованной воды и рукою вращают по сторонам чашки, как бы моют ее, [чтобы дать всему хорошо смешаться]. После этого закрывают сверху чашку и оставляют [в таком положении] на один час, чтобы золото село на дно. Затем сливают излишек воды и прибавляют в золото небольшое количество гуммиарабика. Для употребления обмакивают волосяную кисточку в золото, намазывают им перо и пишут; когда увидят, что [написанное или нарисованное] высохло, ему придают блеск, лоща его яшмой или сердоликом»[86].

В этом описании предельно ясно все, за исключением термина «черный клей». Перо, которым пишут при употреблении жидкого золота, несомненно, «калам» — тростинка, заточенная и расщепленная в виде пера, которую на Востоке употребляли для письма с древнейших времен (еще в Древнем Египте) до недавней поры.

Насколько китайский способ изготовления туши укрепился в странах Востока, можно судить по другому рецепту из труда Фахруддина ар-Рази: следует взять небольшой лоскут чистой хлопчатобумажной ткани, скрутить из него толстый фитиль, немного увлажнить, положить в лампу, налить в нее масла и зажечь фитиль. Затем отломить верхнюю половину глиняного кувшина, в который еще не наливали воду, поставить ее на лампу и держать на ней до тех пор, пока на черепке не образуется достаточно копоти. Затем копоть соскоблить птичьим пером на бумагу.

Как мы видим, все сходится до мелочей, только железная крышка заменена верхней половиной глиняного кувшина. Далее следуют некоторые детали процесса изготовления, которые могли попасть в Среднюю Азию из Центральной Азии или быть свойственными обоим регионам. Собранную копоть запекали в тесто и помещали под горячую золу до тех пор, пока «маслянистость, свойственная природе копоти, уничтожится силою жара»[87]. Затем сажу растирали в ступке с раствором белого гуммиарабика, прибавляли раствор истолченного чернильного орешка, прокаленного купороса, хны, настоя из миртовых семян, розовой воды, цикорной водки, шафрана и сабура.

В труде ар-Рази приводилось еще пять рецептов изготовления чернил. В трех из них основным материалом является сажа. Вероятно, такое сходство состава и имел в виду Т. Ф. Картер, когда говорил о близости к китайской туши ближневосточных чернил и типографской краски европейских первопечатников.

Поскольку индийский способ брошюровки книг и типично

индийский материал для письма — береста — были известны в Центральной Азии, невольно возникает мысль о том, не мог ли иметь там некоторое распространение и индийский рецепт изготовления чернил. В Индии для этого пользовались углем от жженого миндаля, который кипятили в бычьей моче [88]. По сути дела, этот рецепт ничем не отличается от состава простейших чернил из сажи.

6. Инструменты для письма и доски для печатания

Первые инструменты для письма в истории письменности и книги — кисть и камышовое перо (калам). Калам иногда заменялся просто заостренной и расщепленной палочкой. Он был известен на Ближнем Востоке еще с эпохи Древнего Египта. Писали им и в областях, где господствовала индийская культура. Однако нельзя сказать, что калам не знали в Китае. На бамбуковых и деревянных дощечках писали расщепленным бамбуковым пером (местным вариантом калама) [89].

Угловатая графика многих письменных знаков, обслуживающих древние языки Центральной Азии, заставляет предполагать, что их писали именно каламом. После воцарения ислама калам получил в Западном и Восточном Туркестане особенно широкое распространение.

Кисть первоначально была принадлежностью китайской ойкумены. Существует мнение, что она использовалась еще для росписей керамики Яншао и в некоторых случаях для поздних надписей периода Шан (Инь) [90]. Но, по-видимому, кисть очень быстро и широко распространилась по Центральной Азии.

Необходимым предметом для пользования кистью в Китае служила доска-тушечница для растирания туши. Она делалась из камня, керамики или фарфора. В небольшое углубление, высеченное у одного края доски-тушечницы, наливали воду. В нее обмакивали палочку туши, а затем растирали ее на другом, шероховатом или немного углубленном конце доски. В образовавшийся раствор туши макали кисть. Так выглядела наиболее законченная, усовершенствованная многими поколениями форма доски-тушечницы. На более ранних этапах, по-видимому, пользовались просто фарфоровой, керамической или каменной чашкой с шероховатым дном, в которую наливали воду и затем растирали тушь. Форма тушечницы могла быть прямоугольной, круглой и фигурной.

 На многочисленных фресках, обнаруженных в Турфанском

оазисе, мы видим кисть и тушечницу в качестве орудий письма [91]. Уйгурская кисть на этих фресках похожа то на китайскую — с острым коническим концом, то на позднюю европейскую. Тушечница — круглый сосуд, по-видимому керамический или фарфоровый. Не исключено, что персонажи фресок, держащие кисть некитайского типа, — не писцы, а живописцы, расписывающие стены. В этих случаях сосуды у них в руках — просто чашки с краской. Таким образом, кисть в Центральной Азии употребляли не только для письма, но и для живописи.

В государстве тангутов кисть употреблялась наравне с каламом. Об этом свидетельствуют угловатые, ломаные начертания знаков в некоторых рукописях, которые можно объяснить применением жесткой заточенной палочки. Но в тангутских словарях отсутствует термин «калам». Зато встречаются слово «кисть» отдельно и в сочетаниях: «бумага и кисть», «кисть и тушь» — и слово «тушечница».

Тибетцы, у которых также были в ходу и кисть и калам, имели термины «чернильница» (snag-krong), «песочница» (bye-krong). Последний термин указывает на то, что тибетские писцы пользовались не только тушью, но и какими-то другими чернилами, так как тушь нет необходимости присыпать песком.

В тибетской коллекции ЛО ИВАН хранятся образцы приспособлений, свойственных, быть может, одному Тибету, — специальные кожаные папки на легком деревянном каркасе, которые, будучи раскрыты, могли служить своеобразным столиком для письма (писец держал такую папку на коленях).

Доски для печатания ксилографов делались из тех пород дерева, которые росли в данном районе. В областях, близких к Китаю, самым лучшим материалом для досок считалось жужубовое дерево (Zizyphus vulgaris), употреблявшееся для изданий, предназначенных для императора, а худшим — смоковница (Ficus Wiglitiana), отличающаяся мягкой древесиной. В Центральной Азии материалом мог служить также тополь, хотя точных данных об этом нет.

Хорошо вырезанная доска полностью воспроизводила почерк самого изысканного каллиграфа. Поэтому очень велика роль писца, писавшего текст для доски. Насколько мастерст-

во переписчика ценилось на Востоке, видно из того, что почти во всех китайских изданиях IX—XII вв., как и во многих тангутских ксилографах того же времени, имя переписчика текста помещалось в колофон вместе с именем автора и заказчика [92].

7. Клей

Поскольку листы свитков и книг склеивались друг с другом при брошюровке, а переплеты состояли обычно из проклеенных фрагментов старых ксилографов и рукописей, иногда еще обклеенных материей, небезынтересно узнать, каким был клей, которым пользовались восточные мастера книжного дела.

Состав восточного клея недостаточно изучен. Есть сведения, что художники VIII—IX вв. добавляли к краскам в качестве связующего вещества клей из оленьих и воловьих рогов, а также рыбий клей [93]. В состав клея X—XIII вв. входили сок бумажного дерева (Broussonetia kazinoki), тонкая мука и кончики стеблей растения из вида орхидных, вроде китайского «бай цзи» (Cymbydium) [94].

У тангутов сохранилось два знака для обозначения клея — [illegible], [illegible]. О его составе говорят пояснения в «Море письмен»: «Из кожи, оленьих рогов и рыбы варится клей» [95]. По-видимому, тангутам в силу засушливости и бедной растительности района их обитания был известен главным образом клей из органических веществ животного происхождения.

8. Форма центральноазиатской книги

Итак, есть уже и бумага, и тушь, и даже клей для склеивания листов книги. Листов?.. Но сразу ли появилась на свет книга с листами? Как мы уже говорили, еще до появления бумаги предшественники современной книги прошли немалый путь развития, часто меняя форму. Что же нового внесло в этот процесс появление бумаги?

Первые книги на бумаге имели форму свитка. Форма эта бытовала задолго до появления бумаги. Форму свитков на Ближнем Востоке имели рукописи на папирусе, в том числе и сирийские, которые могли попасть в Центральную Азию. Но именно в Центральной Азии и на Дальнем Востоке форма свитка восходит к еще более ранним эпохам. Ее можно про-

следить уже в текстах на бамбуковых планках, скрепленных друг с другом двумя ремешками, образуя подобие единого поля (был и другой способ крепления — ремешок соединял только верхние части планок). По всей вероятности, именно так были скреплены друг с другом планки с тибетским текстом, найденные в Миране [96]. Позднее, в связи с употреблением для письма шелка, появились уже настоящие свитки. С введением бумаги эта форма прочно утвердилась, сохранившись даже для раннепечатных изданий. Впоследствии эта форма использовалась либо для священных книг, либо для записей чернового порядка, о чем наглядно свидетельствуют находки в Хара-хото [97].

При наматывании свитка на палочку правый его край оказывался снаружи. Чтобы он не рвался, его подклеивали материей. Такой край назывался «ли» и играл роль своеобразной обложки. К «ли» прикрепляли для завязывания матерчатую тесьму.

Иногда свиток не имел конца, оклеенного материей. В таком случае завязка прикреплялась к палочке, на которую наматывался свиток [98], или просто обвязывалась вокруг свитка без закрепления. Завязки обычно были желтые [99] или синие [100], но встречаются темно-красные [101], розовые [102] и многоцветные завязки [103].

Свитки, составлявшие одно сочинение, иногда заключались в общую обертку «чжи». Чаще всего ее изготовляли из шелка или холста, иногда из тонких бамбуковых планок, скрепленных шелковыми нитями. Обычно в одной связке было 10 свитков [104]. На обертке были ремни для завязывания и наклеивался ярлык с названием сочинения. Но дошедшие до нас рукописи показывают, что ярлыками снабжались иногда и отдельные свитки. Тогда ярлык помещался на «ли» [105]. В некоторых случаях ярлыки делались из цветной бумаги, красной и синей, с надписью золотом [106]. Часто под внешним титром (заголовком на внешнем крае свитка) ставился номер связки [107]. Бывало, что для удобства пользования свитки не заключались в общую обертку, а раскладывались рядами на специальных полках [108]. В таких случаях к концам палочек, на которые были намотаны свитки, привешивались деревянные бирки с вырезанными на них названием книги и номером свитка. Три такие бирки обнаружены в Хара-хото [109]. Одна из них окрашена в красный цвет и покрыта резным орнаментом — лист лотоса сверху и цветок снизу [110].

По-видимому, в некоторых случаях бирки подвешивались не только к свиткам, отдельно лежащим на полках, но и к свиткам, заключенным в общую обертку. Об этом свидетель-

ствует одна из сцен на гравюре, иллюстрирующей тангутское ксилографическое издание «Сутры золотого блеска»[111]. В группе, окружающей грешника, отправляющегося на загробный суд, один из духов, изображенный в одежде чиновника, держит в руках свитки в общей обертке. С их концов свисает несколько длинных узких полос, похожих на закладки или бирки. Если это не бирки, а бумажные листы, подклеенные к каждому свитку, то в этом случае мы сталкиваемся с явлением, еще ни разу не описанным в литературе. Судя по рисунку, это именно полосы бумаги, а не бирки.

На одной из хара-хотинских икон перед Буддой на лотосе лежит пять книг-«потхи», на которых покоится сверток со свитками[112]. Таким образом, данные иконографии наглядно иллюстрируют этот способ хранения свитков. На уйгурской росписи мы видим изображение свитка, намотанного на палочку[113].

Видоизменением свитка является «гармоника». Это — свиток, сложенный наподобие ширмы. Отдельные «створки» этой ширмы образуют страницы. «Гармоника», как и свиток, заполнена текстом только с одной стороны.

Возникнув в областях, где господствовала китайская культура, «гармоника» проникла и в другие районы, например в области, населенные уйгурами, и в государство тангутов[114]. Любопытно, что и среди более поздних монгольских книг нередко попадаются «гармоники»[115].

Обложка «гармоники» — подклеенные к первой и последней странице прямоугольные листы многослойной бумаги, склеенные, как правило, из старых рукописей, а также двустворчатые и трехстворчатые обертки. Последние также делались из использованной бумаги. Сверху и тот и другой вид обложек оклеивался окрашенной бумагой или материей. На верхней створке обложки или обертки, как правило, наклеивался ярлык с названием, иногда в орнаментированной рамке. Найденные в Хара-хото «гармоники» часто имеют ярлыки, рамка которых была отпечатана заранее с деревянных (судя по фактуре оттиска) штампов, а название книги написано от руки. Здесь можно увидеть некоторую аналогию с современными библиотечными наклейками. Обычно в тангутских «гармониках» рамки таких ярлыков представляют собой сложный орнамент в форме меандра, но известно по крайней мере два ярлыка с простой рамкой из прямых линий[116].

Ярлыки из дуньхуанской коллекции и китайской части собрания из Хара-хото в большинстве случаев имеют рамку из простых вертикальных и горизонтальных линий. В то время как ярлыки тангутских книг в основном отпечатаны или

написаны на желтой бумаге, в китайских книгах из той же коллекции ярлыки — на белой бумаге.

Печатные рамки в ярлыках, заглавиях и целых рукописных текстах позднее встречаются в Корее, где украшение этих рамок порою достигает высокого художественного уровня [117].

Большинство обложек «гармоник», относящихся к XI—XII вв., обнаружено в Хара-хото. Известны желтые, синие, коричневые, песочно-желтые, серые, зеленые, голубые бумажные обложки. Обычный цвет матерчатых обложек — синий, зеленый, красный и красно-коричневый. Реже встречаются голубые, черные, желтые, зеленовато-серые, фиолетовые, песочно-желтые обложки. Чаще всего на обложки шла однотонная материя. Однако попадаются и образцы материи с узорами: красная с желтыми горошками [118], красная с цветами различной окраски [119], ярко-алая с белым, очень сложным растительным орнаментом [120], синяя с белым рисунком [121], бледно-голубая с темно-синим растительным орнаментом с белой обводкой и белыми знаками, являющимися стилизацией одного из важнейших буддийских символов — «двойной громовой стрелы» («вишваваджра»). Материя этого переплета представляет собой интересный пример набивной ткани, узор которой отпечатан с нескольких досок [122]. Как редкий случай можно отметить желтую обложку с выпуклой многоцветной вышивкой, изображающей цветы [123].

В тангутской коллекции ЛО ИВАН есть несколько обложек, сшитых из лоскутов [124]. Иногда, по-видимому, пытались подобрать лоскуты одного цвета, но встречаются обложки, сшитые из кусков узорной материи разного цвета и качества.

Несколько книг-«гармоник», составлявших одно сочинение, подобно свиткам, заключали в общую обертку, называемую по-китайски «тао». Обычно это была обклеенная материей бумажная папка с завязками.

При утере обертки ярлычок с названием наклеивали иногда на оборотную (незаполненную) сторону первой страницы, игравшей, таким образом, роль верхней створки обертки [125].

Особую форму представляет книга-лист. В настоящее время выделение формы книги-листа является спорным. Но, поскольку некоторые исследователи, например М. И. Демидова, выделяют эту форму, как самостоятельную группу [126], следует сказать о ней несколько слов.

Ранние тибетские печатные заклинания из Сенгим-Агыза близ Турфана по форме представляют собой небольшие удлиненные листы [127], которые можно назвать предшественниками книги-листа, получившей особенно широкое распространение в Дуньхуане.

Обычно это были листы с изображением божества и не-

сколькими строчками (до 13) текста или листы, сплошь исписанные текстом, содержащим поучение или описания преимуществ буддизма перед другими религиями[128]. Такие листы вывешивались под балдахином во время проповеди, что роднит их с иконами, но можно их рассматривать и как самостоятельный вид печатной продукции. Наиболее ранняя из книг-листов датируется 947 г.

Значительное приближение к настоящему книжному блоку, появившемуся и развившемуся в процессе возникновения книгопечатания, представляют рукописные тетради.

Рукописные тетради либо брошюровались из отдельных листов наподобие европейских, либо состояли из сложенных вдвое листов, вложенных один в другой. Иногда один лист, образующий несколько страниц тетради, сложен вдвое, вчетверо[129] и даже в восемь раз[130]. В некоторых случаях тетради сшивались нитками по месту сгиба листов.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН есть полные тетради и отдельные тетрадные листы. Пример полной тетради — хорошо сохранившаяся тетрадь с буддийским сочинением[131], а 8 тетрадных листов с текстом с обеих сторон — фактически тетрадь, но неполная[132]. Есть также свиток, разрезанный на листы для изготовления тетради[133]. Встречаются сочетания по 2, 4, 8 тетрадных листов, заполненных текстом с обеих сторон[134]. В той же дуньхуанской коллекции можно найти развернутые (двойные) тетрадные листы[135], отдельные листы (не двойные)[136]. Попадаются и фрагменты тетрадных листов[137]. Тетради, обнаруженные в Дуньхуане, содержат конфуцианские, даосские и буддийские тексты.

Тетради, найденные в районе расселения уйгуров, типичны для христианских и манихейских сочинений. Строки по отношению к сгибу тетради идут либо параллельно, либо перпендикулярно[138]. Много тетрадей найдено в Хара-хото[139].

Следующая форма — книга-кодекс. Между рукописными книгами-кодексами и тетрадями трудно провести резкую грань. Относительными признаками для их различения могут служить наличие двойных листов, сброшюрованных так, как в печатных книгах-«бабочках», и больший объем текста[140]. Иногда такая книга сшивалась нитками[141].

Форма рукописной книги-кодекса продолжала существовать и после появления книгопечатания. Такова, например, ойратская «Книга примет», хранящаяся в монгольской коллекции ЛО ИВАН[142].

В странах, где получил распространение буддизм, по традиции, сохранилась форма религиозной книги, копирующая древние индийские рукописи на пальмовых листьях —

так называемые потхи. Форма эта в странах Центральной Азии скорее характерна для Тибета, Монголии и Восточного Туркестана, чем для таких китаизированных районов, как Дуньхуан. Это — длинные узкие листы, имитирующие форму страницы индийской книги из пальмового листа, обычно с отверстием посередине для шнура, скреплявшего их. В более поздних «потхи» шнура уже нет, но место, где некогда в индийских рукописях было отверстие, все равно часто отмечалось кружком. Изображение такой книги, очевидно созданное на основании образцов стенной живописи Турфана, мы видим в книге А. фон Габен о Ходжо[143]. Рукописи, сброшюрованные в форме «потхи», есть в центральноазиатской коллекции ЛО ИВАН[144].

Форма «потхи» была характерна и для книг на бересте. По описанию Бируни, в берестяных «потхи» нумеровали каждый лист, а саму книгу закрепляли между двумя дощечками и заворачивали в кусок ткани[145]. В рукописях на бересте, найденных в Байрам-Али (Туркменская ССР), текст написан с обеих сторон листа, причем номер листа поставлен на лицевой стороне[146].

На гравюре, иллюстрирующей ксилографическое издание «Суварнапрабхаса-сутры», в сцене, где основной персонаж дает обет переписать множество раз текст сутры, перед фигурой Будды изображены несколько рукописей[147]. Пачка длинных книг в черных переплетах, перевязанная сверху материей, по мнению Л. Н. Меньшикова, представляет собой набор «гармоник». Но форма их, а главное — способ хранения в обертке из ткани скорее наводят на мысль о «потхи». Такие связки «потхи» можно в большом количестве встретить в любом хранилище буддийских религиозных книг, будь то библиотека современного буддийского монастыря или крупная коллекция научного востоковедного учреждения, например тибетский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.

Большое количество рукописных книг «потхи» найдено в Хара-хото[148]. Печатных «потхи» там не обнаружено. «Потхи» преобладают в тибетской коллекции ЛО ИВАН.

Даже такой крупный сдвиг в книжном деле, как изобретение книгопечатания, почти не отразился на форме восточной книги. По-видимому, здесь опять-таки сыграла роль традиция, так как первые печатные книги — буддийские. Во всяком случае, знаменитая «Алмазная сутра», о которой еще будет подробно рассказано в нашей книге, представляет собой свиток. Из Дуньхуана, где была обнаружена эта первая в мире печатная книга, известно несколько печатных книг-листов. В Турфане форма ксилографов — свиток, книга-«бабочка» (об этой форме см. ниже) и «потхи». Зато в Хара-

хото встречается немало печатных «гармоник», в то время как печатные «потхи» отсутствуют.

Новой формой, получившей распространение с введением книгопечатания, является «бабочка». Форма ее листа подсказана формой доски ксилографа, на которой вырезался текст разворота двух страниц. Посередине листа было оставлено свободное, отбитое двумя линиями пространство (кит. «байкоу», букв. «белый рот»), на котором помещалось сокращенное название произведения, номер листа и раздела книги. Листы «бабочки» накладывались один на другой и подклеивались у сгибов. Получался книжный блок, очень близкий к современному, с той разницей, что на каждые две страницы, заполненные текстом, приходились две пустые страницы [149].

Долгое время оставался неясным способ скрепления листов «бабочки». Хотя, по установившемуся мнению, их склеивали у сгиба, было непонятно, как в таком случае оставались на виду надписи, помещенные на «байкоу». Проколы, встречавшиеся у сгибов листов, давали основание предположить, что «бабочка» сшивалась нитками. Иногда сквозь эти проколы действительно была пропущена нитка. Сейчас установлено, что проколы на листах — следы своеобразного технического процесса, так сказать «выровнивания» книги. Листы «бабочки» один за другим накалывались на две или три пары шипов, укрепленных на доске. Этим достигалось полное совмещение краев листов. Затем, не снимая листы со «станка», переплетчик несколько раз проводил мягкой кистью с клеем по месту их сгиба. Получалась легкая проклейка, позволявшая разворачивать книгу так, чтобы текст на «байкоу» можно было прочесть. В очень редких случаях сброшюрованная книга обклеивалась полоской бумаги, образующей корешок книги. Обычно же «бабочки» корешка не имели. Скрепление «бабочки» нитками — явление вторичное. Оно производилось в тех случаях, когда первоначально склеенные у корешка книги листы начинали распадаться [150].

Центральноазиатские «бабочки» в переплетах в коллекции ЛО ИВАН представлены главным образом хара-хотинскими находками. Можно упомянуть единственный кожаный переплет «Фонетических таблиц» [151], светло-синие матерчатые переплеты, подклеенные местами старыми, вышедшими из употребления рукописями [152], и совершенно необычный суррогат переплета — желтую шелковую сумочку, в которую заключен маленький сборник молитв [153]. Кожаный переплет с орнаментом смешанного стиля, также найденный в Харахото и предположительно составлявший часть мусульманской книги [154], дает основание думать, что тангутам могли быть

известны тисненые кожаные переплеты, хотя, как правило, тангуты, как и китайцы, их не применяли.

Книга-«бабочка» была уже очень близка к форме современного книжного блока. В эпохи, последовавшие за тем периодом, который охватывает наше повествование, листы ксилографов стали сгибать по «байкоу» не внутрь, а наружу. Получались двойные листы с текстом на обеих сторонах, с «байкоу» на внешнем сгибе, так что название книги и номер листа на нем легко можно было прочесть, и с чистой бумагой внутри двойного листа. При подшивке сгибы листов оказывались не внутри, а снаружи. Эту форму в наши дни можно видеть, взяв в руки любую китайскую книгу, изданную до 1911 г., т. е. до момента, когда рухнула последняя императорская династия и Китай со все большей интенсивностью начал приобщаться к достижениям культуры соседних стран. Издавались такие книги и после первой китайской революции. И в наши дни, когда в Китае хотят издать книгу, выдержанную в старом стиле, или просто торжественное издание, иногда прибегают к форме двойных листов. Но все это относится к собственно Китаю и к Центральной Азии непосредственного отношения не имеет.

Невозможно представить себе книгу даже самой примитивной формы без членения на разделы, обозначений номера листов или страниц и имен лиц, работавших над ее оформлением. Это обстоятельство вызвало к жизни многочисленные книжные термины, к рассмотрению которых мы и переходим.

Книжные термины в Центральной Азии в основном зависели от культурного влияния, преобладавшего в том или ином ее районе. Но, так же как и пагинация, дававшаяся китайскими цифрами во многих районах Центральной Азии, основой для центральноазиатских книжных терминов служили китайские. Это связано непосредственно с формой брошюровки, заимствованной главным образом из Китая.

Наиболее древним китайским книжным термином следует, без сомнения, признать слово «цэ». Первоначально оно обозначало ряд бамбуковых планок, связанных шнуром. Позднее оно стало обозначать отдельную книжную единицу[155].

Непосредственно связано с предыдущим слово «бянь». Обозначавшее некогда несколько связок «цэ», позднее оно закрепилось за названием части книги.

Более поздний термин «цзюань», употреблявшийся для обозначения части сочинения, дословно переводился как «свиток». Эта перемена естественно отражает изменение формы — от связки дощечек к шелковому или бумажному свитку.

Существовали и термины для обозначения дефектов книги (как правило, в рукописях). Так, в одной из дуньхуанских

рукописей после номера цзюани есть пометка «не хватает 3 листов»[156].

Большое разнообразие книжных терминов мы встречаем у тангутов. Многие из этих терминов являются калькой китайских. Например, одно из обозначений цзюани в тангутском языке дословно имело значение, как и у китайцев, «свиток», «сворачиваться». Помимо этого у тангутов было еще обозначение, в настоящее время переводимое словом «цзюань», но, по-видимому, не имевшее связи с китайским термином. Существовал и термин, условно переводимый на русский язык как «глава», но, вероятно, не соответствовавший ни одному из известных нам китайских слов. Весьма распространенное в китайской книжной терминологии слово «цзин», обозначавшее как произведения конфуцианского канона, так и буддийские сутры, в тангутском языке имело множество эквивалентов. Если в китайской книге имелось всего две цзюани, их обозначали как «верхняя» и «нижняя», а если три — как «верхняя», «средняя» и «нижняя». Эту систему переняли и в Центральной Азии[157].

В буддийской литературе можно встретить помимо упомянутых выше обозначений сутры термины для понятий шастра и дхарани (буддийские заклинания).

Существовали термины, переводимые как «предисловие» и «послесловие». Для понятия «перевод» помимо слова, обозначающего перевод вообще, употреблялись такие выражения, как «буквальный перевод» и «перевод по смыслу». Не менее многочисленными были термины, переводимые на русский язык словом «комментировать». В чем состоит их различие по смыслу, установить пока не удалось. Очевидно, в какой-то связи с термином «комментировать» стояло слово «разъяснять». В тангутских рукописях и ксилографах часто встречается термин «редактировать». Имя переписчика оформлялось словом «переписал» или биномом с соответствующим значением. В печатных книгах можно иногда встретить имя резчика досок. Для понятия «гравировать», «резать доски» употреблялось несколько выражений. В колофонах печатных книг встречается термин «государственная типография». Нередко тексты тангутских книг подвергались пересмотру и исправлению. В таких случаях после имени исправившего ставился соответствующий термин.

Тангутские императоры часто жертвовали деньги на издание буддийской литературы и всеми мерами содействовали ее распространению. Одним из способов распространения буддийских книг являлась раздача их народу. В колофонах многих книг можно встретить выражение «раздавать».

 Ниже представлен список тангутских книжных терминов.

[illegible]	цзюань
[illegible] (章)	глава
[illegible] (首)	глава
[illegible]	глава (нет китайского эквивалента)
[illegible]	цзин (в применении к конфуцианскому канону)
[illegible]	цзин, сутра
[illegible]	цзин
[illegible]	шастра
[illegible]	дхарани
[illegible] (集)	цзи, собрание сочинений
[illegible]	дуань, отдел, параграф
[illegible] ([illegible])	раздел книги в 10 цзюаней (при исчислении объема книги) или связка в 10 свитков. В списках – название полной строфы
[illegible]	первая цзюань
[illegible]	вторая цзюань
[illegible]	третья цзюань
[illegible]	брошюровать
[illegible]	предисловие
[illegible]	послесловие
[illegible]	перевод
[illegible]	буквальный перевод
[illegible]	перевод по смыслу
[illegible]	комментировать
[illegible]	сопоставлять при читке, сверять текст
[illegible]	разъяснять
[illegible]	редактировать
[illegible]	проверить, исправить
[illegible]	переписать
[illegible]	гравировать, резать доски
[illegible]	государственная типография
[illegible]	раздавать (сутры народу)

Особую группу книжных терминов составляют знаки, условно названные маркировочными. Они встречаются только в многотомных буддийских сочинениях. В дошедших до нас тангутских рукописях маркировочные знаки проставлены тушью или желтой краской на обложке каждого тома (в данном случае имеются в виду «гармоники») [158]. По-видимому, это — попытка систематизации ящиков, в которых хранились тома многотомного произведения [159]. Одним маркировочным знаком помечались десять цзюаней сутры — одна связка свитков или одно «тао» — папка, в которую собирали «гармоники».

Бросается в глаза то, что в некоторых крупных сутрах маркировочные знаки, рассматриваемые по порядку, образуют связный текст. В китайских текстах часто употребляется маркировка знаками из «Цянь цзы вэнь» («Тысячесловие»), сочинения, текст которого состоит из тысячи неповторяющихся знаков [160]. Произведение, аналогичное китайскому «Цянь цзы вэнь», существует и в тангутской литературе — под названием «Крупинки золота на ладони» [161]. Но тангутский перевод «Махапраджняпарамита-сутры» — одной из самых больших сутр — маркирован знаками какого-то другого текста, по-видимому достаточно распространенного, если он взят для маркировки столь известного произведения. Вот этот текст в переводе Е. И. Кычанова:

Не земля и небо источники происхождения [всего сущего],
[А] пустота беспредельная, всепобеждающая,
Горы — недр земных вершины.
Небесная и земная твердь <...>
[Наши] батюшка и матушка,
Как счастливая удача <...>
Яйцо, родящее птенцов, явилось,
Солнце, луна, звезды [еще]
На востоке скрылись, затаились,
Не были видны.

Е. И. Кычанов видит в упоминании гор отголосок общетибетского мифа о священном камне [162]. В целом можно сказать, что в тексте нашел отражение большой фольклорный пласт, объединяющий центр Азиатского континента и его прибрежные и островные районы. Сюда можно включить урало-алтайские, тибетские, тюркские, китайские, корейские, японские и полинезийские легенды. Упоминание священного яйца, из которого выходят предки народа, связано с солярным мифом. Известна корейская легенда, согласно которой шесть первых божественных государей появились из золотых яиц, спущенных с неба в ларце, привязанном к темно-лиловой ветви [163]. Есть здесь близость и с китайским мифом о Паньгу.

Тангуты-буддисты могли по-своему осмыслить этот текст, взятый, возможно, из не дошедшего до нас шаманского сочинения. Горы, упоминаемые в тексте, можно отождествить не только со священным камнем, но и с индийской горой Сумеру, которая появляется первой при возникновении мира в очередной «день Брахмы» и гибнет последней. Но индийский миф сам по себе несет явный отпечаток шаманской традиции о горе, которую индоевропейские пришельцы, вторгнувшиеся в Индостан, могли заимствовать у первоначальных аборигенов, этническая принадлежность которых до сих пор окончательно не установлена.

Для всех списков «Махапраджняпарамита-сутры», хранящихся в тангутской коллекции, характерна именно эта система маркировки. В других сутрах такой систематичности нет.

В одном из списков «Буддхаватамсака-махавайпулья-сутры», сброшюрованной в форме «потхи», маркировочные знаки составляют тангутское название этой сутры. В остальных случаях плохая сохранность не дает усмотреть в маркировочных знаках какой-либо связный текст.

Тибетская книжная терминология также достаточно разработана. Можно отметить такие термины, как «оглавление» (dkar-chag), «алфавитное оглавление» (ka-tho), «начало» (klad-ma), «том» (glegs-bam), «центр листа» (klod-kyi-ma) (об отверстии в центре листа «потхи» или заменяющем его в новых книгах кружке). Нумерация томов больших сочинений, так же как и пагинация, производится по буквам тибетского алфавита.

Переходя к вопросу о пагинации, следует отметить, что китайские цифры, как наиболее простые и удобные, часто употреблялись для этой цели по всей Центральной Азии. Не говоря уже о дуньхуанских рукописях, в подавляющем большинстве китаеязычных, китайская пагинация была широко распространена в тангутском книжном деле. В свитках и «гармониках» нумеровались листы, из которых они были склеены. Книги-«бабочки» имели один номер на каждый лист (разворот двух страниц).

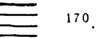
В «гармониках» номера листов ставились обычно по месту склейки листов[164], иногда — в верхней части листа, на одной из «страниц»[165]. В некоторых случаях пагинация находилась между строк[166].

Среди книг, пагинированных китайскими цифрами, в тангутской коллекции ЛО ИВАН преобладают ксилографы, но есть и рукописи[167]. Пагинация тангутскими цифрами встречается также преимущественно в ксилографах и, за редким исключением, в рукописях.

Довольно часто встречается смешанная китайско-тангутская пагинация, но только в ксилографах. По мнению японского ориенталиста, профессора Фудзиэда Акира, дело здесь в резчиках досок. Поскольку среди них, безусловно, были и китайцы, проживающие на территории тангутского государства Си Ся, им было, естественно, легче нумеровать страницы знакомыми цифрами. Позднее, когда в мастерской составлялись комплекты досок, туда входили и доски, вырезанные тангутами, и доски, вырезанные китайцами. Однако страницы книги со смешанной пагинацией почти не отличаются друг от друга.

Среди восточнотуркестанских фрагментов (преимущественно уйгурских), хранящихся в ЛО ИВАН, много пагинированных. Пагинация этих фрагментов выполнена только китайскими цифрами[168]. В Хара-хото была найдена книга-«бабочка» на тибетском языке, но также с китайской пагинацией[169]. Классическая тибетская книга-«потхи», как и индийская, пагинируется с помощью не цифр, а букв. Номер листа и краткое название книги располагаются на левом поле. Обычно рядом с номером листа есть пометка, лицевая это сторона или оборотная. Иногда эти данные находятся только на лицевой стороне листа.

Фрагменты ксилографов квадратным монгольским письмом, найденные в Турфане, пагинированы китайскими цифрами. В более поздних по времени монгольских книгах мы видим ту же картину, что и в тангутских ксилографах: пагинация китайская, китайско-монгольская и собственно монгольская.

В одной из печатных «гармоник» китайской части собрания из Хара-хото мы сталкиваемся с совершенно особой формой пагинации. На полях листа 4 рядом с обычной китайской цифрой, обозначающей его номер, стоит знак [170]. Вероятно, это — обозначение количества страниц, образованных сгибами листа, записанное с помощью одной из редких цифровых систем Китая, несколько видоизмененной тангутами[171].

Начиная с текстов на шелковых свитках дальневосточные и центральноазиатские рукописи имеют графление строк. Строки отбивались друг от друга обычно вертикальными линиями. Графление производилось до того, как начинали писать сам текст (на шелковых свитках линии графления иногда вышивались).

В индийских книгах графление делалось с помощью свин-

щовой палочки[172]. В китайских и тангутских книгах ту же роль играла сильно разбавленная тушь. Судя по отдельным фрагментам, обнаруженным в тангутской коллекции ЛО ИВАН, линии отбивки и рамку страницы в некоторых случаях отпечатывали на лист бумаги с помощью доски или штампа, для того чтобы затем записать на ней рукописный текст. Иногда графление делалось цветной тушью. Вертикальное графление наблюдается и в «потхи» в тех нечастых случаях, когда строчки в ней идут вертикально[173]. В свитках иногда линии строк намечены сгибами бумаги[174]. На некоторых свитках поля отмечены проколотыми дырочками[175].

К оформлению страницы можно отнести и разметку текста. Она крайне редко встречается в печатных изданиях (в качестве примера можно привести тангутский толковый словарь «Море письмен», где раздел отбивается кружками или виньетками) и очень часто употребляется в рукописях.

Простейший, казалось бы, вариант разметки — разметка черной тушью, которой написан весь текст, — встречается сравнительно редко[176]. Чаще мы видим разметку и поправки красной тушью и киноварью[177]. Кроме простых мазков красной тушью переписчики центральноазиатских рукописей употребляли ряд особых значков для отметки различных частей произведения. Абзацы чаще всего обозначались точками[178] или кружками[179]. Часто встречалось сочетание точек и кружков в одной рукописи — точка для начала фразы, кружок для начала абзаца[180] или точка перед цитатой из сутры, а кружок перед комментариями[181].

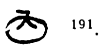
Для обозначения начала раздела употребляется знак

[182]. Если речь идет о сутре или шастре с комментариями, упомянутым знаком отбивается текст произведения, кружком — текст комментария, точкой — выдержка из комментария на комментарий[183]. Иногда встречается более сложное сочетание знаков, обычно в сочинениях, содержащих биографии буддийских монахов. Например, знаком отмечен текст произведения, треугольником — комментарий, а кружочком разделены фразы комментария[184]; или первым знаком отмечено начало биографий, большим кружком — начало разделов в биографии, маленьким кружком — конец фразы, а знак ставится справа от зачеркнутых знаков[185].

Нередко перед каждой новой цитатой и между фразами ставится значок [186]. Иногда в одной рукописи наряду с этим значком встречается знак [187].

Для обозначения повтора письменных знаков употреблялся значок [188].

В отдельных случаях попадаются нестандартные знаки. Например, в одной из дуньхуанских рукописей абзац отбивается изображением цветка или тремя точками, начало нового предложения — двумя точками, конец фразы — одной точкой[189]. В другой рукописи каждый параграф обозначен знаком , а фразы разделены точками[190]. В третьей — фразы также разделены точками, а на абзац указывает знак

 [191].

В одном из ксилографов китайской части хара-хотинской коллекции конечный титр — название произведения, повторенное в конце текста, — отмечен от руки значком, напоминающим восходящее солнце, [192].

Не редкость поправки и вставки между строк красной и желтой тушью[193], а также приписки в конце — есть случай, когда они сделаны красной и желтой тушью[194]. Часто красная тушь использовалась для выделения особо важных слов и выражений[195], а также имен[196]. Иногда красной тушью отмечался начальный титр[197] или номер цзюани[198].

В некоторых случаях разметка и поправки делались не красной тушью, а краской какого-либо другого цвета, например коричневой[199]. В одной из поздних монгольских книг годы, месяцы и цифры выделены коричневой краской[200].

Все описанные выше способы разметки касались свитков. Но подобное можно наблюдать и в других формах восточной книги.

Перечисление технических особенностей оформления цент-

ральноазиатской книги было бы неполным, если бы мы не уделили внимания способам реставрации. Наиболее частый случай реставрации центральноазиатских книг VIII—XIII вв. — подклейка бумагой. Так, две рукописи дуньхуанской коллекции подклеены с оборотной стороны листами бумаги того же цвета [201]. Встречаются книги, реставрированные фрагментами какой-то другой рукописи или ксилографа [202]. Иногда потрепанная «гармоника» [203], «бабочка», разваливающаяся по месту сгиба листов [204], «потхи», лист которой порвался посередине [205], скреплялись суровой ниткой.

Страницы одной уйгурской «гармоники» подверглись реставрации дважды. В первый раз их скрепили тонкой желтоватой нитью. Когда они опять распались, их подклеили белой тонкой бумагой, по мнению Л. Ю. Тугушевой, китайской рисовой [206]. Такая же рукопись есть в китайской части собрания из Хара-хото [207]. Один из ксилографов того же собрания, по-видимому, реставрировали трижды: его страницы были подклеены сперва бумагой, потом полосками ткани типа марли, а в третий раз прошиты желтой нитью [208]. На небольшом фрагменте из той же коллекции были обнаружены обрывки красной нити [209].

Материалы Рукописного отдела ЛО ИВАН позволяют нам заключить, что реставрация восточных книг была двух родов: 1) профилактическая реставрация: в этих случаях еще целая, но много раз бывшая в употреблении книга проклеивалась по сгибам листов полосами бумаги; 2) реставрация дефектной книги: порванные листы подклеивались отдельными кусками бумаги по месту повреждения или сшивались суровой ниткой. Иногда «гармоника» или свиток подклеивались большими листами во всю длину.

Кроме реставрации в центральноазиатских рукописях и ксилографах практиковалось исправление неправильно написанных знаков. В некоторых случаях знак просто удаляли, без замены его новым. Но чаще на место вырезанного знака с обратной стороны листа подклеивался бумажный квадрат с правильно написанным знаком. Иногда знаки зачеркивались жирными мазками киновари или желтой краски, поверх которых писался новый текст.

Когда в книге были утеряны одна или несколько страниц, их дописывали. В нашей коллекции есть ксилографы с рукописными вставками или дописанными страницами [210].

Если же терялись отдельные доски из комплекта для печатания, их заменяли новыми. Так, в словаре «Море письмен», начиная с листа 57, текст отпечатан с разных досок, сделанных, по-видимому, целой артелью различных писцов и резчиков (судя по начертанию знаков и промерам по рамке).

Некоторые явления, достойные того, чтобы о них упомянули, не могут быть помещены ни в один из специальных разделов данной книги. Поэтому мы выделим их в особую группу.

Интересным представляется вступительное слово издателя, монаха Бао Юаня, в одной из тангутских сутр, с упоминанием о сверке санскритского, китайского и тангутского текстов [211]. Только в одном случае в конце тангутской книги указана цена [212].

О пометках на различных языках в центральноазиатских рукописях уже упоминалось выше. Есть еще примеры. Под начальным титром одной из дуньхуанских рукописей помещен знак , могущий быть разнописью тибетской буквы za [213]. Следует отметить надпись на тибетском языке в другой китайской дуньхуанской рукописи [214]. Она выполнена особым почерком — первоначальной формой тибетской скорописи, которая в X—XI вв. еще только складывалась. Это крайне затрудняет чтение, так как современное скорописное письмо, пройдя долгий путь развития, имеет графику, сильно отличающуюся от ранней скорописи. Тибетолог Лев Серафимович Савицкий, хранитель коллекции тибетских рукописей и печатных книг в ЛО ИВАН, после тщательного изучения надписи сообщил наиболее вероятный вариант расшифровки: «Чанг-бйар-бйар написал». Первые три слова, несомненно, имя. Является ли это имя чисто тибетским или же транскрипцией какого-то китайского имени, пока сказать трудно. Но сам факт наличия тибетского обозначения имени переписчика в рукописи на китайском языке еще раз свидетельствует о том, что в деле развития книги, как и вообще в создании культуры Центральной Азии, участвовали многие народы, для которых языковые барьеры являлись, по-видимому, весьма слабой преградой.

Так, на материале наших коллекций мы можем видеть все многообразие и сложность технического оформления центральноазиатской книги. Эта глава предшествует рассказу о величайшем достижении человеческой мысли — рассказу об изобретении книгопечатания, так как без тех материальных факторов, которые породили рукописную книгу, невозможно было и само великое изобретение. Более того, рассматривая подчас явления, общие и для печатной книги, и для рукописи, мы можем легче проследить ту единую нить развития, которая проходит через всю историю книжного дела. Перейдем теперь к следующему, не менее интересному и важному вопросу — краткой истории систем письма, бытовавших на протяжении многих веков в странах Центральной Азии.

Глава вторая

ПИСЬМЕНА — ЛИЦО КУЛЬТУРЫ

Так, в своих заботах мудрых
О народе, Гайавата
Научил его искусству
И письма и рисованья.

Генри Лонгфелло.
Песнь о Гайавате

У каждого свой язык,
И каждый любит его.
Почтенье к своим письменам
Питает и тот и другой.

Тангутская ода
«Великому учителю Ири»

1. Вдоль черных строк

Едва ли найдется человек, не умеющий отличить письмо своего народа от чужого. Даже маленькие дети, увидев надпись на незнакомом языке, обязательно скажут: «Не по-нашему написано!»

Вырастая, человек начинает постигать не только многообразие письмен, но и их характер и красоту. Редко кто не оценит выразительность чеканных строк древнеримской надписи, замысловатость славянской вязи, причудливость египетских иероглифов. Вспомним наивного и восторженного чудака — студента Ансельма из поэтической повести Гофмана «Золотой горшок». Для своих каллиграфических работ, которые он исполнял не просто искусно, но и с любовью, герой Гофмана берет и образцы европейского письма («чудесный английский почерк»), и арабские надписи.

Студент Ансельм, копируя по заданию чародея тексты, написанные неведомыми письменами, чрезвычайно сложными и совершенно не поддающимися прочтению, в конце концов начинает улавливать смысл переписываемой им древней легенды. Конечно, так бывает только в сказках. И тем не менее даже незнакомые письмена многое говорят пытливому уму. Говорят своими линиями, отражающими особенности породившей их культуры. Чем выше и сложнее культура, тем богаче, разнообразнее и характернее почерки ее письма. Кал-

лиграфия — один из признанных видов искусства, несомненно национального. Когда же среди текстов, написанных на определенном языке, встречаются и чужие письмена, невозможно не задуматься о том, как они туда попали. Многоязычие, или многописьменность, — свидетельство широких международных контактов, многочисленных культурных влияний.

Письмена говорят не только о культурной, но и о политико-экономической жизни народа. Торжественно, замысловато расположенные знаки победных надписей, гимнов богам, царских эдиктов были призваны прославлять и утверждать могущество сильных владык и мудрого жречества. Изящные, легкие почерки литературных произведений и творения каллиграфов были выражением изысканного вкуса и тонкой духовной организации поэтов и ученых. Малопонятные, беглые строки скорописи — детище канцелярских писцов или деятельных торговцев, заботившихся не о красоте, а о скорости письма.

Обратимся к письменам народов Центральной Азии, которые запечатлели многообразие и сложность истории, многовековой культуры этих народов. Передвижения многочисленных народов по древним караванным путям — порой из очень отдаленных районов — и постоянные завоевания государств как более сильными соседними государствами, так и могучими племенами кочевников способствовали не только созданию синкретических культур, но и существованию многоязычия в рамках каждой отдельной культуры и каждого отдельного политического объединения Центральной Азии. Самым ярким свидетельством такого многоязычия служит дуньхуанская библиотека, содержащая книги на многих языках Востока — от китайского до восточноиранских диалектов — и даже подборку выписок из Ветхого завета на древнееврейском языке.

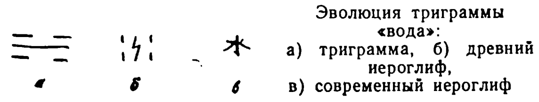
Вместе с языками разных народов по древним дорогам в выжженных солнцем степях Центральной Азии шли письмена. Не всегда пишущий их являлся представителем того племени, которому они принадлежали. Иногда чужеземный правитель, покорив более слабое племя, заставлял его пользоваться письмом своего народа. Иногда кочевник, еще не имеющий своего письма, выражал свои мысли письменными знаками более культурных соседей. Иногда эрудит, желая блеснуть знаниями, запечатлевал творение своего литературного гения теми знаками, которые казались ему наиболее подходящими. Иногда купец, посылая записку своему торговому партнеру, просто в силу необходимости пользовался письмом последнего. Иногда буддийский монах или несторианский священник, желая показать блеск своей веры, писал по-индийски или по-сирийски, не являясь индийцем или си-

рийцем. Торжественные надписи часто делались на нескольких языках, дабы многонациональное население государства или прибывшие на его территорию соседи могли понять текст.

Поистине письмена — лицо культуры.

2. Китайское письмо

Китайскую письменность, несомненно, можно отнести к числу древнейших письменных систем мира. Народная легендарная традиция считает первой письменностью Китая так называемые гуа — графические комплексы из чередующихся целых и прерванных посередине линий. Согласно традиции, изобретателем этой системы является «праведный ван» Фу Си, один из древнейших правителей Китая (2852—2737 гг до н. э.). Комбинируя «гуа» сперва по 8 различных сочетаний из трех линий, затем по 64 сочетания из шести линий и т. д., каждый раз умножая число сочетаний, можно выразить, по мнению китайских гадателей-мистиков, все существующие в мире понятия. Следует подчеркнуть, что на протяжении веков эта система использовалась именно гадателями для чисто утилитарных целей и философами для абстрактных построений. Однако европейские исследователи системы «гуа» нередко приписывали ей совершенно фантастическое происхождение. Т. Мак-Клатчи считал «И цзин» («Книгу перемен»), где содержится описание данной системы, документом, спасенным от всемирного потопа «Великим отцом» рода человеческого [1]. Он утверждал, что «Книга перемен» оформилась в том виде, в котором она дошла до нас, во времена разделения сыновей Ноя — Сима, Хама и Йафета [2]. Не менее невероятной выглядит теория Терьена де Лакуприи, согласно которой «гуа» восходят к передневосточной клинописи и в Китай их принесли «люди из племен Бак» — предки бактрийцев, как считал де Лакупри [3] Всем этим измышлениям положили конец исследования специалистов по китайской письменности, в частности Ю. К. Щуцкого, считавшего «И цзин» созданием китайского народа [4]. Представляется вполне вероятным, что в основе «гуа» лежат письменные знаки, только, разумеется, не клинописные, а китайская иероглифика. Можно усмотреть некоторое сходство между отдельными триграммами «гуа» и соответствующими им древними и современными иероглифами:

Эволюция триграммы «вода»: а) триграмма, б) древний иероглиф, в) современный иероглиф

Изобретение иероглифического письма приписывают Цан Се, министру государя Хуан-ди (2698—2597 гг. до н. э.). По преданию, Цан Се изобрел «шуци» — бирку, деревянную дощечку, на которой ставился определенный знак. При соединении двух половинок сломанной бирки линии знака должны были совпадать, подтверждая таким образом полномочия или удостоверяя личность чиновника, предъявившего одну половину бирки. Что же касается знаков, то они были будто бы придуманы Цан Се, когда он созерцал следы птиц и тени, отбрасываемые ветвями деревьев [5].

Древние китайцы, сознавая всю важность изобретения письменных знаков, не могли примириться с мыслью о том, что творцом письма мог быть обычный человек. И потому традиционно художники нередко изображали Цан Се фантастическим существом с двумя парами глаз. Сами письмена за свою форму получили название «головастиковые».

Так гласят предания. Но последние археологические данные подтверждают традиционные даты возникновения китайской письменности и дают право отнести их к еще более отдаленным временам. Еще до находки знаков из Баньпо, относящихся к эпохе Яншао, возникали предположения о глубокой древности китайской иероглифики. По мнению Ю. В. Бунакова, первоначальные письменные знаки — кинеграммы — можно обнаружить в орнаменте яншаоской керамики (V—IV тысячелетия до н. э.) [6]. Простейшие геометрические линии древнего письма, вероятно, имели символическое осмысление. Кинеграммы переплетались со знаками несомненно рисуночного характера, пиктограммами.

Начертание на керамике	Современный знак	Значение
	月	луна
	靁	гром
	人	человек

Знаки на керамике Яншао и их аналоги в современном китайском языке

До находки знаков из Баньпо, о которых говорилось в первой главе, древнейшими памятниками китайской письменности считались гадательные кости эпохи Инь. Впервые они были найдены в 1899 г. в окрестностях деревни Сяотунь провинции Хэнань. Сведения о местонахождении раскопок вначале были крайне неточными [7]. Их скрывали торговцы, редкостями, обнаружившие эти памятники и, возможно, пытавшиеся утаить место, где они их нашли, в целях борьбы с конкуренцией. Китайские исследователи обнаружили в надписях на костях имена, с незначительными палеографическими вариантами, царей династии Инь, известные из традиционной китайской историографии. Список кончался именем предпоследнего царя Ди И (1191—1153 гг. до н. э.). Этот факт, а также место находки — район Сяотуни, где, согласно данным литературы, находилась столица иньской династии со времени правления Пань-гэна (1401—1372 гг. до н. э.), — дали повод китайскому ученому Ло Чжэньюю датировать гадательные кости концом правления династии Инь — XII в. до н. э.

Другой китайский ученый, Ван Говэй, считал, что их следует датировать периодом в несколько веков, от Пань-гэна до Ди И. Исследования Дун Цзобиня показали, что для выработки многочисленных вариантов знаков на гадательных костях требовался, по-видимому, действительно значительный период времени. Некоторые авторы относят возникновение иньского письма к XVIII в. до н. э. [8]. Если учесть то, что нам известно о письменных знаках из Баньпо и отдельных начертаниях, являющихся, по мнению некоторых исследователей, своего рода мостом от архаичной письменности к иньским знакам, то дата изобретения китайского письма отодвигается в далекую древность, определить точные хронологические границы которой в наши дни представляется затруднительным.

Иньские надписи на гадательных костях и панцирях черепах получили в литературе название «цзя гу вэнь» — «знаки на костях и панцирях» [9]. Известны и иньские надписи на бронзовых изделиях [10].

Письмо на гадательных костях представляет собой уже довольно развитую систему письменности. Наряду с пиктограммами в нем есть сложные знаки, обозначающие абстрактные понятия (соединение знаков «солнце» и «луна» для обозначения понятия «свет», знаков «баран» и «крыша» для понятия «жертва») [11]. Однако встречаются и конкретные знаки для выражения отвлеченных понятий. Например, знаки «баран» или «олень» могли обозначать понятия «удача» или «счастье».

Расположение строк в иньских надписях довольно разнообразное: и справа налево, и слева направо. Знаки в строке, как правило, идут сверху вниз, но встречаются знаки, расположенные полукругом[12]. Следует отметить отбивку отдельных фраз чертой в том случае, если на фрагменте несколько фраз. Знаки иньских надписей, как правило, бедны графическими элементами. Разнописи настолько часты, что, по мнению Ю. В. Бунакова, посвятившего данному вопросу специальное исследование, иногда бывает трудно провести грань между вариантами одного и того же знака и новым знаком. Графика знаков и угловатая и округлая. Нередко встречаются перевернутые знаки или знаки с переставленными составными частями, иногда даже в пределах одной фразы. Можно предположить, что различное направление строк и знаков в строке вызвано ритуальным назначением надписей, в то время как в других текстах, негадательного характера (которые до нас не дошли), возможно, была уже известная унификация — направление строк справа налево и знаков в строке сверху вниз. Именно такое направление строк в иньских надписях встречается чаще всего, да и вряд ли возникшая в глубокой древности китайская письменность не пришла к упорядочению направления строк и знаков в строке.

От следующей за эпохой Инь эпохи Чжоу (1122 — 314 гг. до н. э.) до нас дошли преимущественно надписи на изделиях из бронзы. Графическая форма иероглифов надписей на бронзе называется «чжоу вэнь», или «да чжуань». Согласно традиционной версии, изобретателем стиля «да чжуань» был чиновник Ши Чжоу, живший при государе Сюань-ване (827—782 гг. до н. э.).

Однако к концу эпохи Чжоу возникли сильные самостоятельные царства и усилилась тенденция децентрализации. В памятниках этого периода, написанных стилем «да чжуань», можно обнаружить различные локальные формы «да чжуань». После многолетних войн все разрозненные царства подчинило себе царство Цинь и императором был провозглашен Цинь Шихуан (246—207 гг. до н. э.). Строитель Великой Китайской стены, человек, по приказу которого были уничтожены исторические летописи некогда независимых областей с целью окончательно сломить дух сопротивления, Цинь Шихуан всеми средствами стремился укрепить созданное им государство.

О могуществе императорской власти свидетельствует хотя бы грандиозная гробница Цинь Шихуана, недавно раскопанная китайскими археологами и подарившая миру непревзойденные образцы погребальной скульптуры — статуи воинов

и чиновников, выполненные настолько живо и тонко, что перед современным зрителем как бы воскресают из прошлого люди тех далеких времен. Раскопки гробницы еще далеко не закончены.

Естественно, что в едином государстве назревала необходимость в унификации письменности. Министры Ли Сы, Чжао Гао и Хуму Цзин произвели пересмотр существующих письмен и на основе знаков «да чжуань» создали новую, более упрощенную письменную систему, получившую название «сяо чжуань»[13]. Графика знаков письма «чжуань» была все же слишком сложной и вычурной, и через столетие после создания письма «сяо чжуань» появляется более удобная и простая система письма — почерк «ли шу». Само название этого почерка — «деловое письмо» — указывает на то, что новое письмо должно было обслуживать нужды императорских канцелярий[14]. Создателем «ли шу» традиционно считается чиновник Чэн Мао.

При династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) «ли шу» утвердился как один из стандартных стилей письма. Несмотря на упрощение графики, в этом почерке еще много элементов орнаментальности, роднящих его со стилем «чжуань». Можно выделить три формы «ли шу» — эпохи Цинь, Ранней Хань и Поздней Хань. Существовала и своеобразная переходная форма от «сяо чжуань» к «ли шу» — письмо «ба-фэнь» («восемь десятых»), в котором восемь десятых общего количества знаков было заимствовано из «сяо чжуань» и две десятых — из «ли шу». Но в большинстве дошедших до нас образцов элементы «ли шу» преобладают. В конце правления династии Хань появилось множество вариантов стиля «ли шу», отражающих искусство каллиграфов.

С появлением волосяной кисти, туши и бумаги постепенно формируется письмо «кай шу» — форма знаков, дошедшая до наших дней. Изобретателем стиля «кай шу» обычно считается Чжун Ю. Особенно прославился как мастер этого стиля каллиграф Ван Цичжун. Свое окончательное оформление «кай шу» получило в IV в. н. э., главным образом в работах каллиграфа Ван Сичжи и его сына Ван Сяньчжи.

Почерк «син шу» возник в период правления Поздней Хань (947—959). Его создание приписывают Лю Дэшэну[15].

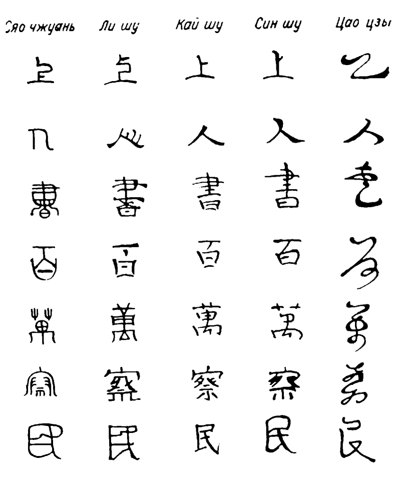
Еще до изобретения «кай шу» появляются элементы скорописного начертания знаков. Окончательно же скоропись оформилась как стиль «цао цзы» («травяные знаки»). По традиции, его автором называют одного из ханьских императоров[16]. Все большее упрощение скорописного начертания привело к тому, что в стиле «цао цзы» слитно записываются

целые группы знаков. Несомненно, очень близка китайскому «цао цзы» иероглифическая скоропись тангутов.

В VIII в., с изобретением книгопечатания, знаки «кай шу» претерпели некоторое чисто графическое изменение, вызванное сложностью вырезания иероглифов на доске для печатания. Этот более упрощенный почерк получил название «сун шу», или «сун ти цзы», по названию правящей династии Сун.

Однако перечисленными выше разновидностями китайского письма не ограничивается разнообразие стилей и почерков. По всей территории Китая обнаружено множество надписей и целых текстов, выполненных письменами, совершенно вышедшими из употребления к тому периоду, которому посвящен наш обзор. Это — древние надписи, сделанные либо сильно стилизованным, орнаментальным письмом, либо знаками, являющимися, возможно, местными вариантами известных нам китайских иероглифов. Количество таких знаков с трудом поддается учету, хотя среди старинных китайских книг можно найти целые тома, посвященные редким формам иероглифов. Интересное явление представляет собой рукопись на шелку, происходящая, по мнению исследователей, из южного царства Чу, которое находилось в бассейне реки Янцзы. К 704 г. до н. э. царство настолько усилилось, что его правители присвоили себе титул «ван» («царь»), до этого времени принадлежавший только верховным правителям династий Инь и Чжоу. Наивысшего расцвета Чу достигло в V—III вв. до н. э., в эпоху «Сражающихся царств». Его культура стала впоследствии важной составной частью единой китайской культуры. Чуский манускрипт на шелку написан особой разновидностью иероглифического письма, во многом отличающейся от современных ему систем письма остальных областей Китая. В рукописи есть знаки, возможно своего рода иллюстрации, которые, в свою очередь, могли происходить от знаков какой-то очень древней, не дошедшей до нас рисуночной формы письма. Во II в. н. э. в провинции Шаньдун в доме, где жил знаменитый философ Конфуций, были найдены книги, написанные знаками, близкими к «головастиковому письму», изобретенному легендарным Цан Се.

Позднейшие каллиграфы на основе уже сложившихся стилей письма не раз создавали оригинальные формы начертания знаков, подчас имевших чисто художественное значение[17]. Такова, например, своеобразная надпись-картина в коллекции эстампажей крупнейшего русского китаеведа, академика Василия Михайловича Алексеева. Это работа знаменитого каллиграфа конца XIX в. Ма Дэчжао, посвященная Куй Сину — духу одной из звезд в созвездии Большой Медведицы, покровителю ученых[18]. Фигуру духа образуют полу-

Образцы почерков китайского письма

скорописные иероглифы, составляющие текст двух отрывков из сочинения Конфуция «Лунь юй». У европейского зрителя с первого взгляда на произведение великого мастера создается впечатление, что это не надпись, а рисунок.

Китайский язык был широко распространен в Центральной Азии, играя роль языка политики, религии и науки, как латинский язык в средневековой Европе. Многие народы, не имевшие своей письменности, вели дипломатическую переписку с Китаем на его языке (например, тангуты до изобретения собственного письма). В начале книги мы рассказывали о том, что в крупнейшем культурном центре на западе Китая Дуньхуане, где слились воедино китайская культура и культура многочисленных народностей Восточного Туркестана, было найдено собрание рукописей и раннепечатных книг главным образом на китайском языке. В настоящее время эти рукописи хранятся в Пекине, Лондоне, Париже и Ленинграде (не считая небольшой коллекции в Японии и отдельных частных собраний в Японии и Китае). Ленинградскую коллекцию составляют рукописи, доставленные двумя экспедициями С. Ф. Ольденбурга (в 1909—1910 и 1914—1915 гг.), а также собранные Н. Н. Кротковым в 1909—1910 гг. и С. Е. Маловым [19].

Множество китайских текстов было обнаружено в Хара-хото [20]. Кроме целых экземпляров книг и отдельных фраг-

5 Заказ № 41

ментов в Хара-хото найдено также большое количество китайских фрагментов в тангутских книгах: из них склеены бумажные переплеты тангутских рукописей и ксилографов [21], обратные стороны листов с китайским текстом использованы заново тангутскими писцами для письма [22]. Китайские тексты и отдельные знаки встречаются и в уйгурских рукописях коллекции Н. Н. Кроткова [23].

Бронзовые печати с иероглифами, написанными обычным уставным китайским почерком, обнаружены А. Стейном в районе Иоткана. Есть они и в собрании ЛО ИВАН [24].

3. Киданьское письмо

Уже в IV в. н. э. из протомонгольских племен выделяются предки киданей. В VI—VII вв. в бассейне реки Шара-Мурэн создается киданьский племенной союз с выборными вождями во главе. В 907 г. Абуги из рода Елюй, вождь племени Ила, объявляет себя императором.

Новое государство Великое Ляо проводило активную внешнюю политику, захватывая соседние территории. Империя киданей раскинулась от берегов Японского моря до Восточного Туркестана и от Желтого моря до Забайкалья. Под влиянием более развитых соседних культур в государстве Ляо создается самобытная высокая культура. Хотя кидани, как впоследствии тангуты и чжурчжэни, подверглись наиболее сильному влиянию культуры Китая, они решили официально ознаменовать свою культурную самостоятельность учреждением при дворе своего этикета, во многом отличного от китайского, введением особой форменной одежды для чиновничества, основанием академии, ставшей центром просвещения, и изобретением самобытной системы письма.

Созданное в 920 г. «большое» киданьское письмо по графическим приемам обнаруживает прямое воздействие китайской иероглифики. Однако возникает вопрос, не было ли влияния другой письменности, которая могла дать начало киданьскому письму.

Правящий дом Киданьской империи носил фамилию Тоба. Так же именовалась династия, созданная другим протомонгольским народом, сяньбийцами, в IV в. — Тоба-Вэй (386—535). Позднее, в X в., первые тангутские правители имели ту же фамилию, известную вплоть до начала XIII в. Является ли это сходство фамилий правящих родов случайностью, или за этим кроется некое указание на родство всех трех народов и, следовательно, на их этническую и культурную близость?

Относительно связи сяньбийских и тангутских Тоба существует по крайней мере три точки зрения. Сторонники первой из них доказывают несомненное тождество обоих семейств, утверждая, что потомки Тоба, владевшие Северным Китаем и основавшие там династию Вэй, «прочно обосновались на тибетско-китайской границе. Некоторые члены этой семьи стали даже соплеменниками полутибетского народа дансян (предки тангутов). Из этой семьи позднее произошел правящий дом... Си Ся» [25]. Действительно, отношения тангутских Тоба с сяньбийцами, в частности с сяньбийским народом тугухунь (тогон), соседствующим с дансянами на севере и северо-западе, были довольно тесными.

Отто Франке и Эдуард Шаванн начисто отрицали близость между сяньбийскими и дансянскими Тоба, считая ее генеалогической фантазией, призванной польстить самолюбию государей Си Ся [26]. Другие исследователи высказываются более осторожно: не отрицая сяньбийского происхождения фамилии Тоба, сомневаются лишь в ее прямой связи с правящим домом Вэй [27].

Китайские источники сообщают, что сяньбийские Тоба имели свое письмо и литературу. К сожалению, до нас дошло только два названия их книг в китайском переводе [28]. Однако косвенное доказательство не только близости киданьского и сяньбийского языков, но и наличия у сяньбийцев письменности существует. Мы имеем в виду результаты дешифровки киданьской письменности, опубликованные В. С. Таскиным [29].

Реконструируя звучание киданьского слова [illegible] как «бита», он указывает, что на языке Тоба название должности чиновника, ведавшего делопроизводством (кит. «вэньшуши»), звучало как «бидэчжень», и если отсечь суффикс имени действователя «чжень», то слово «бидэ», созвучное киданьскому «бита», приобретает значение «документ». В. С. Таскин проводит аналогию между сяньбийско-киданьским словом «бита», «бидэ» и тюркским «вити» («кисть»), которое фон Габэн считает производным от китайского «би» («кисть») [30]. Таким образом, мы имеем свидетельство существования письма у сяньбийских Тоба.

Между киданями и тангутами издавна существовали политические и культурные связи, которые стали особенно тесными к концу первой половины XII в. Общность культуры сказывается, например, в форме и цвете одежды — знатные тангуты, как и кидани, носили темно-зеленые прямые халаты со стоячими воротниками, киданьские и тангутские чиновники одевались в красную форменную одежду и имели похожие

головные уборы. Прическа «туфа», введенная тангутским императором Тоба Юань-хао для всего населения, как знак племенной принадлежности, в точности копирует прическу, которую мы видим у подавляющего большинства персонажей памятников киданьского изобразительного искусства — валик волос надо лбом и две косы на висках (остальная часть головы выбрита). Тангутское письмо, как мы увидим ниже, несомненно, также испытало на себе влияние киданьского. Можно поэтому предположить, что обе письменные системы связаны с письмом сяньбийских Тоба-Вэй.

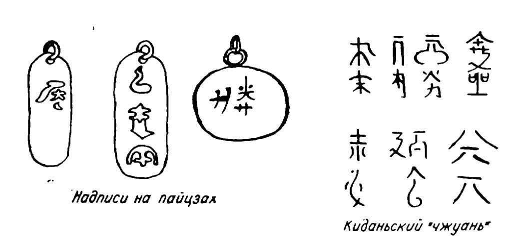
Таким образом, протомонгольские народы, в том числе и кидани, создавшие свое государство в X в., могли иметь свои системы письма.

«Большое» киданьское письмо состояло из нескольких тысяч знаков. В 925 г. было создано «малое» киданьское письмо [31]. Памятники киданьской эпиграфики, дошедшие до наших дней, написаны «большим» киданьским письмом.

Первые сведения о киданьской письменности доставил в Европу Н. Я. Бичурин (отец Иакинф). Он опубликовал в своей книге «Статистическое описание Китайской империи» (1841 г.) изображения пяти киданьских иероглифов, заимствованных им из китайского сочинения XIV в. В 1875 г. был издан «Полный маньчжурско-русский словарь» И. Захарова. В предисловии к нему высказывается мнение, что племена Синь-ло и Бо-Цзи, населявшие древние корейские царства Силла и Пэкче, о которых сказано в источниках, что они имели письмена, похожие на китайские, могли быть предшественниками киданей в создании их письменности [32]. Кидани могли только усовершенствовать созданное этими племенами письмо. Затем, в 1883 г., была опубликована статья Г. Девериа, в которой автор очень подробно рассматривал историю изобретения киданьского письма [33].

В 1922 г. были обнаружены новые памятники киданьской эпиграфики при раскопках могил киданьских императоров в Цинчжоу. Они были опубликованы в 1933 г. [34]. В 1932 г. были найдены еще две надписи, в 1933 г. — четыре текста. Большие киданьские надписи обычно снабжены параллельным китайским текстом. На памятнике на месте надмогильного храма одного из танских императоров, воздвигнутом в 1134 г. чжурчжэньским полководцем, сохранились параллельные тексты по-кидански и по-китайски [35]. Кроме больших надписей были обнаружены несколько знаков на кирпичах и фресках в гробницах киданьских императоров, на печати в форме рыбы, на сосудах [36]. В японском ксилографе, относящемся к 1782 г. и представляющем собою пособие по нумизматике, есть изображения киданьских монет [37].

Уставное письмо

Образцы киданьского письма

Последним памятником киданьского письма считается пайцза Чингис-хана с надписью китайскими и киданьскими знаками. Ее происхождение связывают с именем Елюй Чуцая, потомка киданьского правящего дома, сумевшего стать советником грозного «завоевателя Вселенной» и внесшего большой вклад в дело формирования монгольской культуры.

На обороте переплета тангутской буддийской книги был выявлен китайский текст о займе, датируемый 1182 г.[38]. Первый знак имени заимодавца написан не тангутским иероглифом, но напоминает скорее киданьский или чжурчжэньский. Не исключено, что в тангутских документах и обложках книг, склеенных из старых бумаг, можно будет найти знаки или даже тексты. Ведь обнаружил Е. И. Кычанов в тангутской коллекции ЛО ИВАН чжурчжэньский текст и опубликовал его.

Есть предположение, что в государстве каракитаев — потомков киданей — был в употреблении киданьский язык в уйгурской графике. Позднее каракитаев подчинили найманы, заимствовавшие и их письмо. От найманов, как предполагают исследователи, эта письменность попала к монголам через посредство уйгура Тататонги, хранителя печати. Но ни одной каракитайской или найманской надписи не сохранилось[39].

Летом 1933 г. Ван Цзинчжу, исследуя два эстампажа эпитафий, написанных киданьским «чжуанем» и уставным письмом, впервые поставил вопрос о смешанном — слоговом и идеографическом характере киданьского письма[40]. Л. Н. Рудов, Д. Кара и другие ученые вслед за Ван Цзинчжу также установили смешанный характер киданьской письменности[41].

К интересным выводам пришел В. С. Таскин, занимаясь дешифровкой киданьской письменности: в киданьском письме при наличии идеограмм одно и то же слово могло быть написано либо идеограммой, либо фонетическими знаками; одно слово могло быть написано двумя знаками или более; существовала группа графем, которую можно рассматривать как своеобразную диакритику; часть знака могла быть идеограммой, а другая часть — нести грамматическую нагрузку; киданьские знаки, подобно китайским иероглифам, писались различными почерками («чжуань», уставное письмо и т. д.) [42].

Хотя общий характер киданьской письменности учеными установлен, однако ввиду ее сложности дешифровка киданьского письма до сих пор не закончена.

4. Тангутское письмо

Воинственные и храбрые кочевники, цяны, предки тангутов, упоминаются еще в иньских «надписях на костях». Отстаивая свою независимость и от китайцев, и от сяньбийского государства Тугухунь (IV в. н. э.), цяны в тяжелой борьбе создавали не только свою государственность, но и самобытную культуру. Из цянов постепенно выделились тангутские племена, продолжавшие борьбу за независимость. К X в. тангуты становятся мощной политической силой. В 909 г. тангутский вождь Тоба Жэньфу одержал победу над 50-тысячной китайской армией. Преградив китайцам торговые пути на Запад, тангуты богатели за счет грабежа китайских караванов и торговли с Китаем. Потомки Тоба Жэньфу, то признавая себя вассалами Китая, то успешно ведя с ним войны, продолжали дело отцов. Но потребовались еще долгие годы кровопролитных войн, прежде чем 10 ноября 1038 г. тангутский вождь Тоба Юаньхао официально принял титул императора. С этого момента начинается пышный расцвет тангутской культуры, выразившийся, в частности, в развитии книжного дела и письменности.

Тангутское общество и до и после создания государства не было изолированным. Торговые сношения, военные походы, временные политические союзы приводили к тому, что тангуты знакомились ближе с окружающими их народами и подвергались культурному влиянию более древних и высокоразвитых государств Древнего Востока — китайцев, уйгуров, киданей, родственных тангутам по крови и языку тибетцев. Само место расселения древних цянских племен, а впоследствии расположение империи тангутов Си Ся (Западное Ся)

на трассе древних караванных путей, соединяющих Восток и Запад, было благоприятным для слияния молодой тангутской культуры с элементами самых разнородных культур. Это сказывается и в многоязычии книг, найденных в Харахото, в одном из немногих археологически обследованных тангутских городов. К книгам на различных языках Востока, собранным там, мы еще не раз вернемся в ходе нашего повествования.

До изобретения собственной системы письма тангуты не были бесписьменным народом. Об этом свидетельствуют постоянные упоминания о надписях, текстах договоров и даже книгах, которые встречаются в китайских сообщениях о тангутах. Никита Яковлевич Бичурин, человек, впервые познакомивший русского читателя со сведениями о народах Центральной Азии из китайских исторических сочинений, в своей книге «История Тибета и Хухунора» писал о «хартии», якобы ниспосланной тангутам с Неба [43]. Это — первое упоминание о письме у тангутов. У Бичурина же есть сведения о том, что в 982 г. брат тангутского вождя Тоба Цзипэна, Тоба Кэвэнь, привез в дар китайскому императору красиво оформленную книгу, а вождь Тоба Дэмин (1004—1033) послал в Китай письменную присягу на верность с просьбой хранить ее в архиве [44]. Какими знаками был записан текст упомянутых документов — неизвестно. Если для дипломатической переписки тангуты могли пользоваться языками соседних народов — китайским, тибетским, уйгурским, — то книга, преподнесенная в дар китайскому императору, и тем более «хартия с Неба», явление, определенно имевшее в глазах тангутов особо важное значение, возможно, были написаны каким-то письмом древнейших тангутов, которое до нас не дошло. Во всяком случае, к моменту появления известной нам тангутской письменности народ был уже подготовлен к принятию письма. Образованные тангуты, например император Тоба Юаньхао, почти накануне изобретения самобытного тангутского письма хорошо знали и китайскую иероглифику, и тибетский алфавит. О возможной связи древних тангутов с сяньбийцами уже говорилось.

Изобретение тангутами своей, оригинальной системы письма, вероятно, диктовалось в числе прочих причин теми же соображениями, что у киданей и чжурчжэней, — стремлением тангутских правителей как к политической, так и к культурной независимости от сопредельных стран.

Вопрос о том, когда и кем именно было изобретено известное нам по дошедшим памятникам тангутское письмо, очень сложный, и до сих пор не представляется возможным дать на него однозначный ответ. Китайские источники содер-

жат три различные версии на этот счет. Одни источники сообщают, что изобретателем тангутской письменности был Тоба Дэмин (1004—1033), отец первого тангутского императора Тоба Юаньхао[45], и изобретенные им знаки походили на китайское письмо стиля «чжуань». Однако стиль «чжуань» имеет квадратную графику, характерную для торжественных надписей на самых различных языках Центральной Азии (в конце главы мы подробно рассмотрим это явление)[46]. Подобная графика может быть применима как к иероглифическим, так и к алфавитным системам письма. По-видимому, китайские источники подразумевают не характер, а лишь внешний вид письмен, изобретение которых приписывается Тоба Дэмину. Но Тоба Дэмин мог применить начертание знаков, характерное для почерка «чжуань», к какому-то уже существовавшему в то время тангутскому письму. Стало быть, тангуты могли иметь письменность задолго до Тоба Дэмина. Мысль эта, конечно, — не более чем предположение, почти ничем не обоснованное. Но то, что говорил Ю. Н. Рерих о древних письменностях Тибета, не дошедших до нас (см. раздел о тибетском письме в данной главе), сведения о письменных договорах и книгах древнейших тангутов, наконец, простое заключение о том, что первые изобретатели тангутского письма должны были иметь исходный материал («Из ничего не будет ничего»), — все это делает наше предположение не таким нелепым, как это может показаться с первого взгляда.

Самая большая группа китайских источников приписывает изобретение письма сыну Тоба Дэмина, императору Тоба Юаньхао, который знал «фаньское» и китайское письмо. «Фаньское» письмо, по мнению Е. И. Кычанова, ведущего советского тангутоведа, это — тибетское письмо[47]. Сатоси Накадзима полагает, что это могло быть и тибетское и уйгурское письмо[48]. Николай Александрович Невский писал, что под словом «фань» надо понимать не тибетское, а тангутское письмо, и считал, что роль Тоба Юаньхао сводилась лишь к реформе письменности, изобретенной Тоба Дэмином (а возможно, существовавшей и ранее), заключавшейся в стандартизации знаков, приближении их начертаний к графике китайского почерка «кайшу»[49]. Исходя из данных китайских и тангутских источников, в настоящее время исследователи склоняются к идее о том, что оно было создано в 1036 г., в правление Тоба Юаньхао, его приближенным, ученым Ели Жэньюном[50]. Сохранилась тангутская ода в честь изобретателя письма, в которой назван «великий учитель Ири», возможно Ели Жэньюн. Это совпадает с третьей версией древних китайских источников.

Хотя подавляющее большинство дошедших до нас памятников тангутской письменности представлено находками в Хара-хото, отдельные тексты были известны еще до открытия П. К. Козлова. Именно по этим немногочисленным текстам были сделаны первые попытки расшифровки тангутского письма.

Путем сопоставления параллельных текстов при исследовании 12 тангутских монет Стивен Бушель расшифровал 40 тангутских иероглифов, но не мог определить их звучание [51]. В отличие от исследователей-предшественников, например Александра Уайли, считавшего неизвестное письмо «малым» чжурчжэньским письмом, Бушель не сомневался, что это письмо — тангутское.

Работая над проблемой дешифровки неизвестного письма, ученые обратились к тангутскому тексту шестиязычной надписи на воротах Цзюйюнгуань, недалеко от Пекина. Надпись эта, транскрипция санскритских дхарани — буддийских текстов заклинательного характера, могла пролить свет скорее на звучание, нежели на значение составляющих ее знаков. Французский востоковед Габриэль Девериа, в 1898 г. издавший эстампаж с тангутской надписи на стеле из храма Даюньсы, окончательно установил, что загадочное письмо является тангутским [52]. Он считал его алфавитным.

В 1904 г. М. Морисом было опубликовано исследование части «Лотосовой сутры» на тангутском языке, найденной у пагоды Байта [53]. Справа от некоторых тангутских знаков в сутре были приписаны их китайские эквиваленты. Эти пометки могли быть сделаны много лет спустя после падения государства тангутов. Поскольку теперь твердо установлено, что еще в последние годы правления династии Мин (1368—1644) в Китае были люди, знавшие тангутское письмо — потомки тангутов, рассеянных по всей территории Китая после разгрома их государства монгольскими завоевателями в 1227 г. [54], — нет ничего невероятного в том, что кто-то, сохранивший отдаленные воспоминания о языке предков, хотел записать эти знаки. Однако Н. А. Невский считал, что подстановка китайских иероглифов — дело рук китайца, пытавшегося еще до Мориса расшифровать тангутскую письменность [55]. С нашей точки зрения, обе версии одинаково приемлемы.

Как М. Морис, так позднее и другие исследователи — Ло Фучан, А. Бернхарди, Э. фон Цах, Н. А. Невский — сходятся в утверждении об иероглифическом характере тангутского письма [56]. Большое место изучению тангутской письменности отводит в своих трудах Е. И. Кычанов [57]. Подробный анализ тангутских знаков, схемы их построения и в особенности

выявление многочисленной группы графем, несущих чисто семантическую нагрузку и встречающихся в сходных по смыслу, но различных по звучанию знаках, — все это с достаточным основанием позволяет Е. И. Кычанову сделать вывод, что тангутская письменность была, вне всякого сомнения, иероглифической, сложившейся под воздействием китайской и отчасти киданьской иероглифики.

Анализом тангутской иероглифики занимался и М. В. Софронов [58].

Несмотря на то что иероглифический характер тангутского письма для подавляющего большинства тангутоведов не подлежит сомнению, точка зрения Г. Девериа имеет сторонников и в наши дни. К ним относятся английский востоковед Г. Клаусон [59], профессор К. Седлачек (Чехословакия) [60], профессор В. С. Колоколов [61] и отечественный тибетолог Б. И. Кузнецов [62]. Согласно «алфавитной» теории, отдельные графемы тангутской иероглифики признаются знаками слогового алфавита, сгруппированными в слоги по тому же принципу, что и корейский онмун.

Профессор В. С. Колоколов считал, что тангуты при создании своей «азбуки» ориентировались на тибетскую, уйгурскую и индийскую письменность. Положение, высказанное В. С. Колоколовым, верно лишь в том отношении, что отдельные графемы тангутских иероглифов — правда, очень незначительное число — имеют чисто графическое сходство с начертаниями тибетского письма (элементы [illegible], [illegible] однако в скорописи они выглядят совсем иначе.

Есть мнение о смешанном характере тангутского письма. Отчасти такую возможность допускал Б. И. Кузнецов. Хироаки Ямадзи писал о наличии в тангутском письме фонограмм, как и в чжурчжэньском [63].

В настоящее время тангутские рукописи и ксилографы имеются в коллекциях Ленинграда, Лондона, Токио и Дели. Наиболее значительной является коллекция Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

Кроме рукописей и ксилографов сохранились и памятники тангутской эпиграфики. Миссия Пельо, исследуя пещерные храмы Дуньхуана, зафиксировала несколько тангутских надписей, иногда рядом с надписями на других языках [64]. В наши дни в разных районах КНР, порою довольно далеко от бывшей территории царства Си Ся, обнаружены отдельные тангутские надписи. Сравнительно недавно, в 1962 г., в провинции Хубэй были найдены стелы с тангутским текстом буддийских сутр, относящиеся к правлению династии Мин [65].

Тангутская письменность, так же как и письменность киданей, имеет в основе китайскую графику. Этого мнения придерживаются многие специалисты, в частности Нисида Тацуо, который прямо утверждает, что тангутское и китайское письмо, отличаясь друг от друга в частностях, имеют одни и те же принципы [66].

Еще Девериа предположил, что тангутское письмо создано на базе киданьского [67]. Сопоставление киданьских письменных знаков с тангутскими показывает, что тангуты могли заимствовать у киданей отдельные графические элементы:

Киданьские графемы	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Тангутские графемы	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Но гораздо более плодотворным оказывается сопоставление системы тангутских графических средств с китайской. Между отдельными элементами тангутского письма и китайскими иероглифами устанавливается не только внешняя — графическая, но и внутренняя — семантическая связь:

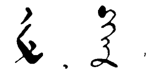
Значение	*Тангутская графема*	*Китайская графема*	*Значение*	*Тангутская графема*	*Китайская графема*
мясо	[illegible]	肉	*рука*	[illegible]	手
собака	[illegible]	犭	*дракон*	[illegible]	龍
лошадь	[illegible]	馬	*нить*	[illegible]	糸
камень	[illegible]	石	*человек*	[illegible]	人
баран	[illegible]	羊	*ворота*	[illegible]	門
вода	[illegible]	氵	*талия*	[illegible]	要(腰)

Графические средства тангутской письменности оказали влияние на формирование чжурчжэньского письма [68].

Можно выделить следующие почерки тангутского письма: 1) уставный почерк, 2) полукурсив, 3) курсив, переходящий в скоропись, 4) полускоропись, 5) скоропись, 6) «чжуань», 7) особый вид квадратного почерка, 8) почерк, которым писались «тамги» (название чисто условное).

Характер знаков уставного почерка как в рукописи, так и в ксилографе зависит от орудия письма. Знаки, написанные

кистью, выделяются мягкими очертаниями и плавными линиями изгибов:

(т. ф., инв. № 680). Иероглифы, написанные каламом, отличаются тонкостью и угловатостью линий:

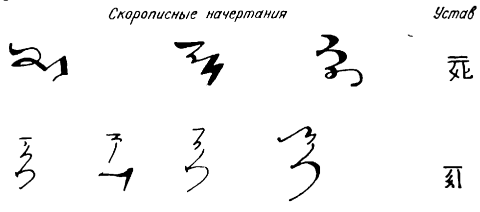
(т. ф., инв. № 562).

В одном случае мы находим устав крайне своеобразного начертания. Вероятнее всего, его знаки написаны тростниковым пером с очень мягким концом, но не кистью (это видно по известной угловатости линий):

Курсив отличается от устава более упрощенным начертанием отдельных элементов.

Переходы от устава к курсиву и от курсива к скорописи бесконечно разнообразны. Установить рамки полукурсива и полускорописи помогает преобладание уставных или скорописных элементов. В некоторых случаях своеобразие каллиграфии курсивного почерка так велико, что приходится говорить о стилизованном курсиве.

Что касается скорописи, то здесь графика обычных тангутских знаков выглядит полностью видоизмененной. Порой лишь очень хороший знаток языка может прочесть тот или иной скорописный знак [69].

Образцы тангутской скорописи

Встречается «стилизованная» скоропись, отличающаяся особой графикой:

Подобно китайским иероглифам, написанным в стиле «цао цзы», и японской скорописи, в наиболее упрощенных формах тангутской скорописи обнаруживается тенденция к слиянию отдельных знаков. Часто три или четыре знака объединяются в одну лигатуру:

Существует немало тангутских рукописей, написанных различными почерками. В пределах одной рукописи могут сосуществовать устав и скоропись, курсив и скоропись, устав и курсив.

Среди памятников тангутской письменности имеются билингвы, т. е. тексты, написанные на двух языках. К ним относится широко известный тангутско-китайский словарь «Перл в ладони». В дуньхуанских пещерах зафиксированы: надпись по-тангутски и на неизвестном языке, надпись по-тангутски и по-китайски (уставом и скорописью) и надпись по-тангутски и по-тибетски [70]. На иконе алмазопрестольного Будды, описанной С. Ф. Ольденбургом, есть надписи по-тангутски и по-китайски [71]. Такие же надписи есть на некоторых иллюстрациях к сутрам, хранящимся в тангутской коллекции ЛО ИВАН. Там же есть экземпляр тангутского буддийского ксилографа с тибетской транскрипцией (от руки) [72] и молитва «Ом-мани-падме-хум» на нескольких языках [73].

Как редкие случаи, не подпадающие ни под одну из приведенных выше категорий, можно упомянуть бумажный фрагмент с печатным тангутским текстом, подклеенный к нижней части иконы Ваджраварахи [74], и скорописные дхарани-заклинания из 8 знаков в рукописи тангутской коллекции [75].

5. Чжурчжэньское письмо

Чжурчжэни, племена тунгусо-маньчжурской группы, в древности заселяли северо-восточную часть современной Маньчжурии. С X—XI вв. чжурчжэньские племена стали

подвластны империи киданей Ляо, но борьбу за самостоятельность продолжали. В 1115 г. вождь Агуда из рода Ваньянь объединил разрозненные чжурчжэньские племена и был провозглашен императором чжурчжэньского государства Цзинь. Чжурчжэни, подобно киданям и тангутам, стремятся сохранить самобытность своей культуры, в частности выработав собственный придворный этикет и создав собственную письменность. Чжурчжэньский обычай носить косу сохранился до XVI в. у чжурчжэньского племени нюйчжи в Цзянчжоу, прямых предков маньчжуров, которые в XVII в. захватили Китай и заставили китайцев также отрастить косы как знак покорности новой династии. Сколько страданий принес этот насильственно привитый, унизительный обычай населению Китая, можно увидеть хотя бы из новеллы великого китайского писателя Лу Синя «Рассказ о волосах».

Но все это впереди. Пока же чжурчжэни, сохраняя свои культурные традиции, подобно большей части народов Центральной Азии, находятся под сильным влиянием Китая.

В истории династии Цзинь говорится, что в 1119 г. было издано императорское повеление на имя Ваньянь Сииня о составлении чжурчжэньского государственного письма. В основу его легла графика китайской иероглифики [76]. Составленные Ваньянь Сиинем письменные знаки получили название «большого» чжурчжэньского письма. В 1145 г. было составлено «малое» чжурчжэньское письмо по повелению чжурчжэньского императора Ши-цзуна.

С падением династии Цзинь чжурчжэньская письменность не исчезла. В переводческом колледже, основанном в 1407 г., при династии Мин, было и чжурчжэньское отделение, которое было закрыто лишь в 1659 г., т. е. уже при маньчжурской династии.

Есть данные о связи «большого» киданьского и «большого» чжурчжэньского письма [77]. По мнению японского исследователя Гисабуро Кийоси, «большое» чжурчжэньское письмо было создано на основе киданьского и своим начертанием имитировало «квадратный стиль китайского письма» (очевидно, «чжуань») [78].

В настоящее время открыты надписи на камнях «малым» чжурчжэньским письмом на всем пространстве от Амура до провинции Хэнань и некоторое количество текстов официальных бумаг [79].

При династии Мин специальной комиссией было предпринято издание серии пособий для изучения языков «Хуа и и юй», в которой среди текстов на монгольском, тибетском, сиамском и других языках были тексты и на чжурчжэньском языке. Сохранилось всего четыре экземпляра чжурчжэньской

части — единственного крупного письменного памятника на чжурчжэньском языке: в Германии, Китае и Японии. Все эти тексты написаны «малым» чжурчжэньским письмом.

Недавно в Архиве востоковедов ЛО ИВАН при разборке архива востоковеда Бориса Ивановича Панкратова (1892—1979) была обнаружена фотокопия чжурчжэньской части «Хуа и и юй», снятая, по-видимому, с одного из экземпляров из японских собраний. Панкратов был человеком поистине легендарной судьбы. Он принадлежал к поколению востоковедов типа Пржевальского и Козлова. Во время одного из своих скитаний по Азии он пересек всю Монголию, весь Западный Китай и закончил свой маршрут в Пекине. Он в совершенстве владел китайским, монгольским, тибетским, маньчжурским, японским и еще несколькими восточными языками, знал обычаи народов Востока не по книгам, а как очевидец, понимал буддийскую символику и обрядность, как настоящий лама. Кроме книг и коллекции произведений восточного искусства он оставил после себя большой архив. В скором времени разборка фонда Б. И. Панкратова будет закончена, и упомянутая фотокопия, занесенная в инвентари и получившая архивный шифр, будет доступна специалистам, работающим над расшифровкой чжурчжэньского письма.

Материалы по чжурчжэньскому языку есть и в архиве Н. А. Невского. Это, во-первых, работа, похожая на чжурчжэньско-китайско-русский словарь, с указанием маньчжурского и гольдского звучания слов. Кроме того, в материалах Невского есть чжурчжэньский текст и несколько отдельных фраз с подстановкой китайских знаков [80].

В коллекции рукописей из Хара-хото также были обнаружены два фрагмента, написанные «малым» чжурчжэньским письмом [81]. Китайская надпись на обороте одного фрагмента содержит дату по тангутскому девизу правления, которая соответствует 1217 г. Это дает возможность установить примерно время написания текста. Оба фрагмента представляют части одной рукописи, написанные слитным, скорописным вариантом чжурчжэньского письма. Некоторые знаки даны в полном начертании, что и помогло определить их как чжурчжэньские. По косвенным данным, перед нами — часть официального документа.

Окончательная дешифровка чжурчжэньского письма — дело будущего. Над ним работают — и небезуспешно — многие специалисты как за рубежом, так и у нас [82]. Но уже сейчас можно дать его общую характеристику.

Графическая близость «малого» чжурчжэньского письма к китайским иероглифам бросается в глаза с первого взгляда. При внимательном рассмотрении можно выявить ряд знаков,

представляющих собой либо прямое заимствование из китайской письменности, либо незначительную модификацию соответствующих китайских знаков:

Чжурчжэньские знаки	*Китайские знаки*	*Чжурчжэньские знаки*	*Китайские знаки*
[illegible]	一	[illegible]	日
[illegible]	二	[illegible]	月
[illegible]	九	[illegible]	第
[illegible]	十	[illegible]	東
[illegible]	西	[illegible]	要
[illegible]	南	[illegible]	百
[illegible]	北	[illegible]	笑
[illegible]	木	[illegible]	兄
[illegible]	斗	[illegible]	筆
[illegible]	火	[illegible]	天
[illegible]	府	[illegible]	京

Графическое сходство знаков чжурчжэньского и китайского письма

Кроме четырех перечисленных выше иероглифических систем письма — китайской, киданьской, тангутской, чжурчжэньской — в Центральной Азии были в широком употреблении различные алфавитные системы, как привнесенные из других стран Востока, так и местные. К рассмотрению центральноазиатских алфавитов мы и переходим.

6. Сирийское письмо

Сирийское письмо представляет собой одну из ветвей арамейской письменности, наиболее ранние памятники которой датируются IX—VII вв. до н. э. Есть мнение, что оно берет непосредственное начало от пальмирского курсива II—III вв. н. э.[83] Однако тот факт, что образцы сирийского письма встречаются уже в I в. н. э., дает основание полагать, что и пальмирский курсив, и то сирийское письмо, которое мы знаем, не происходят одно от другого, но являются двумя родственными системами, возникшими из единого источника[84].

Письмо древнейших сирийских памятников имеет округлое начертание, что и дало основание назвать его «эстрангело» (от греч. στρογγυλη — «круглое»)[85]. До 30-х годов V в. эстрангело было единственным видом письма у сирийцев. Но после Эфесского собора (431 г.), когда сирийская церковь распалась на яковитов и несториан, письмо также претерпело изменение, появились две разновидности: западная и восточная. Западная разновидность, «серто» (от сирийского serto — «линия»), применялась яковитами. Восточной разновидностью, несторианским письмом, первоначально пользовались проживавшие на территории Персии несториане. Впоследствии оно распространилось далеко на восток — в Среднюю Азию, Центральную Азию, Китай, Южную Индию[86].

Сирийское письмо содержит 22 буквы, передающие только согласные звуки. Обычное направление сирийского письма, подобно другим семитическим алфавитным письменностям,— горизонтальное, справа налево. Но еще до широкого распространения сирийского алфавита по Центральной Азии в самой Сирии писали письмом вертикального направления. На это указывают сохранившиеся памятники — Дехесская надпись (500 г.), надпись из Забада (512 г.), пальмирские памятники сирийской письменности. Несторианское письмо, получившее особое распространение в VIII в., имеет в подавляющем большинстве памятников вертикальное направление.

В страны Центральной Азии и Китай сирийское письмо проникло с сирийцами-несторианами. Из памятников сирийской эпиграфики в Китае особенно известен двуязычный китайско-сирийский текст на несторианской стеле, установленной в 781 г. в Чанъани. Автором сирийской надписи является «персидский священник» Адам. В тексте стелы сказано, что несторианский епископ привез в Китай священные книги, которые были переведены с сирийского на китайский язык в императорской библиотеке[87]. Следовательно, в Китае в то время были люди, знавшие сирийский язык и письмо. По-видимому, некоторые из тех переводов сохранились до наших дней. Таковы сочинения на китайском языке «Канон Иисуса-Мессии», переведенный не позднее 638 г.[88], и «Рассуждения о монотеизме», переведенные в 641 г.[89]. Два несторианских христианских фрагмента были обнаружены Пельо в Дуньхуане[90].

Памятники сирийской эпиграфики в коллекциях ЛО ИВАН, найденные в Центральной Азии, в основном принадлежат согдийцам-христианам[91]. Прежде всего следует назвать эстампажи и кальки с двуязычных надписей на сирийском и китайском языках[92]. Заслуживают внимания также два фрагмента сирийских и один фрагмент сиро-тюркской рукописи, най-

6 Заказ № 41

денные в Хара-хото экспедицией П. К. Козлова[93]. Два сирийских фрагмента содержат молитву о ниспослании дождя. Они написаны на песочно-желтой бумаге с многочисленными включениями волокон растений. Эта бумага, по мнению Н. В. Пигулевской, особого сорта, близкая к дуньхуанским сортам бумаги, но изготовлявшаяся в Турфане и Хара-хото[94].

Хотя в тексте фрагментов нет прямых указаний на то, что молитвы христианские, последнее можно утверждать почти без сомнения, так как сирийское письмо в Центральной Азии использовалось только христианами и отчасти манихейцами.

О широком распространении христианства у тангутов в период после монгольского завоевания говорили уйгурские монахи-несториане раббан Саума и раббан Маркос[95]. Большинство тангутских рукописей коллекции ЛО ИВАН относятся главным образом к домонгольскому времени, и потому наличие двух молитв на сирийском языке как будто говорит о более раннем периоде распространения христианства. Но утверждать это уверенно нельзя, так как фрагменты рукописей, правда в незначительном количестве, были найдены экспедицией Козлова и непосредственно в черте города, т. е. на поверхности или в верхних слоях, относящихся уже к периоду монгольского владычества.

Третий фрагмент из Хара-хото содержит сирийскую транскрипцию тюркских слов. Текст написан на серой, мягкой и плотной бумаге, с большим количеством утолщений и волокнистым, так называемым ватным разрывом.

Листок с сирийскими письменами из коллекции В. И. Роборовского оказался отрывком среднеперсидской манихейской рукописи, содержащим названия манихейских сочинений или их глав, о которых имеются сообщения у арабских христианских авторов[96].

7. Манихейское письмо

Учение Мани (216—277), являющееся, по сути дела, прямым наследником гностических школ позднего эллинизма, подверглось жестоким гонениям там, где оно возникло — в землях, подвластных Ирану. После того как основатель религии был зверски казнен, его последователи устремились на Восток, унося с собой священные книги. Манихеи-проповедники проникли в Среднюю Азию в IV в., а в конце VI в. достигли Китая. Центральная Азия, которая находилась на пути их продвижения, восприняв манихейство, явилась последним центром его распространения. В 762 г. манихейство приняли как государственную религию уйгурские каганы. После

падения каганата в 840 г. оно продолжало существовать в княжествах Турфанского оазиса наряду с буддизмом до XIII в., а в некоторых районах Китая — и после этого. Именно в местах расселения уйгуров были найдены богато украшенные манихейские рукописи, написанные особым письмом, примерно IX—XIII вв. О том, насколько глубокие корни пустило манихейство в Восточной Азии, свидетельствует то, что в X—XI вв. даосские философы, последователи учения Лаоцзы, перевели на китайский язык два манихейских сочинения, включили их в свой канон «Дао цзан» и издали[97]. Есть перевод манихейских книг и на санскрит[98]. Манихейские храмы в Китае — в Лояне и в Тайюани — были воздвигнуты еще в 807 г.

Язык манихейских рукописей — среднеиранский и древнетюркский. Манихейское письмо одно время считалось тайнописью, изобретенной основателем учения Мани[99], но в настоящее время признано местной разновидностью арамейской скорописи, связанной с пальмирской скорописью и с сирийским алфавитом (праэстрангело). По мнению А. Н. Рагозы, манихейское письмо из Турфана генетически примыкает к арамейскому курсиву[100].

Манихейские рукописи находятся во многих центральноазиатских собраниях. Публикация манихейских фрагментов, хранящихся в Азиатском музее, открывает серию работ К. Г. Залемана «Manichaica», посвященных изданию и анализу языка манихейских текстов из Восточного Туркестана. Коллекция манихейских рукописей в Рукописном отделе ЛО ИВАН включает находки Н. И. Кохановского[101], Н. Н. Кроткова[102], С. Ф. Ольденбурга[103].

8. Согдийское письмо

Согдийский алфавит, арамейского происхождения, особенно часто употреблялся в Центральной Азии во 2-й половине I тысячелетия н. э.[104] На юге границы его употребления доходили до Гималаев. Много согдийских рукописей было найдено в Турфане и Дуньхуане.

В Рукописном отделе ЛО ИВАН хранятся в основном фрагменты согдийских рукописей. Первый согдийский фрагмент был доставлен в Россию экспедицией П. К. Козлова и В. И. Роборовского в числе рукописей, добытых в Туюк-мазаре[105]. Другие согдийские фрагменты входят в коллекции Н. Н. Кроткова[106], С. Ф. Ольденбурга (собранные в Сенгим-агызе и Туюк-мазаре[107], а также в Дуньхуане[108]), В. И. Роборовского[109] и Н. И. Кохановского[110].

Местную разновидность согдийского письма, бытовавшую в V—VI вв. в Бухарском оазисе, описали П. И. Лерх[111], В. А. Лившиц, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконов[112]. Данное письмо представлено главным образом надписями на монетах бухархудатов, на серебряном блюде, найденном в 1925 г. в деревне Копчики, в 30 км от Кунгура[113], на серебряном кувшинчике, обнаруженном в 1926 г. в Пермской области[114], на фрагментах серебряного блюда из Мунчак-тепе[115].

9. Уйгурское письмо

Уйгуры, народ тюркского происхождения, известны в Центральной Азии еще с IV в. н. э. В V — начале VIII в. они входили как одно из подвластных племен сначала в состав Жужаньского, а затем Тюркского каганата. В середине VIII в. уйгуры основали свое первое независимое государство — Уйгурский каганат.

В IX в. над государством уйгуров нависает угроза вторжения племени енисейских кыргызов. В 840 г. енисейские кыргызы смели с лица земли Уйгурский каганат. Уйгуры переселились в Турфанский оазис и в район современной Ганьсу, где основали ряд отдельных княжеств. Не погибла бесследно и уйгурская культура: в начале нашего века в Турфанском оазисе были обнаружены развалины городов, пещерные буддийские монастыри с высокохудожественными настенными росписями, выполненными в своеобразном, характерном для этих районов стиле, фрагменты скульптур. О находках уйгурских книг и о том, какую роль играли в этом деле русские исследователи, уже говорилось в разделе, посвященном созданию коллекции ЛО ИВАН.

Познакомившись с манихейством в период существования Уйгурского каганата и с христианством, вероятно, еще в начале VIII в., уйгуры, естественно, избрали основой для создания своей письменности те алфавиты, которые несли с собой эти две религии. Приняв буддизм, уйгуры не отказались от созданного ими письма.

По мнению Д. Дирингера, уйгурский алфавит является ответвлением согдийского вертикального письма, произошедшего, в свою очередь, от сирийского[116].

Распространение уйгурской письменности не ограничивалось территорией расселения собственно уйгуров. Существует мнение, что «малое» киданьское письмо было как-то связано с уйгурским алфавитом[117]. Монголоязычные найманы и кереиты в начале XIII в. пользовались уйгурским письмом[118].

Монгольская письменность — тот же уйгурский алфавит, приспособленный к монгольскому языку.

Изобретателем уйгуро-монгольской письменности считают хранителя печати найманского государства уйгура Тататонгу. Но возможно, что монголы Чингис-хана получили готовый письменный язык непосредственно от кереитов и найманов. Позднее, в процессе развития квадратного монгольского письма, сакьяский монах Чойджи-одсэр на основе уйгурской графики изобрел к нему финальные буквы [119].

В уйгурском письме содержится 16—20 графических элементов, с помощью которых составляется не менее 30 знаков, имеющих определенное звуковое значение [120].

Уйгурские рукописи находятся почти во всех собраниях, образующих центральноазиатскую коллекцию ЛО ИВАН. Обилие материала позволяет выявить различные почерки уйгурского письма: 1) письмо, обозначенное в инвентарях коллекции как «книжное» (имеет то же значение, что и уставный почерк в других письменных системах) [121]; 2) полукурсив [122]; 3) курсив [123]. Иногда один и тот же фрагмент может быть выполнен несколькими почерками [124]. (Об орнаментальных формах уйгурского письма см. ниже.)

В китайских текстах дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН попадаются иногда вставки по-уйгурски [125]. Нередко строки уйгурского текста помещены на обороте листа, заполненного по-китайски [126]. Такие же примеры имеют место и в китайской части собрания Хара-хото [127]. Чрезвычайно редкий случай представляет собой подклейка китайской рукописи, датируемой V в., фрагментами уйгурских текстов, записанных арабским шрифтом [128]. Поскольку уйгуры начали пользоваться арабским письмом довольно поздно, данная рукопись реставрирована не ранее XII в.

10. Монгольское письмо

Если считать предшественниками монголов в культурном отношении сяньбийцев, то следует остановиться на следующем факте: народ тугухунь (тогон), в III—VIII вв. развивший свою самостоятельную культуру, имел письмо, похожее, по китайским сведениям, на письмо сяньбийцев [129]. Поскольку тугухуни входили в образовавшуюся позднее империю тангутов, а сяньбийский род Тоба был тесно связан с киданями, можно предположить, что письменность тугухуней была иероглифической, подобно тангутской и киданьской, тем более что последние, несомненно, связаны (см. раздел

«Тангутское письмо»). Но, так как ни одного памятника письменности тугухуней и сяньбийцев не сохранилось, достоверно утверждать этого нельзя.

По мнению Д. Кара, крупного знатока монгольской культуры и письменности, о письме у монголов до XIII в. можно говорить только по отношению к отдельным группам южной, хинганской ветви монгольской народности, раньше других создавшим свою государственность и впоследствии свое письмо [130]. Северная, прибайкальская ветвь монголов до XIII в. письменности не имела. В китайских источниках о монголах Чингис-хана говорится, что у них «все было устное» [131]. Что касается монголоязычных жуаньжуаней, то сохранились лишь косвенные свидетельства о существовании у них письма, но ничего не известно о его характере [132].

Монголы еще при первых Чингисидах приняли уйгурское письмо, сперва без изменений, а затем, в 1310 г., более приспособленное к собственно монгольскому языку (реформа ламы Чойджи-одсэра) [133]. (О монгольском квадратном письме см. ниже.)

Древние памятники монгольской эпиграфики, дошедшие до нас,— это главным образом надписи на камне («Чингисов камень») [134] или металле. Наиболее ранние документы на бумаге — письма Гуюк-хана папе римскому и ханов Аргуна и Ульзейту к французскому королю Филиппу IV («Красивому»). Подлинник монгольской летописи «Юань чао би ши» («Секретная история монголов»), по преданию, написанной уйгурским письмом, пока не обнаружен — известен только ее китайский перевод.

Во многих местах Восточного Туркестана найдены фрагменты монгольских книг. К сожалению, бо́льшая часть их не описана. Монгольская коллекция Рукописного отдела ЛО ИВАН содержит главным образом книги, датируемые более поздним временем, чем интересующий нас период. Тем не менее в нашей книге частично использованы материалы о рукописях и ксилографах этой коллекции, поскольку в них мы видим продолжение традиции старомонгольского книжного дела.

Некоторое количество монгольских документов найдено в верхних слоях раскопок в Хара-хото. К сожалению, эта часть коллекции не разобрана. Поскольку в том же Хара-хото обнаружены монгольские ассигнации с надписями, выполненными квадратным письмом («пагба»), есть основания предполагать, что и в неразобранной монгольской части коллекции могут быть памятники квадратного письма.

11. Тюркское руническое письмо

Одна из древних систем тюркского письма получила название рунического из-за сходства со священным письмом — рунами — у народов Скандинавии. Разумеется, сходство это чисто внешнее и никакой связи между тюркскими и скандинавскими рунами нет. Тюркские руны, как горизонтальные, так и вертикальные, по мнению некоторых авторов, произошли от древнейших форм согдийской письменности [135].

Руническое письмо было широко распространено. Им писались не только надписи на каменных памятниках, но и магические, религиозные и юридические тексты на бумаге. Рунические надписи на камнях обнаружены в Северной Монголии, в долине Енисея, на Лене и в Прибайкалье, на Алтае, в Восточном Туркестане и Средней Азии [136]. Экспедиция 1949 г., руководимая А. П. Окладниковым, обнаружила рунические надписи на Гобийском Алтае, у подножия горы Арц Богдо.

Представляют интерес рунические тексты на бумаге, найденные А. Стейном в Миране и Дуньхуане [137]. Три из них опубликованы и переведены В. Томсеном. Рукопись из Мирана, написанная кистью, состоит из трех фрагментов на бумаге коричневого цвета, низкого качества. Перед нами — текст официального документа (список лиц, которые должны были покинуть миранский форт). Вторая рукопись обнаружена в Дуньхуане. Текст ее также написан кистью. Это небольшая тетрадь на тонкой желтой китайской бумаге высокого качества. В рукописи 58 листов. Часть текста написана китайскими иероглифами. Рукопись содержит короткие рассказы дидактического характера. Еще одна рукопись руническим письмом, найденная в Дуньхуане, содержит текст, записанный небрежно, наспех. По-видимому, это письмо, адресованное какому-то военному чиновнику.

Некоторое количество юридических документов, исполненных руническим письмом, обнаружено в Турфане. В собрании ЛО ИВАН они находятся в коллекции Ольденбурга [138].

12. Западноиранские и арабские тексты, найденные в Центральной Азии

Для Центральной Азии интересующего нас периода важны находки в Хара-хото персидских [139] и арабских рукописей [140]. Пока удалось определить содержание только одной персидской рукописи. Это — отрывки из книги «Путешествия Синдбада». Найденный отдельно от рукописей кожаный иран-

ский переплет, богато орнаментированный, также свидетельствует о распространении иранских книг в Хара-хото. Если учесть, что мусульманский квартал в Хара-хото с мечетью построен уже при монголах, упомянутые рукописи можно датировать приблизительно XIII в.

Некоторое количество недатированных мусульманских фрагментов находится в коллекциях Н. Ф. Петровского и С. Ф. Ольденбурга.

13. Индийское письмо

Одна из древнейших стран Востока, Индия, подарила миру целый ряд достижений своей высокой и своеобразной культуры. Индийская философия, индийская математика, индийская сталь, одна из самых интеллектуальных игр — шахматы — широко распространились за пределы полуострова Индостан.

Письмо протоиндийской цивилизации, конец которой падает на II тысячелетие до н. э., погибло вместе со своими носителями, не оставив каких-либо заметных следов в последующих веках. Затем следует длительный период, от которого не дошло никаких письменных текстов. Неизвестно, имели ли племена ариев, разрушившие во II тысячелетии до н. э. города протоиндийской цивилизации, свою собственную письменность. Но, во всяком случае, они контактировали с народами Западной и Восточной Азии, где письмо к тому времени уже существовало.

Первые письменные памятники после протоиндийских надписей — высеченные на скалах эдикты царя Ашоки, относящиеся к III в. н. э.

Из многочисленных индийских алфавитов в Центральной Азии получили распространение различные формы брахми и письма кхароштхи.

В VI—IV вв. до н. э. часть долины Инда была включена в состав одной из самых могущественных держав древнего мира — иранского государства, управляемого в то время царями из династии Ахеменидов. При дворе были в употреблении две системы письма. Надписи, содержавшие эдикты царей или прославлявшие их победы, по старой традиции, высекались на камне клинописью. Но в царские канцелярии, где требовалось простое, быстрое письмо, пробрался уже знакомый нам арамейский алфавит. Он-то, как считают ученые, и стал родоначальником обеих интересующих нас письменных систем.

Относительно происхождения письма брахми высказывались самые различные предположения. Считали, что оно произошло от не дошедшей до нас иероглифической письменности, от древнейшего фонетического алфавита, от ассирийской клинописи, от южноарабского алфавита, от арамейского письма. Последняя версия представляется наиболее вероятной [141].

Центральноазиатское брахми (гуптское письмо) имеет две разновидности — вертикальное и наклонное брахми. Наклонным центральноазиатским брахми пользовались тохары [142]. В отличие от индийского брахми в тохарском наклонном брахми есть особые знаки для обозначения звуков, свойственных тохарскому языку.

В Куче бытовало вертикальное брахми, или, по терминологии Дирингера, «округлый курсив гуптского письма» [143].

Особняком стоит индийское письмо хотано-сакских рукописей. Хотя его принято считать классическим центральноазиатским брахми, есть мнение, что по некоторым показателям оно ближе к письму кхароштхи [144]. Возможно, это письмо древнее тохарского и кучинского брахми и восходит ко II в. н. э. [145]

Тохаро-кучинское и хотано-сакское брахми были распространены в Центральной Азии с III—IV до X в. Отдельные памятники относятся к XIII—XIV вв.

Были попытки применить хотанское письмо к китайскому языку [146].

Первый известный науке памятник письмом брахми, найденный в Центральной Азии,— рукопись на бересте, купленная в 1889 г. в Шахъяре (Куча) английским лейтенантом Бауэром. Но то, что рукопись написана на коре березы, не растущей на северных склонах Гималаев, и, главное, не центральноазиатский, а скорее индийский характер почерка наводят на мысль, что рукопись вывезена из Индии [147].

Наибольшее количество рукописей, написанных центральноазиатскими разновидностями индийского письма, было доставлено в Россию Н. Ф. Петровским [148], Н. Н. Кротковым, С. Ф. Ольденбургом, М. М. Березовским. В нашей коллекции есть 297 рукописей на хотано-сакском языке, 14 фрагментов кучинских текстов. Встречаются также многочисленные приписки наклонным и вертикальным брахми в уйгурских рукописях [149]. Когда брахми использовался для написания тюркоязычных текстов, то вводились особые знаки для обозначения звуков, свойственных тюркским языкам [150].

В дуньхуанских пещерах экспедицией Пельо были обнаружены настенные надписи, выполненные брахми [151]. А на обороте китайской рукописи из Дуньхуана, хранящейся в ЛО

ИВАН, можно увидеть 6 строк текста, написанных центральноазиатским брахми [152].

В китайской части хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН есть два ксилографа, изданные не в Хара-хото, а в сунском Китае, представляющие собой санскритско-китайские дхарани. Санскритский текст написан вертикальным брахми [153]. В этой же коллекции на обороте одной из рукописей помещена круглая печать с легендой буквами брахми [154].

В 1961 г. при раскопках городища Занг-тепе (к северу от Термеза, Узбекская ССР) были обнаружены фрагменты рукописей на бересте, написанные центральноазиатским брахми. По мнению М. И. Воробьевой-Десятовской, рукопись была написана в Центральной Азии и привезена в Среднюю Азию [155].

Кхароштхи, как и брахми, произошел от арамейского алфавита, но по начертанию многих знаков ближе к арамейской скорописи. Направление письма — справа налево. Древнейшая надпись письмом кхароштхи — перевод эдикта Ашоки — найдена в Шахбазгархе, на границе Индии и Афганистана, и датируется 251 г. до н. э. Кроме памятников Гандхары и Таксилы (Афганистан и Северная Индия) надписи кхароштхи можно обнаружить на монетах греческих правителей Бактрии и индо-скифских монетах (от 175 г. до н. э. до I в. н. э.). В Центральной Азии ареал распространения кхароштхи — Ния, Хотан, Крорайна (в середине IV в. вышел из употребления).

Первая рукопись на бересте письмом кхароштхи в Центральной Азии была найдена в 1892 г. Дютрейль де Рёном и Гренаром в Хотане, в пещерах Кумари. В Нии обнаружено много записей письмом кхароштхи, относящихся к III—IV вв.

Первая находка санскритского ксилографа, написанного письмом кхароштхи, была сделана экспедицией Клеменца (1898 г.).

В Центральной Азии интересующего нас периода бытовали и другие разновидности индийских алфавитов. Так, на оттиске одной печати и в надписях на двух гравюрах, обнаруженных Л. Н. Меньшиковым в китайской части хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН, текст написан письмом шарада — вариантом брахми [156].

И в тангутской коллекции мы находим многочисленные тексты, записанные различными индийскими системами письма. Можно выделить несколько образцов центральноазиатского брахми [157], в частности фрагмент листа рукописи, на котором сохранилось неполное изображение магического кру-

та с текстом внутри него[158], и печати киноварью с текстом буддийской молитвы, написанным, по мнению Т. В. Грек, одной из редких разновидностей деванагари[159]. На иконе, изображающей Будду, наклеен ярлык, на котором письмом ланджа написана буддийская формула «Ом-мани-падмехум»[160]. Встречаются другие образцы письмом ланджа, например тексты ярлыков, наклеенных на внутренней стороне переплета или последней странице некоторых сутр[161]. Есть тексты ланджа в китайской части коллекции из Хара-хото: санскритско-китайские буддийские заклинания[162].

14. Тибетское письмо

Тибетский алфавит в его современной форме был создан на основе одного из индийских алфавитов (варианта брахми) в VII в. Он имеет связь с брахми, отличаясь от него рядом добавочных знаков и отсутствием знаков для индийских звонких придыхательных[163]. Традиция считает, что тибетское письмо создал Тхонми Самбхота в 639 г. Но Ю. Н. Рерих придерживался другой даты — 632 г., — упоминая, что до того времени Тибет знал пять систем письма, ни одна из которых до нас не дошла[164]. По мнению Хёрнле, тибетское письмо пришло из Хотана[165]. Я. Шмидт находил сходство с тибетскими письменами в знаках индийской надписи VII в. из пещеры в Будд-гайе[166].

За более чем тысячелетний период существования известный нам тибетский алфавит не претерпел существенных изменений[167].

По мнению Т. Ф. Картера, тибетский алфавит можно объединить в одну группу с квадратным монгольским письмом («пагба») и корейским алфавитом, основанным, как он считает, на индийском алфавите[168].

В тибетском письме, как и во всех письменных системах Центральной Азии, существует ряд почерков. Наряду с уставным мы можем видеть стилизованное письмо (для торжественных случаев) и многочисленные варианты курсива и скорописи.

Памятники тибетской эпиграфики встречаются во многих районах Центральной Азии. В Дуньхуане помимо значительного количества тибетских рукописей — в том числе хроник и исторических документов — обнаружены многочисленные надписи на стенах пещер [169]. На обороте многих китайских рукописей из дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН встречаются тибетские надписи и отдельные знаки [170]. Редкий случай представляют три санскритских слога в китайском тексте, записанных с помощью тибетских букв и снабженных иероглифической транскрипцией [171]. В Миране сотни тибетских документов на дереве и бумаге были найдены с фрагментами, написанными тюркским руническим письмом. Они относятся к VIII в. [172] В турфанском книгопечатании тибетский язык употреблялся наравне с уйгурским, китайским, санскритским и монгольским [173].

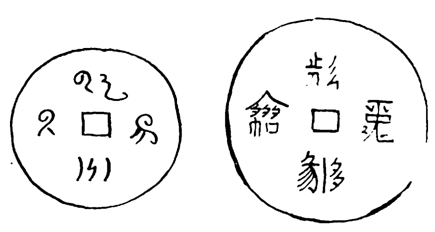
Фрагменты тибетских рукописей и ксилографов содержатся также в коллекциях Петровского, Кроткова, Кохановского. В Хара-хото найдены тибетские рукописи, на оборотных сторонах многих тангутских рукописей обнаружены тибетские тексты. Как на книгах, так и на иконах из Хара-хото встречаются наклейки с тибетскими надписями и надписи, сделанные прямо на книге или иконе [174].

Тангутские рукописи с тибетской транскрипцией слов, которыми пользовался Н. А. Невский при составлении тангутско-русского словаря, к несчастью, почти все утрачены. Судить о них можно по сохранившемуся фрагменту буддийского текста с тибетской транскрипцией тангутских знаков [175].

В рукописях центральноазиатской коллекции Рукописного отдела есть текст, данный тибетским курсивом на обороте уйгурской рукописи [176]. Тибетским письмом пользовались и монголоязычные народы. Значительная часть старой литературы монголов написана по-тибетски. В одной из ойратских рукописей монгольской коллекции ЛО ИВАН две последние страницы заняты тибето-монгольским смешанным текстом [177]. В наши дни в буддийских монгольских сочинениях также нередко встречаются параллельные тибетские тексты.

На одной из тибетских монет, изображенной в китайской иллюстрированной энциклопедии «Сань цай ту хуэй», легенда дана знаками, совершенно непохожими на современные тибетские [178]. Возможно, что перед нами одна из тех ныне утраченных письменных систем, о которых упоминает Ю. Н. Рерих. На другой монете, обозначенной в «Сань цай ту хуэй» как «монета со знаками брахми», мы видим знаки, похожие на иероглифические. Однако они не принадлежат ни к

одной из известных нам систем. В описании же сказано, что знаки эти непереводимы, но, по-видимому, являются тибетским письмом [179].

Тибетские монеты
с легендами неизвестным письмом

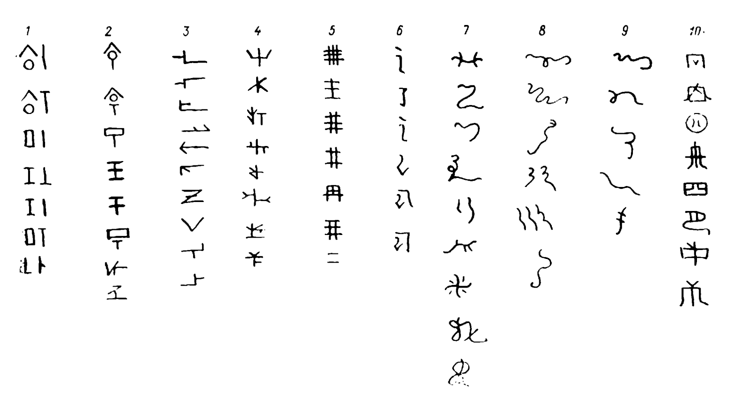
15. Редкие и неотождествленные системы письма

Итак, Центральная Азия дала нам картину употребления самых разнообразных систем письма, как иероглифических, так и алфавитных. Как уже говорилось выше, многие письменности — например, письменность сяньбийцев — как будто безвозвратно потеряны для науки. Но нет ли возможности отыскать утраченные или даже вообще до сих пор неизвестные системы письма где-нибудь в бескрайних просторах степей или далеко на восточной окраине Азии, как, например, индийские надписи в японских книгах или тибетские тексты в буддийских монастырях Кореи?

Среди письменных систем древней Японии есть разнообразные по форме письмена, которые японские авторы относили к легендарному «веку богов». Европейские ученые неоднократно высказывали сомнения в их подлинности, считая эти письмена позднейшей подделкой. Но у представителей традиционной японской науки подлинность знаков «века богов» никогда не вызывала сомнений.

Рассмотрим образцы этих письмен [180]. Некоторые из этих знаков напоминают корейский онмун, другие — знаки китайской скорописи «цао цзы», третьи трудно отождествить с какой-либо из известных форм письма.

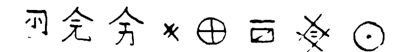
Нетрудно заметить в группах с седьмой по девятую влияние китайской скорописи. Первые три группы знаков близки к корейскому алфавиту. Об остальных знаках трудно сказать что-нибудь определенное, но не исключена возможность, что

Письмена «века богов»

они могли быть занесены с материка, как и многие элементы японской культуры.

В японской рукописи из собрания ЛО ИВАН, посвященной древностям, приведены три надписи с неизвестными знаками[181]. Первая надпись состоит отчасти из китайских иероглифов, отчасти из знаков китайской графики, но неизвестной письменной системы, отчасти из знаков, полностью не поддающихся отождествлению. Вторая надпись сделана знаками,

Образцы неизвестного письма
из японской рукописи
(ЛО ИВАН)

похожими на «головастиковые письмена» Древнего Китая. Третья надпись выполнена китайскими иероглифами, но в начале ее стоит непонятный знак.

Есть сведения, что в древнем государстве Бохай наряду с китайской бытовала своя система письма. О ней, в частности, рассказывается в известной новелле о том, как знаменитый танский поэт Ли Бо устрашил бохайских послов, написав правителю Бохая от имени китайского императора грозное письмо на бохайском языке. В новелле знаки бохайского письма описываются как письмена, напоминающие следы жи-

вотных и птиц, т. е. вроде древних китайских иероглифов, изобретенных Цан Се. Высшие чины Танской империи и даже сам император не смогли их прочесть без помощи Ли Бо, знавшего, согласно легенде, бохайское письмо. В целом бохайские письменные знаки охарактеризованы в новелле как «чужая письменность»[182]. Возможно, в Бохае и была самобытная система письма, до нас не дошедшая. Государство Бохай имело выход к морю, и можно предположить, что надписи бохайским письмом оказались в Японии. Китайское влияние могло обусловить иероглифический характер или хотя бы китайскую графику бохайской письменности. На это как раз и указывает новелла о Ли Бо. Вот почему вполне вероятно, что неизвестные знаки в японской рукописи о древностях могли быть именно бохайскими.

Много знаков, с трудом поддающихся идентификации, обнаружено в тангутской коллекции ЛО ИВАН. Они напоминают уйгурские[183] и сирийские буквы[184], в некоторых случаях — центральноазиатские разновидности индийского письма[185], остальные пока невозможно сравнить с какой-либо известной системой письма[186].

Есть такого рода знаки и в китайской части хара-хотинской коллекции, так, на двух гравюрах помещены (на тронах божеств) неопределенные начертания индийско-тибетской графики, похожие на ланджа[187].

16. Квадратные письмена

Каждый, интересующийся культурой Востока, без труда отличит китайскую надпись от индийской, индийскую от уйгурской, уйгурскую от сирийской. После ознакомления с многочисленными и разнообразными системами письма, бывшими в употреблении в странах Центральной Азии, читатель разберется и в особенностях их графики.

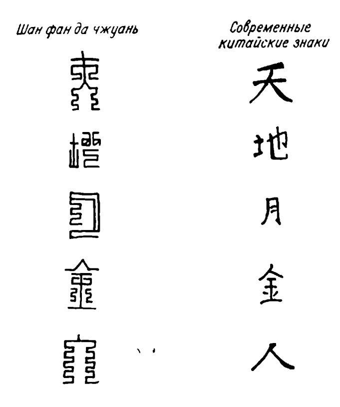
Но вот какие-то странные, декоративные, на первый взгляд совершенно непонятные письмена! Их роднит между собой квадратная форма знаков; однако это не письмо какого-то одного народа. И в уйгурских, и в китайских, и в тибетских, и в тангутских текстах встречаются знаки и целые фразы, написанные этим необычным по графике письмом. При очень внимательном рассмотрении в замысловатых квадратных изломах начинают вырисовываться знакомые очертания китайских, тангутских, уйгурских знаков. Значит, это не отдельная письменность, а особый почерк. Им исполнены почти исключительно торжественные надписи или легенды печатей. Это напоминает хорошо знакомую нам замыслова-

тую славянскую вязь — в торжественных надписях, выполненных ею, подчас с большим трудом можно узнать буквы кириллицы. Но почему такое сходство в торжественных почерках различных письменных систем? Имеет ли здесь место случайное совпадение или взаимное влияние? Этот вопрос нам и предстоит разрешить.

а) Иероглифические системы квадратного письма

В Китае квадратная графика иероглифов известна с весьма отдаленного времени. Надписи на бронзовых сосудах, относящихся к концу II — началу I тысячелетия до н. э., были сделаны знаками, форма которых приближалась к квадрату. Образовавшиеся из них позднее почерки «да чжуань» и «сяо чжуань» имели уже определенно квадратные очертания знаков. Особая разновидность почерка «да чжуань», которая называлась «шан фан да чжуань» и употреблялась главным образом на печатях (а в Корее до недавнего времени в надписях на металлических изделиях), обладала ярко выраженной квадратной графикой [188].

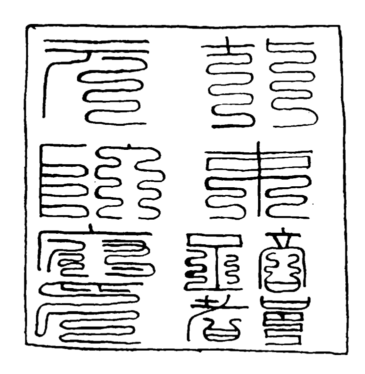
По данным старинной китайской эпиграфики можно проследить постепенное превращение архаических знаков в раз-

Китайские знаки почерком «шан фан да чжуань» и в современном написании (ЛО ИВАН)

новидности письма «чжуань» и их связь с современным китайским письмом.

На печатях почерк «чжуань» постепенно принял форму, называемую в литературе «девятислойный чжуань», поскольку все элементы каждого иероглифа располагались таким образом, что образовывали девять (или больше) слоев. При этом иероглифы сильно видоизменялись: все черты соединялись округлыми или прямоугольными переходами, линии получались тонкими или толстыми, изогнутыми или прямыми, непрерывными или разорванными. В качестве примера можно назвать чжурчжэньские печати с китайским текстом, описанные М. В. Воробьевым[189]. Эти печати датируются XI — первой четвертью XIII в.

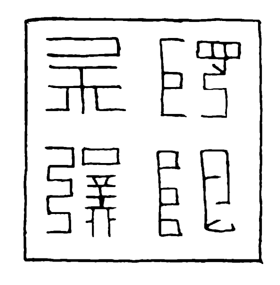

Легенда на печати,
выполненная почерком
«девятислойный чжуань»

В тангутской коллекции ЛО ИВАН хранится ксилографическое издание словарей «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории», напечатанных на обороте документов китайского пограничного поста. В документах много печатей, текст которых в большинстве случаев дан «девятислойным чжуанем». Образцы китайских печатей, легенды на которых написаны стилизованными китайскими иероглифами, а также печати с «девятислойным чжуанем» на монгольских документах XIII и XIV вв., написанных уйгурским письмом, приводятся в книге Т. Ф. Картера[190].

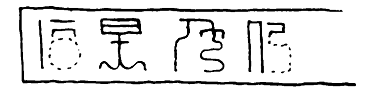
О популярности «чжуаня» в древних государствах Центральной Азии говорят многочисленные находки[191]. Интерес-

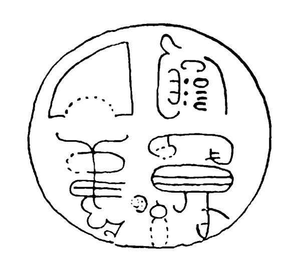
на печать, найденная А. Стейном в Нии. Почерк, которым написана ее легенда, несомненно, «чжуань», но графика отличается некоторыми особенностями (местный вариант?).

Печать, найденная
А. Стейном в Нии

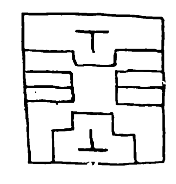
В коллекциях ЛО ИВАН на некоторых уйгурских документах VIII—XI вв. встречаются печати, знаками похожими на почерк «чжуань». На манихейских документах из коллекции Н. Н. Кроткова есть печати, знаки которых, так же как и на печати, найденной А. Стейном, представляют собой, по-видимому, местные формы «чжуаня»[192].

Местные формы почерка «чжуань»
на печатях
в манихейских документах
из коллекции Н. Н. Кроткова
(ЛО ИВАН)

Имитация стиля «чжуань» на печати в рукописи из Нии

Стиль «чжуань» отразился и в таком явлении, как орнамент, имитирующий его. Обычно это рисунки типа меандра или свастики или попытки передать очертание надписи, сделанной «чжуанем» [193].

По-видимому, это один из немногих примеров действительной имитации письма. Во всех остальных случаях, когда европейские исследователи начала века говорят об «имитации китайских иероглифов», мы имеем дело не с бессмысленным подражанием, а либо с одной из орнаментальных форм китайского письма, либо с неизвестными письменами.

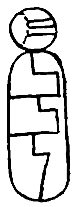
Образец имитации «чжуаня» мы видим на печати двух уйгурских документов коллекции Кроткова [194].

В одной из дуньхуанских рукописей имеется квадратная печать черной тушью. Вместо текста на ней помещен орнамент, не имеющий даже отдаленного сходства с письменными знаками: квадрат разделен по диагонали пересекающимися линиями на четыре треугольника, в каждый из которых вписан кружок [195].

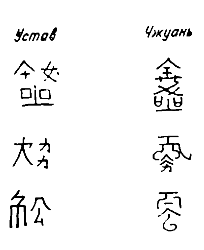
Вариантом китайского квадратного почерка можно считать текст надписи к фреске, изображающей кошку: иероглифы резко стилизованы, с неожиданными утолщениями внизу, напоминающими тибето-монгольский почерк «сойомбо» (см. ниже). Графика их определенно квадратная [196].

В киданьском иероглифическом письме также зафиксирован, помимо уставного почерка, почерк «чжуань». Его образцы хранятся среди эстампажей, собранных в 1933 г. Ван Цзинчжу [197].

Тангуты, создавшие свое иероглифическое письмо после киданьского, также имели несколько разновидностей квадратного почерка. В словаре Н. А. Невского зафиксирован даже специальный тангутский термин, обозначающий почерк «чжуань» [198]. Но тут более заметно китайское влияние, чем киданьское.

Печать на уйгурских документах из коллекции Н. Н. Кроткова

Киданьские иероглифы, написанные уставным почерком и почерком «чжуань»

На знаменитой стеле в городе Лянчжоу (который некогда входил в государство Си Ся) с древней памятной надписью есть строка, написанная тангутским почерком в стиле «чжуань», знаки которого легко отождествляются с уставным написанием.

Чжуань

Устав

Тангутская надпись на Лянчжоуской стеле и уставное написание этих знаков

Как мы видим, тангутский «чжуань» строится по тем же графическим принципам, что и китайский.

Особый случай, опять-таки имеющий аналогию в китайском письме, представляет оттиск большого деревянного штампа на расклеенной обложке одной из тангутских рукописей[199]. Здесь стилизованные квадратные начертания сочетаются с элементами уставного почерка.

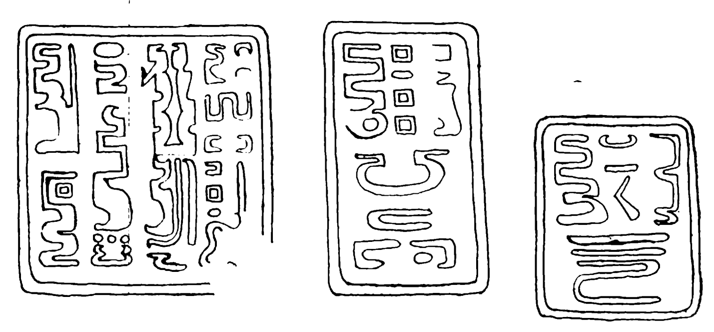
В тангутских документах, хранящихся в ЛО ИВАН, отмечены многочисленные оттиски печатей[200]. Сильная стилизация знаков на них не дает пока возможности прочитать легенду, но несомненно, что перед нами явление, аналогичное китайскому стилю «девятислойный чжуань».

Большое количество тангутских печатей воспроизводит в своей книге Ло Фучан[201].

Тангутский материал представляет нам особенно широко специальные личные знаки, которые в литературе услов-

Стилизованное письмо | *Устав* | *Стилизованное письмо* | *Устав* | *Стилизованное письмо* | *Устав*

Тангутские стилизованные
и соответствующие им уставные знаки

Тангутские печати с легендами стилизованным письмом
(т. ф., инв. № 4790)

но называют «тамга»[202]. Графика этих знаков в подавляющем большинстве близка к квадратной. Обычная тюрко-монгольская «тамга», напротив, представляет собой упрощенный рисунок — знак рода или религиозный символ.

Ниже приводится список «тамг», обнаруженных в рукописях тангутской коллекции ЛО ИВАН (в данном объеме он публикуется впервые). Знаки расположены по графической системе, близкой к общепринятой и основанной на преобладании в группе знаков определенной доминирующей графемы (она вынесена в начало каждой группы). Всего таких групп знаков 18. Последняя группа выделена на основании сходства с уставным китайским письмом.

Таблица 2. Список тангутских «тамг»

Разряд	Доминирующая графема	Тамга	Рукопись
1			инв.№5820, л.3, стк.11
2			инв.№4790 б
			инв.№6377, л.2, стк.1, л.7, стк.2, л.9, стк.16
			инв.№6377, л.3
			инв.№4790
			инв.№6377
			инв.№5820, л.3, стк.8; инв.№6367, л.1, стк.1
			инв.№6377, л.4, стк.2
			инв.№6377, л.4, стк.4
			инв.№6377, л.4, стк.6
			инв.№5820, л.1, стк.1
			инв.№6377, л.10, стк.3
			инв.№6377, л.4, стк.2
			инв.№5820, л.3, стк.1
			инв.№6377, л.1, картуш 1
			инв.№6377, л.1, картуш 1
			инв.№6377, л.4, стк.3
3			инв.№6377, л.10, стк.1
			инв.№4727б, л.4
			инв.№6377, л.1, картуш 2
4			инв.№4727б, л.3

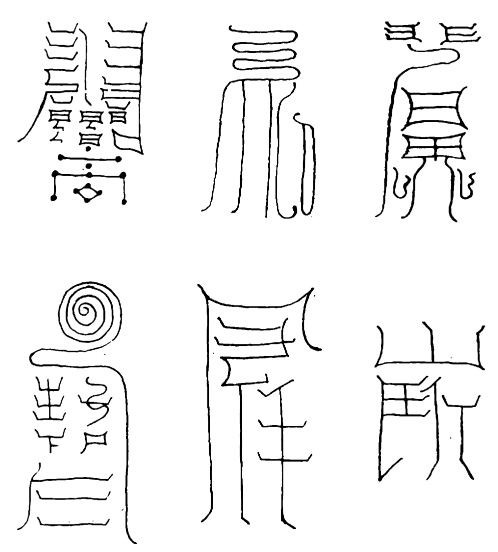
Разряд	Доминирующая графема	Тамга	Рукопись
			инв. № 6377, л. 10, стк. 4
			инв. № 6377, л. 7
			инв. № 6377, л. 9, стк. 3
			инв. № 4926
			инв. № 6377, л. 4, стк. 1
5	丕		инв. № 6377, л. 14, стк. 5
			инв. № 4727, л. 1
			инв. № 6377, л. 4, стк. 3
			инв. № 4597, стк. 9
6	丆3		инв. № 3706
			инв. № 6377, л. 7, стк. 2
7	●		инв. № 4791
8	王		инв. № 6377, л. 19
9	コ, ユ, ヨ		инв. № 4727б, л. 4
			инв. № 4727б, л. 4
			инв. № 4597, стк. 10
			инв. № 3706

Разряд	Доминирующая графема	Тамга	Рукопись
			инв. N 6377, л. 1, картуш 2
			инв. N 6377, л. 2, стк. 3
			инв. N 6377, л. 10, стк. 2
			инв. N 6377, л. 1, картуш 1
			инв. N 4597, стк. 14
10	土, 土		инв. N 6377, л. 12
			инв. N 6377, л. 13
11	戊		инв. N 6377, л. 27
12	7, 3		инв N 6377, л 9, стк. 12
			инв N 4597, стк 16
			инв. N 4790 б
			инв. N 4791
			инв. N 6377, л. 7, картуш 2

Разряд	Доминирующая графема	Тамга	Рукопись
13			инв. № 6377, л. 1, картуш 1, 3
			инв. № 4597, стк. 12
14			инв. № 4597, стк. 15
			инв. № 3706
			инв. № 6377, л. 9, стк. 18
15			инв. № 4597, стк. 13
			инв. № 6377, л. 17
			инв. № 6377, л. 1, картуш 1
			инв. № 6377, л. 2, стк. 2
16			инв. № 6377, л. 9, стк. 18
			инв. № 6377, л. 24, стк. 3
17			инв. № 4727 б, л. 4
			инв. № 4727, л. 2
18			инв. № 6337, л. 15, стк. 5

Особо следует сказать о китайских магических иероглифах и знаках, связанных с символами «И цзина» («Книги перемен») и числовой мистикой. И те и другие имеют квадратную графику.

Магические знаки часто фигурируют в даосских сочинениях. Едва ли не впервые они появляются в даосском трактате «Баопу-цзы». Там приводится 18 начертаний. Вот некоторые из них:

Китайские магические иероглифы
в даосском трактате «Баопу-цзы»

Множество такого же типа магических иероглифов встречается в других книгах, а также на амулетах.

Во многих произведениях даосского канона таких знаков насчитываются сотни. Принципы построения магических иероглифов раскрыл академик В. М. Алексеев[203]. В их состав входят и элементы обычных иероглифов, и планетные символы, и даже в некоторых случаях триграммы «И цзина». В подавляющем большинстве все эти элементы объединены в конструкцию, линии которой почти всегда выдержаны в строго квадратной графике.

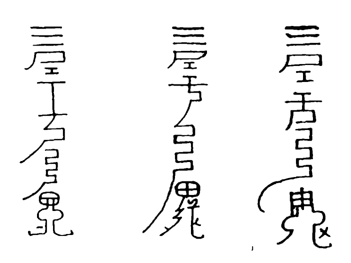

Магические иероглифы на амулетах

О том, что в Центральной Азии были известны китайские магические иероглифы, свидетельствует, на наш взгляд, обнаруженный в Хара-хото знак, трижды с незначительными разнописями повторяющийся в рукописных списках одной и той же сутры [204].

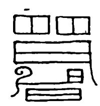
Поскольку в данном знаке присутствуют китайские иероглифы *ху* («труп») и *гуй* («дух»), можно предположить, что формула как-то связана с содержанием сутры, в которой речь идет о болезни.

Возможно, ту же самую формулу мы видим на обороте первой стороны кожаного переплета тангутских «Фонетических таблиц» [205]. Формула повторена дважды, с незначительными изменениями. Рядом — несколько недописанных знаков, по-видимому, попытки написать ту же формулу.

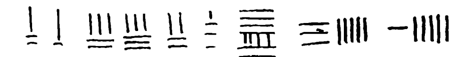
Три начертания
магической формулы
в тангутских рукописях

Очень напоминает китайский магический иероглиф один из знаков, обозначенных Д. Кара как «тамга» — личный знак, не имеющий прямого отношения к письменности [206].

«Тамга»,
напоминающая
китайский
магический
иероглиф

Знаки числовой магии, часто связанные с триграммами «И цзина» или с особой китайской числовой системой, описанной Г. фон дер Габеленцем [207], неоднократно встречаются и в дуньхуанской, и в тангутской коллекции ЛО ИВАН. Здесь мы видим и обычные триграммы, и сложные начертания, сопровождаемые иероглифическими комментариями.

Образцы числовых гадательных знаков
из китайских и тангутских рукописей
(1546, Дх-946; 2875, Дх-2893;
т. ф., инв. № 4696)

Триграммы «И цзина», согласно китайской традиции, считаются одной из древнейших систем письма, и этим оправдано их включение в главу о письменности. Графика данных знаков, как мы видим, также приближается к квадратной.

Гадательные знаки, имеющие отношение к мистике чисел, и сами числа, записанные по особой китайской системе, не-

редко встречаются в тангутских рукописях. Интересны, например, знаки:

необычный порядок и количество числовых обозначений в которых определенно указывает на какие-то особые функции[208].

б) Монгольское квадратное письмо

В XIII—XIV вв. монголы овладели огромной территорией в Европе и Азии. Хотя впоследствии империя монголов начинает распадаться на ряд отдельных владений, долгое время их объединяет идея принадлежности к единой империи. Фактически независимые ханы ездили в «Синюю орду» со столицей в Каракоруме, чтобы получить пайцзу — пластинку, утверждающую право на власть. Естественно, что такое колоссальное государственное объединение не могло обойтись без системы письменности, которая была бы удобной и понятной для всех его подданных.

Монгольский квадратный алфавит «пагба», по преданию, своим происхождением обязан Пагба-ламе Лодой Джалцану (1234—1279).

Пагба-лама, представитель тибетской буддийской секты сакья, был приглашен в Ханбалык (Пекин) Хубилай-ханом. Он получил звание «государственного наставника» и яшмовую печать[209]. В 1260 г. Хубилай поручил ему составить новое письмо, которое могло бы быть пригодным для любого языка многонациональной Монгольской империи.

В 1260 г. работа была закончена и новый алфавит «пагба», названный так по имени своего создателя, был утвержден императорским указом. В эдикте о введении письма прямо сказано, что поскольку династии Ляо и Цзинь имели свою письменность, то следует иметь таковую и династии Юань[210].

В новом монгольском письме были использованы все буквы тибетского алфавита с добавлением недостающих букв для звуков, характерных для монгольского языка, из деванагари и ланджа[211]. Существенное отличие «пагба» от тибетского алфавита — его квадратная графика. Вопрос о происхождении квадратной графики «пагба» рассматривается по-разному. Не исключено, что на нее влияли одновременно и графика индийских квадратных письмен, и китайский почерк «чжуань»[212].

Квадратное письмо продержалось в Монгольской империи как основная система письменности около 80 лет. Последний памятник, написанный им, относится к 1351 г.

До нас дошли памятники эпиграфики — в основном эдикты на стелах, пайцзы, печати, надписи на ассигнациях, монеты — письмом «пагба» на монгольском, тибетском, санскритском, китайском и тюркских языках[213]. При помощи добавочных букв и буквосочетаний звуки китайского языка передавались довольно точно, без указаний тонов[214]. По мнению Б. Я. Владимирцова, эту систему письменности можно назвать международным алфавитом[215].

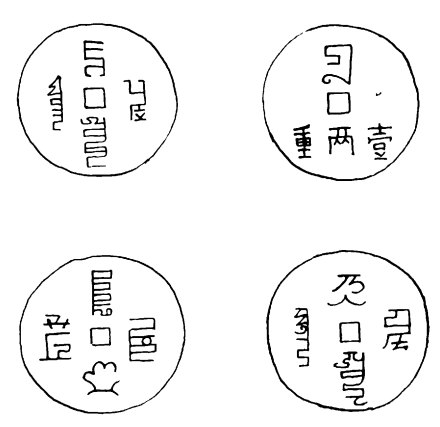
Письмо Пагба-ламы, будучи письмом стилизованным, дало, в свою очередь, несколько различных по графике почерков. Можно отметить почти курсивную форму «пагба», с мягкими, закругленными линиями, удобными для быстрого написания[216], форму с более строгой квадратной графикой, употреблявшуюся для надписей на монетах, текстов эдиктов и книжного текста (для нее вполне подошло бы название «уставное пагба»), а также подчеркнуто квадратную, предельно орнаментальную форму, чрезвычайно близкую к квадратным разновидностям китайского почерка «чжуань». Последний вид «пагба» обычно употреблялся для легенд на печатях[217]. В Тибете существовали специальные руководства для чтений орнаментальной формы «пагба».

В японском нумизматическом трактате, хранящемся в фонде ЛО ИВАН, есть изображения монет эпохи юаньских императоров Хубилая (1280—1295) и Шунь-ди (1333—1368). Легенда первой монеты написана сплошь письмом «пагба». На второй монете изображены три китайских иероглифа и одно слово письмом «пагба». Еще две юаньские монеты с легендой письмом «пагба» приведены в другой японской книге, относящейся к 1728 г.

На некоторых ассигнациях юаньского времени, найденных в Хара-хото, есть печати с текстом «пагба» и надписи «пагба» в картушах[218].

Интересна четырехъязычная легенда одной из центральноазиатских монет — по-китайски, по-монгольски письмом «пагба», на тангутском и персидском языках[219].

В Восточном Туркестане были найдены один за другим несколько фрагментов ксилографического издания «Субхашиты» — сочинения Сакья-пандиты в монгольском переводе Сономгары. Фрагменты эти подробно описаны финским ученым Пеннти Аалто и венгерским востоковедом Лигети[220]. Весь текст, за исключением пагинации китайскими цифрами и сокращенного названия на «байкоу», напечатан «пагба».

Юаньские монеты (яп. ф., В-85, В-88)

Пока это — единственное свидетельство монгольского книгопечатания квадратным письмом. По мнению Д. Кара, должны были существовать буддийские сочинения, словари, учебники и переводы китайских классиков, написанные «пагба»[221].

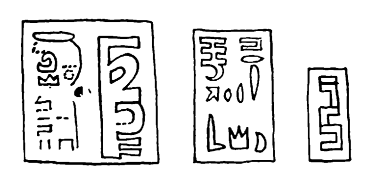
Монгольское квадратное письмо сохранилось до наших дней на родине своего создателя, в Тибете, где оно употребляется наряду с тибетским письмом. Тибетцы называют его «хор иг» — «монгольское письмо». Помимо печатей и заглавий книг письмом «пагба» на границах Амдо и Алашаня попадаются ксилографы, текст которых выполнен «пагба»[222]. Известно об употреблении «пагба» в Бутане[223].

Другое монгольское письмо, также квадратной графики, «сойомбо», некоторые авторы, например С. Ч. Дас, считали алфавитом индийского государства Магадха, попавшим в Тибет в XI в. Однако, по данным монгольских хроник и тибетоязычному трактату Агван-цорджи, подлинным его изобретателем является первый ургинский хутухта Дзанбазар (Ундур-геген), который в 1686 г. разработал сразу два вида этого алфавита — вертикальный и горизонтальный (строки пишутся слева направо). Образцы горизонтального письма имеются в монгольской коллекции ЛО ИВАН[224]. Горизонтальный квадратный алфавит Дзанбазара представляет собой видоизменение одной из форм тибетского курсива, типа «умэд»[225].

в) Уйгурское квадратное письмо

Как уже говорилось выше, на уйгурских документах VIII—XI вв. встречаются печати, легенды которых имитируют стиль иероглифического письма «чжуань». Однако, по мнению Д. Кара, и в уйгурском письме есть орнаментальные формы.

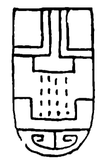
В материалах коллекции ЛО ИВАН встречаются уйгурские печати, письмо которых напоминает знаки квадратной графики, не являющиеся иероглифическими[226].

Уйгурские печати

Если третья из воспроизведенных печатей еще может быть воспринята как орнамент, то на двух других мы имеем дело с письменностью. Графическая близость знаков первой печати к «пагба», их вертикальное расположение, принятое в обычном уйгурском письме, и сходство со знаками второй печати говорят о том, что перед нами — особая разновидность квадратного уйгурского почерка.

Особый интерес представляет еще одна печать — на документе об усыновлении[227].

Печать на уйгурской рукописи VIII—XI вв. (ЛО ИВАН)

Если вспомнить о стилях «девятислойный чжуань» и «шан фан да чжуань», невольно возникает мысль о том, что и здесь не орнамент, а надпись. Если перед нами действительно надпись, то налицо образец уйгурского орнаментального письма, аналогичный «девятислойному чжуаню». К сожалению, из-за сильной стилизации расшифровка легенды печа-

Образец почерка из уйгурской рукописи

ти затруднительна. В уйгурских рукописях встречаются также разновидности почерка, графика которого может считаться близкой к квадратной. Особенно явственно этот почерк представлен в рукописи из собрания Н. Н. Кроткова[228].

Уйгуро-монгольские буквы, введенные Тататонгой, могут быть расположены в круге (на печатях) и стилизованы в виде волнистых линий растительного орнамента[229]. По аналогии можно предположить, что круглые и многоугольные печати — «тамги» с волнистым орнаментом, обнаруженные в различных районах Восточного Туркестана,— также содержат текст, записанный стилизованными уйгурскими, индийскими и тибетскими буквами.

г) Маньчжурское квадратное письмо

Первый печатный маньчжурский памятник, выполненный квадратным почерком,— поэма о Мукдене, написанная цинским императором Цянь-луном[230]. Всего же известно 32 стилизованных почерка маньчжурского письма. По данным источников, все орнаментальные почерки маньчжурского письма были созданы искусственно в 1748 г. специальной коллегией. Но по мнению Д. Кара, квадратное маньчжурское письмо — одно из первых квадратных начертаний уйгуро-монгольских букв, такие формы были еще в ранних уйгурских печатях, найденных в Восточном Туркестане[231]. Данные предыдущего раздела подтверждают это.

Квадратное письмо	Уставное письмо	Квадратное письмо	Уставное письмо

Образцы маньчжурского квадратного и уставного письма

Заказ № 41

д) Индийское квадратное письмо

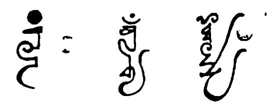
Одна из старых форм собственно индийского брахми имеет определенно квадратную графику[232].

Образцы индийского квадратного письма

Некоторое сходство с «пагба» имеют знаки древних надписей из Непала[233]. В китайско-санскритском словаре буддийских терминов, хранящемся в японской коллекции ЛО ИВАН, есть образцы шрифта, близкого к непальскому[234].

Образцы письма, близкого к непальскому, из китайско-санскритского словаря буддийских терминов

В другом японском сочинении, «Письмена в стиле Ситхаммажа», изображены своеобразные монограммы[235].

Монограммы индийским квадратным письмом

Эти знаки, по мнению Л. Н. Меньшикова, представляют собой поздние образцы, созданные под влиянием «пагба» и тибетских монограмм религиозного характера (например, монограмма «Ом-мани-падме-хум»).

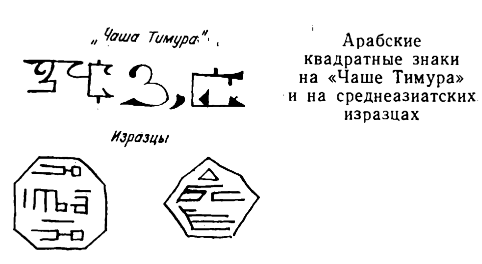
Похожие знаки, сделанные квадратным вариантом письма ланджа, встречаются на «гау» — тибетских и монгольских буддийских амулетах[236].

е) Арабское квадратное письмо

Все, сказанное выше, касается письмен, встречающихся в Центральной Азии или связанных с центральноазиатскими системами письма. Однако на Ближнем Востоке и в мусульманских странах Средней Азии мы снова сталкиваемся с уже знакомой нам квадратной графикой.

На монетах и особенно на печатях и изразцах в странах мусульманского Востока можно видеть знаки квадратного начертания. Генетически они берут начало от письма куфи.

Но многие разновидности куфи графически далеко отошли от классической формы и представляют крайнюю степень стилизации с явным тяготением к законченной квадратной форме, что сближает их со знаками, рассмотренными в предыдущих разделах. Такую форму знаков мы встречаем на знаменитой «Чаше Тимура», на среднеазиатских изразцах.

Арабские квадратные знаки на «Чаше Тимура» и на среднеазиатских изразцах

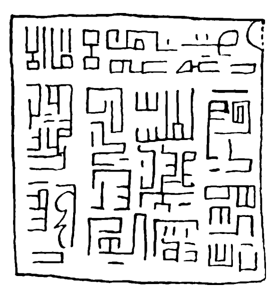
В книге Набии Аббот дана таблица, показывающая родство квадратных арабских знаков со многими семитскими алфавитами, в частности с еврейским квадратным письмом[237].

Еврейское квадратное письмо	I - III вв.	IV в.	VI в.	VII-VIII вв.	На камнях и монетах	Современное арабское письмо
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]		[illegible]		[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Таблица 3. Еврейские и арабские квадратные знаки

На печатях турецких фирманов, хранящихся в ЛО ИВАН, можно увидеть знаки такого же характера, как и на «Чаше Тимура», но еще более похожие по форме на знаки «пагба» и квадратного «чжуаня» [238].

Внешнее сходство знаков этих печатей с тибетскими и китайскими порой очень большое.

Печать на турецком фирмане

Мы рассмотрели квадратные письмена, встречающиеся в различных памятниках письменности и эпиграфики разных народов. Подведем итоги.

Квадратная графика, применявшаяся в странах Востока как особая, торжественная форма письма, возникла, очевидно, в Китае. В Центральной Азии она появилась под влиянием и китайского, и индийского квадратного письма. Мусульманское квадратное письмо, возможно, также претерпело влияние письменных систем Центральной Азии.

Характерно, что именно в Средней Азии и Турции, т. е. среди тюркоязычных народов, связанных с Центральной Азией, арабское стилизованное письмо приобретает особенно ярко выраженное квадратное начертание. Возможно, специальные исследования помогут точно установить, насколько арабское квадратное письмо связано с центральноазиатским.

Глава третья

ВЕЛИКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Мать! Гутенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах.*

Марина Цветаева.
Читатели газет

1. Что было вначале

Почти все, что можно сказать о рукописной книге, сказано в предыдущих главах. Техника ее изготовления со временем развивалась и совершенствовалась, но параллельно с развитием книжного дела наблюдался постоянный рост потребности в письменном слове, и эта потребность все время обгоняла технические возможности.

Первые попытки быстрого и удобного размножения текста, отличные от обычного переписывания, восходят, как это ни странно, также к временам весьма отдаленным. При раскопках дворца в одном из крупнейших центров крито-микенской культуры, городе Фесте, была найдена круглая глиняная табличка размером приблизительно с ладонь взрослого человека. В науке она получила название Фестского диска. На обеих сторонах диска расположен текст, состоящий из рисуночных знаков. Знаки оттиснуты на глине с помощью штампов, по мнению Г. Ноймана, деревянных[1]. Само качество отпечатков говорит о достаточно высоком уровне техники. Позднейшие раскопки обнаружили более примитивные начертания тех же знаков, что и на диске, связь которых с хорошо известным науке критским иероглифическим письмом пока установить трудно.

Это своеобразное «печатание на глине» не могло не вызвать удивление современных исследователей. Многочисленные попытки расшифровать текст Фестского диска давали порой совершенно ошеломляющие результаты, вплоть до прочтения в нем повести о стране, гибнущей в океане,— обычный намек на легенду об Атлантиде, столь любезную всем писателям-фантастам и читателям-фантазерам. Пока исследователи не пришли к единому мнению. Можно почти с уверенностью сказать лишь следующее: диск изготовлен, по мнению

некоторых авторов, из глины, не встречающейся на Крите, т. е. завезен на остров откуда-то извне, и это свидетельствует о том, что в каком-то районе древнего мира, связанном со Средиземноморьем, был известен способ воспроизведения текстов с помощью штампов-литер. Качество воспроизведения надписи на Фестском диске достаточно высокое, следовательно, можно предположить, что этот способ размножения текста давно и широко практиковался. Но ни центр, откуда распространялся этот способ, ни другие памятники «печатания на глине» нам неизвестны. Фестский диск — в полном смысле слова уникальная находка.

Здесь мы имеем ту же картину, что и в истории происхождения письменности. Некогда, в седой древности, рисуночные письмена упростились до абстрактных начертаний, потом это было забыто, и произошло вторичное упрощение вновь возникшего иероглифического письма. То же можно сказать и о «печатании на глине».

Воспроизведение изображений и небольших текстов с помощью обычных печатей, а не набора штампов было широко распространено по всему древнему миру. Впоследствии именно техника использования печатей легла в основу изобретения книгопечатания на Востоке.

О способах, которыми стремились удовлетворить растущую потребность в письменном слове, рассказывают сами древние рукописи. Во многих из них мы находим так называемые колофоны — т. е. записи, содержащие указания на время и место написания рукописей, имена автора, редактора, переписчика и других лиц, имеющих отношение к созданию данной рукописи. Колофоны, а также послесловия и предисловия содержат иногда целую историю создания данной книги. Вот что мы можем узнать из них о размножении рукописных текстов до изобретения книгопечатания.

В те времена типографии заменяли артели переписчиков, или учреждения-скриптории. Рассмотрение колофонов буддийских свитков из дуньхуанского скриптория начала VI в. позволяет полагать, что этот скрипторий находился в буддийском монастыре Фахай в Дуньхуане. Но уже в тот период существовал ряд других крупных скрипториев — рукописи, написанные в них, найдены в Дуньхуане. С деятельностью монастырских скрипториев в Гуачжоу (рядом с Дуньхуаном) было, по-видимому, связано появление буддийских рукописей, изготовленных на пожертвования Юань Тайкуна, правителя Гуачжоу. Имеются фрагменты книг, переписанных в монастыре Фэнлэ и Цзинчжоуском монастыре Чжулинь. Есть также рукописи из скрипториев столичных монастырей Гуандэ, Чэнмин, Юннин, Дацзюэ и Байма [2].

В VII—VIII вв. подавляющая часть книг, найденных в Дуньхуане, оказывается переписанной не в самом Дуньхуане, а в столицах империй Суй и Тан — Дасине и Чанъани. Среди книг есть рукописи и из других культурных центров Китая и даже из некитайских районов, например три книги из монастырского скриптория в Гаочане[3].

В 80-х годах VIII — 40-х годах IX в. Западный Китай находится под властью Тибета. В это время Дуньхуан превращается в крупный центр переписки книг. Большинство книг тибетского периода, найденных в Дуньхуане, были созданы в скрипториях местных монастырей — Баоэнь, Линту, Лунсин, Цзиньгуанмин, Цяньюань, Юншоу, Юнкан, Кайюань. Книги из других районов Китая, вошедших в тибетское государство, в это время крайне редки. Можно назвать рукописи, переписанные в Ганьчжоу и Лянчжоу[4].

Работа в монастырских скрипториях Дуньхуана технически была обставлена так же, как и работа античных и средневековых скрипториев Европы,— оригинал переписывался несколькими писцами во многих экземплярах, которые потом сверялись специальными корректорами-сверщиками. Бумага выдавалась переписчикам по счету, и за ее порчу полагался штраф[5]. До нас дошел текст указа от 634 г. о размножении сутры: «Пусть ответственные за это чиновники дадут бумагу, кисти и тушь»[6].

По колофонам дуньхуанских рукописей зафиксировано не менее 800 имен лиц, связанных с работой скрипториев,— переписчиков, редакторов, сверщиков, правщиков текста. В рукописных книгах тангутской коллекции ЛО ИВАН также встречаются имена лиц, связанных с книжным делом. В основном это монахи[7]. Специальных указаний на скриптории нет, но в титулах монахов-переводчиков упоминаются три центра перевода и распространения буддийской литературы — Ланьшань, Дингуаншань и Юйюньшань. Согласно сведениям, дошедшим до нас в китайских источниках о тангутах, это, по-видимому, крупные монастыри в окрестностях тангутской столицы. Одним из наиболее известных тангутских переводчиков буддийской литературы был ланьшаньский шрамана Дэ-хуэй.

По представлениям буддистов, изготовление священных изображений и размножение священных текстов оказывает благое влияние на судьбу того, кто делает это. За это прощаются даже тяжелые грехи. Переписка религиозного текста считалась благочестивым делом, и переписчик или человек, по чьему заказу переписывалась книга, желали, чтобы благое влияние, происходившее от доброго дела, распространялось на родных и друзей. В предисловии, послесловии или в ко-

лофоне, где помещались все данные о написании книги, переписчик или заказчик нередко приводили имена и титулы людей, которым они желали добра. Благодаря такому обычаю колофоны рукописей для исследователя наших дней являются важным подспорьем при изучении имен и титулов, культуры и истории. Этот обычай, как мы увидим ниже, сохранился и в печатных книгах.

Основные формы книжного блока, выработанные в процессе развития рукописной книги,— свиток, «гармоника», книга-лист, тетрадь, «потхи» — перешли и к печатной книге. Форма тетради претерпела некоторые изменения в связи с техникой ксилографического печатания.

В дуньхуанских рукописях встречаются печати и пометки монастырских библиотек. В тангутских рукописях есть печати заказчиков и владельцев.

Однако рукописная книга, являясь во многих отношениях образцом для будущей печатной книги, не могла ее заменить. Организация скрипториев, где рукописи размножались во многих экземплярах, не полностью удовлетворяла растущую потребность людей в книге. Мир стоял на пороге великого изобретения.

2. Накануне нового шага

О первой в истории человечества попытке размножения текста с помощью печатей-штампов (Фестский диск) уже говорилось. Это изобретение не получило дальнейшего распространения, но обычная печать для отождествления личности владельца или подлинности документа, несомненно, является одним из технических факторов, указавших человечеству путь к изобретению книгопечатания.

На Востоке с древнейших времен большое значение придавали способам удостоверить личность предъявителя. Один из таких способов, по мнению Картера предвосхитивший появление печатей, начал свое существование еще в период Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) и дожил почти до наших дней— форма, которая до недавнего времени практиковалась в китайских прачечных в Америке. Владелец узнавал своих клиентов, складывая вместе части разделенной надвое бирки, одну половину которой заказчик получал при сдаче белья в стирку[8]. В древности, когда император жаловал подданному высокий чин, ему вручалась половина разломанной пополам нефритовой пластинки — другая половина оставалась у императора. В эпоху Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) существовала похожая система удостоверения личности. На бам-

буковой дощечке писали возраст, имя и приметы человека, затем дощечку ломали пополам. Когда половину дощечки, хранящуюся у владельца, прикладывали к той, которая находилась в руках у чиновника пограничного поста, получалась связная запись, и предъявитель имел право пересечь границу [9].

С воцарением Цинь Шихуана сломанные пластины из бамбука и нефрита постепенно уступили место оттискам печатей. Печать, доставленная из южного государства Чу, была в течение долгого времени печатью империи, и упоминание о ней встречается в истории и художественной литературе.

Замена пластины из бамбука или нефрита печатью, переход от примитивного соединения двух обломков к более сложному и совершенному сопоставлению оттиска и штампа — процесс закономерный и естественный. Но Т. Ф. Картер считает, что этот процесс мог быть ускорен событиями, имевшими место в другой части Азии. Всего за сто лет до воцарения Цинь Шихуана Александр Македонский завоевал огромную территорию, вплоть до Индии, и принес эллинскую культуру целому ряду стран Центральной Азии, которые соседствовали с расширявшимся Китаем. В Восточном Туркестане А. Стейн нашел собрание документов на дереве. Документы были плотно обвязаны шнурами, скрепленными печатями. Легенды этих печатей даны либо китайскими иероглифами, либо индийскими и эллинскими символами — мы видим изображения слонов, а также головы Зевса, Эрота и Медузы. Документы написаны письмом кхароштхи. Они были найдены в Нии, которая была окончательно покинута населением к концу III в. н. э. [10]. Таким образом, по мнению Картера, печати эти были результатом и восточного и западного влияния.

Но достаточно вспомнить, что самые различные народы в весьма отдаленные времена совершенно независимо друг от друга пришли к использованию печатей (египетские и вавилонские печати, штампы, которыми был оттиснут текст Фестского диска, «питандеры» — печати для нанесения краски на лицо — Канарских островов). Часть китайских историков относит появление печатей не к началу эпохи Цинь, а к концу периода Чжоу [11]. Встречаются даже упоминания о чжоуских печатях из золота и серебра. Таким образом, печати в Китае, очевидно, появились независимо от других народов. Хотя Восточный Туркестан в равной мере подвергся влиянию и Китая, и эллинистических государств, возникших в Азии после похода Александра Македонского, до настоящего времени нет доказательств непосредственных контактов между эллинами и китайцами в эпоху Цинь Шихуана [12].

При династии Хань печати получили широкое распростра-

нение. Ими пользовались и частные лица, и сам император. Вырезание печатей стало одним из изящных искусств. Они делались из нефрита, золота, серебра, меди, слоновой кости и рога носорога.

Оттиски печатей того времени давали белые знаки на красном фоне, так как знаки на печатях делались не выпуклыми, а вырезались углубленными линиями на плоской поверхности. Сказывалась еще традиция изготовления печатей для оттисков на глине с углубленными знаками. Аналогичные печати употреблялись в Средиземноморье. Отпечатки, похожие на оттиски китайских печатей, найдены в позднем Египте. Они относятся к IX и XIII вв. [13]

Около периода Шести династий (229—589) появились первые оттиски печатей красными знаками на белом поле [14]. В то время попадались оттиски обоих типов. Судя по находкам, окончательная перемена произошла на рубеже V и VI вв. В VII в. существование печатей нового типа укрепилось повсеместно [15].

Это был значительный шаг вперед, важный в предыстории книгопечатания. Знаки печатей стали рельефными. Перемена эта происходила постепенно, по мере роста употребления бумаги. В Миране найден ряд документов на тибетском языке, датированных VIII—IX вв. Эти документы написаны на деревянных дощечках и на бумаге. Документы на дереве скреплены печатью, оттиснутой на глине и прикрепленной на шнуре, а в документах на бумаге есть оттиски печатей, сделанные тушью. Любопытно, что в этот период деревянные дощечки для письма и печати на глине употреблялись, по-видимому, только в Миране, а в других районах Центральной Азии давно уже вышли из употребления.

В переходе от печатей к печатанию с досок наблюдаются две линии развития: буддийская и даосская. Буддийская линия в конечном итоге привела от амулетов к гравюрам и книгам. Проследить путь последователей философа Лао-цзы, даосов, к книгопечатанию несколько труднее. Но возможно, именно они в своем стремлении делать амулеты с большим количеством знаков и в подходе к самой печати как к объекту поклонения довели оттиск печати до ксилографического книгопечатания даже раньше, чем буддисты [16].

У даосского автора Гэ Хуна (Баопу-цзы) можно прочитать, что древние люди, вступая в горную местность, чтобы обезопасить себя от демонов и зверей, всегда имели при себе печать одного из главных персонажей даосского пантеона — Желтого бога — шириной в 4 дюйма, с текстом из 120 знаков. С этой печати делали на глине оттиски. Само оттискивание печати имело ту же силу, как и произнесение заклинания,

приобретая особое могущество от частого повторения. Один из даосов с помощью многократных оттисков этой печати извлек из бездны большую черепаху, которая вызывала болезни в одной местности. Когда ее убили, все больные в данной местности выздоровели [17].

Существует целый ряд свидетельств того, что эти большие магические печати, содержащие обширные тексты, делались из дерева. В эпоху Хань во время летнего солнцестояния на воротах и дверях вешали печати из персикового дерева, с разноцветными надписями, содержащими слова «Низкий да повинуется», чтобы подчинить себе злых духов. Здесь мы имеем дело именно с обожествлением самой печати, а не ее оттисков. Поклонение печати и использование ее в качестве амулета неразделимы, так как печати поклонялись именно из-за ее магического действия, как средству спасения от диких зверей и злых духов.

Часто даосские печати и амулеты расписывались красной краской, так как за красным цветом признавались магические свойства, дающие безграничную власть. Власть даосских заклинаний над духами выражалась в той же форме, в которой проявлялась официальная власть над людьми. Дело в том, что даосский пантеон мыслился как модель земной иерархии власти. Во главе стоял Небесный император, затем следовали высшие духи, а роль низших духов и демонов можно было сравнить с положением простолюдинов или чиновников низшего ранга. Так как печать была в земной жизни принадлежностью высших чиновников, маг, вооруженный ею, мог, по представлениям даосов, отдавать приказы духам, как своим подчиненным. Самая идея связи печати с заклинанием являлась показателем власти. «Заклинание без печати подобно армии без командира»,— гласила излюбленная поговорка даосов [18]. Есть основания предполагать, что в тот период, когда отпечатки на глине сменились бумажными оттисками красной тушью, даосские большие печати со значительным количеством знаков также были оттиснуты на бумаге. Интересно, что первые буддийские печатные тексты VIII в. также были заклинательными.

Все сказанное выше заставляет задуматься над тем, не могли ли даосы раньше буддистов подойти к идее ксилографии. Однако, по мнению Мао Цзобэня, способ размножения текстов с помощью печатей широкого распространения не получил [19]. Во всяком случае, печатные амулеты были переходной формой от печати к ксилографии. С их введением дело размножения текстов в нескольких экземплярах подвинулось вперед. Если в том, что печати оказали непосредственное влияние на начало ксилографического книгопечатания,

можно сомневаться — во всяком случае, это никогда не отмечалось китайскими авторами [20], то другое явление — издавна существовавшее в Китае искусство эстампажа, или факсимильное воспроизведение с помощью туши древних надписей на камне, всегда признавалось непосредственным предшественником ксилографии.

Эстампажи начали изготовлять не ранее II в. н. э. В VI—VII вв. они представляли уже обычное явление.

Эстампажи до сих пор изготовляются в Китае очень простым способом, по-видимому, не менявшимся в течение веков. Лист тонкой, мягкой бумаги, которую предварительно смачивают, чтобы сделать ее еще более мягкой и липкой, накладывают на поверхность надписи, вырезанной на камне. Затем легким постукиванием (но отнюдь не трением — это не привело бы к желаемому результату из-за грубости движения) жесткой щеткой или деревянным молотком бумага вдавливается в каждое углубление и трещину на камне. Как только бумага высыхает на камне, не снимая ее, по ней проводят шелковой, набитой ватой подушечкой, смоченной тушью (в древности вместо подушечки пользовались иногда клубком пряжи) [21]. Когда бумагу снимают, на ней остается точный отпечаток надписи или рисунка — обычно белыми линиями на темном фоне, если знаки надписи углублены, но если знаки выпуклые, линии получаются черные. Точность копии достигает такой степени, что на эстампаже отпечатываются мельчайшие детали фактуры камня — трещины, выщербленные места.

Этим способом широко пользуются для снятия копий с углубленных надписей или выпуклых невысоких рельефов. В Государственном Эрмитаже хранятся эстампажи с рельефов усыпальницы семьи У в Шаньдуне. В одном из частных ленинградских собраний есть эстампажи, снятые китайскими мастерами с рельефов Ангкора в Камбодже [22]. В обоих приведенных примерах оттиск получился черным на белом фоне, так как изображения из Шаньдуна выполнены в технике плоского рельефа, а кампучийские — в технике невысокого рельефа. Бумага до того точно передала особенности оригинала, что отчетливо видны белые линии, передающие детали плоского рельефа (усыпальница семьи У), а детали рельефов из Ангкора — слабовыпуклые.

Если печатные амулеты были даосскими «предшественниками» книгопечатания, впоследствии развившимися в руках буддистов в печатание религиозных текстов и картин, то эстампажи в основном изготовляли конфуцианцы, хотя и буддисты применяли этот способ размножения текстов.

Практика высекать на камне текст произведений конфуцианских классиков восходит к 175 г. н. э., когда в столице

были воздвигнуты стелы с исправленным текстом классических книг. Желающих снять с них копии оказалось очень много: тысячи повозок прибывали каждый день, и улицы столицы были заполнены народом[23].

Позднее, при династии Тан, между 836 и 841 гг. были воздвигнуты стелы с вновь исправленным текстом классиков. С них было снято множество эстампажей. Известно, что при Тан были специальные чиновники, носящие титул «изготовитель эстампажей». Они состояли при дворцовой библиотеке.

Даосские тексты также высекались на камне. В 708 г. в городе Ичжоу был высечен на каменных стелах текст «Дао дэ цзина». В 736 и 881 гг. этот текст высекался еще несколько раз. Между 600 и 1100 гг. было высечено на стелах огромное количество произведений буддийского канона. В дуньхуанской библиотеке был найден эстампаж «Алмазной сутры», относящийся к IX в. Следует вспомнить, что в той же библиотеке был найден ксилограф IX в., содержащий текст того же произведения,— первая печатная книга в мире. Там же была найдена другая коллекция эстампажей, оформленная в виде тетради. Часть ее листов находится в коллекции Стейна в Лондоне, а часть — в коллекции Пельо в Париже[24]. Считалось, что камни, с которых они оттиснуты, были изготовлены специально для размножения текстов. Ю. В. Бунаков даже применил к ним термин «буддийская литография»[25]. Точное свидетельство о книгах, отпечатанных с каменных досок, специально изготовленных для этой цели, относится к X в.— приблизительно к 992 г.[26]

Но именно в ортодоксальных конфуцианских кругах эстампажи имели особое значение как средство размножения классических текстов. Даже после появления книгопечатания эстампажи играли большую роль. В течение X в. их производство резко возросло. Есть сведения об изготовлении книг, содержащих эстампажи автографов великих людей, относящиеся к 992 г.[27]

В период правления династии Сун (960—1279) книги, представляющие собой наборы эстампажей, продолжали выходить. Из Китая искусство эстампажа попало в Японию, где в 1315 г. этим способом было отпечатано большое собрание книг.

Соединение способа изготовления эстампажа с техникой оттиска печати-штампа легло в основу ксилографического книгопечатания.

С техникой печатания на бумаге связано использование штампов для набойки рисунка на ткани. Некоторые исследователи, например Курогава Масаёри, считают, что в Японии

книгопечатание возникло именно из употребления таких штампов [28].

Наряду с печатями даосы и особенно буддисты пользовались трафаретами для изготовления амулетов и священных картин. У буддистов точность воспроизведения священного изображения была связана с представлением о том, что малейшее отступление от канона может быть воспринято как кощунство и привести к роковым последствиям. Пользование трафаретами было распространено в Китае еще до правления династии Тан [29] (о трафаретах см. ниже).

Накануне изобретения книгопечатания в Центральной Азии наблюдается широкое применение всех способов размножения изображений и текстов. В Кучаре найден деревянный штамп, датируемый 800 г. Т. Ф. Картер склонен рассматривать эту находку как переход от печати к доске ксилографа [30].

Маленькие изображения Будды, размноженные с помощью печати-штампа, были найдены в огромном количестве в Дуньхуане, Турфане и других районах Центральной Азии. Иногда их помещали в качестве заставок в начале каждой колонки рукописного текста (например, в «Фо мин цзин» — «Сутре об именах Будд»). Встречаются также огромные свитки, сплошь заполненные такими отпечатками. Один из свитков, хранящихся в Британском музее, длиной в 23 м 10 см содержит 486 оттисков печати-штампа [31]. В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН хранится несколько фрагментов с изображениями будд, сделанными при помощи штампа [32].

В Дуньхуане и других районах Центральной Азии обнаружено очень много образцов набивных тканей. Один штамп набойки из Дуньхуана был оттиснут не на ткань, а на бумагу [33]. Образцы набивных тканей из Восточного Туркестана и Хара-хото хранятся в Государственном Эрмитаже. Е. И. Лубо-Лесниченко в своей работе об археологии Хара-хото писал, что тангутская набойка, техника которой, по его мнению, целиком взята из Китая, производилась следующим образом: ткань зажимали между двумя досками, на одной из досок был вырезан узор, через отверстия в доске наливали краситель, который, заполняя пространство между досками, воспроизводил узор на ткани [34].

Среди находок в Центральной Азии есть также трафареты. В Восточном Туркестане найдены трафареты с изображением больших голов будд — контуры рисунка слабо очерчены кистью, а затем по линиям нанесены проколы иглой [35]. Большой трафарет, изображающий Будду в «чайтья» (ритуальном сооружении), есть и среди находок в Хара-хото [36]. Не так

 давно два других трафарета были найдены в тангутской и ки-

тайской частях хара-хотинского собрания ЛО ИВАН[37]. Трафареты служили не только для нанесения рисунков на бумагу, но и для живописи на шелку, и для росписей на оштукатуренных стенах. В целом центральноазиатский трафарет по внешнему виду и способу перевода рисунка очень близок к припороху, употреблявшемуся до сравнительно недавнего времени русскими иконописцами[38].

Как видно из сказанного выше, существовали самые различные способы размножения текстов и рисунков. Все же в основу ксилографического книгопечатания легли, по-видимому, только техника оттиска печатей и техника снятия эстампажа. Печать претерпела ряд изменений от небольшой печати для оттиска на глине до крупного деревянного штампа для книжной иллюстрации. Это подготовило идею использования деревянной доски с вырезанным текстом для снятия оттисков. Снятие копии с неподвижного камня постукиванием щеткой или тампоном предвосхитило технику снятия листа ксилографа с лежащей доски, смазанной краской.

Тот факт, что китайское слово «инь» в наши дни обозначает и печать, и печатание книг во всех возможных формах, вплоть до линотипа, сам по себе весьма знаменателен. История этого слова в значительной мере проливает свет на происхождение китайского книгопечатания. Первоначально оно обозначало именно оттиск печати на глине. Позднее, когда появились первые оттиски на шелку и бумаге, их обозначали тем же самым словом. Этот же термин употребляли даосские жрецы для больших деревянных печатей с именами Лао-цзы и других даосских святых — оттиски с этих печатей использовались в качестве амулетов. Тем же словом буддисты называли размножение с помощью штампов религиозных картин и текстов. Позднее термин «инь» был применен к ксилографическому и наборному книгопечатанию. Так он дошел и до наших дней.

3. Возникновение книгопечатания

Возникновение книгопечатания приходится на правление в Китае династии Тан (618—906), создавшей огромное государство, которое включило в сферу своих интересов ряд районов Центральной Азии, в том числе Восточный Туркестан, и вплотную подошло к границам Западного Туркестана.

Политические и территориальные завоевания танского Китая столкнули китайцев с множеством новых элементов культурной и религиозной жизни. Из всех многочисленных идейных течений на западе Китая доминирующим стал буддизм.

Именно буддистам мы обязаны первыми памятниками книгопечатания. Буддисты, как было сказано выше, считали размножение религиозных текстов любыми способами благим делом.

Вопрос о времени возникновения книгопечатания до сих пор остается спорным. Станислав Жюльен, опираясь на китайский источник, считал годом изобретения книгопечатания 593-й или 594-й [39]. Его точку зрения поддерживали Симада Кан и Ло Чжэнъюй [40]. Одно время появились сведения о находке буддийских изображений якобы из Дуньхуана с печатным текстом. Эти изображения датировались 607 г. Но П. Пельо пришел к выводу о том, что текст этот был рукописным [41]. П. Пельо также подверг критике распространенное среди палеографов мнение о том, что буддийские заклинания-дхарани из Дуньхуана, датируемые 903 г., являются перепечаткой печатного текста времен правления династии Суй (502—556).

Не менее сомнительной была версия о том, что одна из буддийских книг на китайском языке, найденная в Японии, напечатана в 655 г. П. Пельо, исследовав вопрос, заключил, что это буддийское сочинение было переведено на китайский язык только в 656—657 гг.[42]

Свидетельством того, что ксилографическое книгопечатание возникло приблизительно в конце VIII в., могут служить тексты заклинаний-дхарани, отпечатанные по заказу японской императрицы Сётоку. Они являются первыми точно датированными печатными текстами (770 г.). Дхарани были отпечатаны огромным для того времени тиражом — миллион экземпляров. В одном из японских источников, рассказывающих о сооружении пагод для этих дхарани, упоминается более ранняя дата — 767 г.[43] По-видимому, способ печатания с досок проник в Японию с материка. Т. Ф. Картер, основываясь на ряде косвенных данных, считает примерной датой изобретения книгопечатания 712—756 гг.[44]

Есть вполне определенные сведения о книгопечатании с досок в Китае в 835—836 гг. Чиновник Фэн Су, отправленный в Сычуань в первом месяце 836 г., видел календари, отпечатанные с досок и продающиеся на рынках. Календарь на новый год еще не был изготовлен императорской обсерваторией, и Фэн Су, усмотрев в самовольном печатании календарей неуважение к власти, доложил об этом двору [45]. В одном из своих сочинений танский поэт Сыкун Ту писал о сборе денег на новый выпуск буддийских книг, погибших во время гонений на буддистов в 845 г.[46] Есть упоминание о китайском ксилографическом издании, вышедшем в свет в 860 г.[47] Также известно, что один японский монах после трехгодичного пре-

бывания в Китае привез на родину в 862 г. большое собрание свитков, два из которых были печатными [48].

Все приведенные выше данные указывают довольно точно время окончательного оформления книгопечатания — конец VIII — начало IX в. Не менее точно указано и место распространения раннепечатных книг — Западный Китай, или, еще точнее, территория современной провинции Сычуань.

Первое материальное свидетельство раннего книгопечатания, если не считать дхарани императрицы Сётоку, было найдено в Дуньхуане. В знаменитой дуньхуанской монастырской библиотеке обнаружили издание «Алмазной сутры», считающееся первой известной науке печатной книгой.

Книга эта представляет собой свиток длиной в 4 м 80 см, склеенный из шести листов, текст для которых печатался с шести отдельных досок. К тексту подклеена гравюра, изображающая Будду в окружении архатов и божеств, дающего наставления своему ученику Субхути. Техника исполнения гравюры и знаков текста показывает вполне высокий уровень мастерства. Колофон в конце книги гласит, что сутра была отпечатана неким Ван Цзе, желавшим почтить память своих родителей этим благочестивым делом. Дата издания книги, содержащаяся в том же колофоне,— 11 мая 868 г. Эта же дата проставлена в бумажном ярлыке, наклеенном на обратной стороне свитка [49]. По-видимому, Ван Цзе был не издателем, а скорее заказчиком комплекта досок, оплатившим издание [50].

Кроме того, в Дуньхуане были найдены календари за 877 и 882 гг., выпущенные неким Фань Шаном [51]. Известно, что в 883 г. в Сычуани были печатные сонники, сочинения по астрономии, гадательные и магические сочинения, словари и учебники [52].

Изобретенное в западных районах Китая, непосредственно граничащих с Восточным Туркестаном и даже примыкающих к центральноазиатскому региону (провинция Ганьсу), на месте стыка самых различных культур, книгопечатание, будучи изначально китайским изобретением, впоследствии органически вписалось в культуру Центральной Азии.

Техника изготовления досок для ксилографов и печатания с них не претерпела с течением времени сколько-нибудь значительных изменений. На доску определенного формата, обычно около 2 см толщиной, с тщательно выровненной поверхностью, наносился ровный слой клейстера, приготовленного из рисового отвара. Клейстер размягчал доску и способствовал переводу на нее нужного текста. Затем на доску накладывали лицевой стороной лист бумаги с каллиграфически написанным на нем текстом. Текст отпечатывался на клейстере в зер-

9 Заказ № 41

кальном виде. Резчик срезал с доски все, что оставалось белым, незакрашенным тушью. Для снятия копий доску с вырезанными знаками смазывали тушью при помощи плотного ватного тампона. Затем накладывали на доску лист бумаги, по которому слегка поколачивали либо тампоном, либо жесткими щетками. Иногда поверх основного листа, на котором производили оттиск, клали еще лист толстой, мягкой бумаги. Отпечатки снимали до полного стирания туши на поверхности доски. Поэтому последние оттиски получались бледнее первых. Когда тушь стиралась, доску снова смазывали тушью и продолжали печатание. Ошибки резчика исправлялись путем удаления части доски и вставки на ее место дощечки с вырезанным на ней знаком или группой знаков[53].

Доски обычно изготовлялись из древесины грушевого дерева, а для ценных изданий — жужубового дерева (Zizyphus vulgaris).

Доски для изготовления отдельных листов, из которых склеивался свиток или книга-«гармоника», обычно нумеровались. В ксилографах тангутской коллекции ЛО ИВАН можно видеть такие номера, расположенные обычно на месте склейки листов (в редких случаях — рядом с местом склейки). Доски для печатания «потхи» имели номера, соответствующие номерам листов. Для печатания книги-«бабочки» на одной доске вырезался текст двух страниц в разворот. Номер листа находился на «байкоу» (букв. «белый рот») — полосе в середине, отделяющей одну страницу от другой.

Нередко иероглифы на центральной полосе были белыми на черном фоне. В таких случаях полоса называлась «хэйкоу» (букв. «черный рот»).

Когда комплект досок изнашивался от многократного употребления, испорченные доски заменяли вновь вырезанными. Часто из двух одинаковых комплектов досок для печатания одного сочинения составляли один комплект, выбирая наименее изношенные доски. При утрате каких-либо досок их также либо заимствовали из другого комплекта, либо вырезали заново. Текст с новых или взятых из другого набора досок отличался по характеру почерка, так как над ним работали другие писцы и резчики. Такого рода замены не могли не отражаться на внешнем виде книги — знаки получались разных размеров и начертаний, расстояние от края листа до рамки текста и размер самого текста по рамке также бывали различными[54].

Обычно тексты для доски ксилографа писали уставным почерком. Но встречается и смешение устава с другими формами письма[55]. Есть ксилографы, тексты которых целиком выполнены различными курсивными или скорописными почер-

ками[56]. Порой графика ксилографических знаков настолько точно имитирует скоропись, что трудно бывает решить, что именно находится перед нами — ксилограф или рукопись. В этом случае есть, пожалуй, один критерий для различения: в ксилографе нередко можно обнаружить тончайшие белые штрихи на иероглифах из-за неравномерности впитывания туши в древесину, что объясняется различным клеточным строением древесины в пределах годичных колец. Особенно это заметно в дешевых изданиях, вырезанных на мягких сортах древесины[57].

Часто заголовки, предисловия и послесловия писали не писцы, а сами авторы или знаменитые каллиграфы. В таком случае книга приобретала характер каллиграфического произведения.

4. Книгопечатание в Восточном Туркестане

В Восточном Туркестане, через который проходили пути, соединяющие Восток и Запад, рано возникли своеобразные синкретические культуры, достигшие высокого уровня развития. Естественно, что такое достижение культуры, как книгопечатание, не обошло стороной этот регион, граничивший с Западным Китаем, считающимся родиной книгопечатания.

Именно в Турфанском оазисе экспедиция Клеменца (1898 г.) обнаружила один из древнейших памятников центральноазиатского книгопечатания — фрагменты ксилографа на санскрите, содержащего отрывки из буддийских произведений «Самъюттагама» и «Аннутарагама», входящих в канон Хинаяны. Текст ксилографа написан наклонным центральноазиатским брахми. В 1902 г. немецкая экспедиция А. Грюнведеля обнаружила в Турфане другой фрагмент того же ксилографа. По данным палеографии, найденный Клеменцем и Грюнведелем ксилограф напечатан не позднее IX в.[58] На полях ксилографа рядом с санскритским обозначением глав китайскими иероглифами указаны номера цзюани и листов.

В те же годы были обнаружены в Турфане и Куче еще несколько фрагментов ксилографов на санскрите. Письмо, которым был выполнен текст этих ксилографов,— северо-восточный вариант центральноазиатского брахми и письмо типа пала (было распространено в Бенгалии и Северной Индии)[59]. Среди поздних находок в Турфане есть большая, хорошо сохранившаяся печатная книга, текст которой записан письмом ланджа[60].

Русские и немецкие экспедиции, обследовавшие собственно Турфанскую впадину, входившую в течение длительного времени в состав государства уйгуров, а позднее — отдельных

самостоятельных уйгурских княжеств, обнаружили огромное количество фрагментов печатных книг.

Сохранность рукописей и ксилографов, обнаруженных в Турфане, очень плохая. Они не только разрушены временем, но, по-видимому, пострадали из-за плохого хранения. Полы турфанских монастырей при раскопках оказались буквально засыпанными клочками разорванных книг (например, в монастырях Идикут-шари) [61]. Лучше всего сохранились ксилографы, найденные в Муртуке.

В коллекциях русских исследователей Турфана уйгурские рукописи встречаются в собраниях Ольденбурга, Березовского, Кохановского, Малова, Кроткова, Роборовского и Дьякова.

Ни один уйгурский ксилограф не датирован. Нижняя граница времени существования книгопечатания на уйгурском языке — XIII—XIV вв. По мнению некоторых советских исследователей центральноазиатских ксилографов, книгопечатание в Турфане зародилось в первой половине VIII в.[62] Нам эта дата представляется чересчур ранней, так как дхарани императрицы Сётоку, считающиеся первыми памятниками ксилографии, относятся ко второй половине VIII в. Пагинация во всех уйгурских ксилографах дается по-китайски, так же как и сокращенное название произведений на полях. Следовательно, даже самая ранняя дата возникновения книгопечатания в Турфане не снимает предположения о том, что ксилография возникла в Западном Китае.

Кроме санскритских и уйгурских фрагментов в Турфане обнаружены китайские, тангутские, тибетские и монгольские ксилографы, в том числе четыре фрагмента буддийского сочинения, напечатанного квадратным монгольским письмом «пагба» [63].

Следует отметить важный факт: в то время как рукописные книги на 17 языках, найденные в Турфане, в большинстве своем религиозные по содержанию, относятся ко многим религиям, в том числе к манихейству и христианству, ксилографы, найденные в самом Турфане и его окрестностях,— исключительно буддийского содержания [64]. Это как будто еще раз говорит о роли буддистов в изобретении и распространении книгопечатания.

5. Книгопечатание в Тибете

Вопрос о книгопечатании в Тибете до недавнего времени почти не был разработан.

Совершенно неясно, когда в Тибете появилось даже простое печатное воспроизведение изображений Будды. Металлические штампы, найденные в Тибете, не датированы.

Роберт Шафер, основываясь на лингвистическом анализе тибетского слова «пар» и китайского «бань» («доска для печатания»), пытался доказать, что книгопечатание возникло именно в Тибете[65]. Он опирался также на даты памятников тибетской письменности, обнаруженных в Восточном Туркестане. Однако в настоящий момент твердо установлено, что рукописные тибетские фрагменты, найденные в Турфане и Дуньхуане, относятся к VIII в., книгопечатание же в Тибете могло зародиться не ранее IX в.— судя по датировке самых ранних печатных фрагментов, обнаруженных в Турфане[66],— и получило широкое распространение под влиянием культуры Восточного Туркестана не ранее XI в.[67]

Впоследствии книги на тибетском языке встречаются всюду, где исповедуется буддизм. Много поздних тибетских книг, как рукописных, так и печатных, было найдено в Турфане, Дуньхуане и Хара-хото. Тибетские книги, датируемые периодом монгольского владычества, были обнаружены даже в монастырях Кореи.

6. Книгопечатание у киданей и чжурчжэней

Кидани, создавшие, как было сказано в разделе о письменности, самобытную систему письма, вскоре после образования своего государства — начиная с 983 г., когда наступил продолжительный перерыв в борьбе с их постоянным противником, сунским Китаем,— начали активно развивать национальную культуру. К началу XI в. они заимствуют из Китая книгопечатание.

Запрет под страхом смертной казни вывозить книги на киданьском языке за пределы государства Ляо привел к тому, что ни одна из них до нас не дошла. Но этот запрет, по-видимому, был менее суровым для изданий, вышедших в Ляо на китайском языке. Такие книги, авторами которых иногда являлись кидани, нам известны[68].

Из этих изданий особенно знаменит трехтомный толковый словарь «Лун кань шоу цзин». Этот обширный труд, содержащий 36 450 знаков, составлен киданьским монахом Синцзюнем. Предисловие к нему, составленное другим монахом. Чжи-гуаном, датируется 997 г. Возможно, это дата первого издания книги[69]. Второе издание могло выйти в 1043 г., как явствует из второго предисловия, содержащего эту дату. Согласно источникам, словарь был приобретен у киданьского пленного. Во второй половине XII в. словарь попал в руки китайского чиновника Пу Цзунмэна, который издал его в третий раз. До наших дней дошли только сунские издания словаря.

Чжурчжэни, подобно киданям, уделяли большое внимание развитию своей культуры. Это касалось и книжного дела.

Захватив в покоренных китайских городах доски для печатания ксилографов, чжурчжэни, по-видимому, их сохраняли [70]. В 1130 г. они основали правительственную печатню в Пинъяне (современный город Пиншуй в провинции Шаньси). В 1194 г. под руководством чжурчжэньской академии было издано 13 сочинений на китайском языке и 15 на чжурчжэньском (имеются в виду не тиражи, а названия). Частные печатни в Пинъяне по количеству изданных книг не отставали от правительственных. В «Истории династии Цзинь» книги упоминаются как товар, продававшийся на рынках [71].

Чжурчжэньские ксилографы на китайском языке найдены и в китайской части хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН (15 экземпляров) [72].

Среди отдельных фрагментов хара-хотинской коллекции найдены документы, написанные чжурчжэньским письмом. Поэтому можно предположить, что в склеенных из старых рукописей и ксилографов переплетах тангутских книг при расклейке можно будет обнаружить рукописные и печатные отрывки на чжурчжэньском и даже киданьском языках.

7. Книгопечатание у тангутов

Тангуты заимствовали из Китая технику ксилографического книгопечатания без каких бы то ни было существенных изменений. Начальной датой тангутского книгопечатания принято считать первую половину XI в.[73] Именно этим временем датируется самый ранний из тангутских ксилографических фрагментов на китайском языке, хранящихся в ЛО ИВАН [74].

Следует отметить, что тангуты даже после изобретения собственной системы письма и перевода на тангутский язык первых китайских книг часто закупали книги за границей [75]. Такие покупки были сделаны в 1055 г., 1058—1059 гг., 1062 г.[76] К 1063 г. относится упоминание о печатании книг в Китае по заказу тангутов, имел место и случай закупки книг у чжурчжэней [77].

Самый древний ксилограф на тангутском языке из хранящихся в тангутской коллекции ЛО ИВАН напечатан в 1085 г.[78] Письмо, как мы помним, изобретено в 1036 г., т. е. книгопечатание у тангутов появилось почти вслед за введением собственной письменности, возможно еще при Юаньхао, если только до этого времени не было книгопечатания на китайском языке с помощью печатников-китайцев.

 В Хара-хото найдено шесть досок для печатания ксилогра-

фов[79]. На четырех досках вырезан текст, на двух — изображения. В настоящее время доски хранятся в коллекции Восточного отдела Государственного Эрмитажа.

В отличие от тангутской рукописной книги в колофонах тангутских ксилографов место издания, как правило, не указывается. Но упоминание в некоторых ксилографах Ведомства печати как будто указывает на столичное издательство[80]. Косвенно подтверждает наличие такого рода учреждения и упоминание Ланьшаньской школы переводчиков, равно как и часто встречающиеся имена выдающихся ее представителей. Если колофоны ксилографов из других районов Центральной Азии не дают сведений о тиражах книг, то в тангутских книгах такие сообщения есть — огромные тиражи в 10 тысяч, 100 тысяч экземпляров[81]. В китайской части хара-хотинской коллекции есть упоминание о тиражах в 20 тысяч, 50 тысяч, 93 тысячи, 100 тысяч экземпляров[82]. При 50-тысячном тираже указывается, что издание было произведено на двух языках: китайском и тангутском, а при 100-тысячном — на трех: тангутском, китайском и тибетском. Все указанные книги — буддийские сочинения.

8. Книгопечатание у ранних монголов

Монголы мало изменили культурную жизнь Китая. Печатание книг продолжалось. Содержание их делалось все более разнообразным за счет появления новых медицинских книг, альманахов и особенно пьес[83].

В Пекине, ставшем столицей императоров монгольской династии Юань, был основан императорский печатный двор, где с 1293 г. под руководством Ханьлиньской академии было начато массовое издание книг на монгольском и китайском языках. В 1329 г. было организовано специальное учреждение для перевода конфуцианских классиков на монгольский язык[84].

После диспута между даосами и буддистами в 1258 г., на котором даосы потерпели поражение, по распоряжению Хубилая, будущего императора, посланного на диспут в качестве представителя императора своим братом Мункэ-ханом, были сожжены даосские сочинения и доски для их печатания. Став императором, Хубилай продолжал гонения на даосов. Это не могло не сказаться на содержании печатавшихся книг.

Монголы уже в первое столетие существования своей письменности столкнулись с книгопечатанием. Фрагменты монгольских рукописей и ксилографов юаньского периода найдены в большом количестве почти во всех районах Центральной Азии. О находке ксилографов, текст которых напечатан мон-

гольским квадратным письмом «пагба», уже говорилось в главе о письменности. В Хара-хото найдено много фрагментов, записанных монголо-уйгурским письмом[85]. Два ксилографа, изданные при господстве в Китае монгольской династии, но на китайском языке, были обнаружены в том же Хара-хото. Это — буддийские сутры[86].

Поздние монгольские ксилографы сохраняют все особенности центральноазиатских книг. Основные формы брошюровки — «потхи» и «бабочка». В обеих формах книг пагинация проставлялась зачастую китайскими цифрами, как в ксилографах Турфанского оазиса, тангутских книгах и дошедших до нас ксилографах квадратным письмом.

9. Подвижный шрифт

Первая попытка печатать наборным (подвижным) шрифтом на Востоке относится к X в. (медные литеры). Изобретенный в 1041—1049 гг. Би Шэном подвижный шрифт из обожженной глины не привился.

Экспедиции П. Пельо и С. Ф. Ольденбурга обнаружили в Восточном Туркестане литеры наборного шрифта уйгурскими буквами[87]. П. Пельо датировал свою находку 1300 г. Литеры, найденные им, находятся во Франции, в музее Гюме (965 штук), и частично в Америке (4 штуки). Они представляют собой бруски из грушевого дерева с вырезанными на них знаками. Бруски разного размера, поэтому можно предположить, что перед нами — разрозненные литеры из нескольких комплектов для набора текста. Литеры, привезенные С. Ф. Ольденбургом в Петербург, затерялись.

Одна из книг тангутской коллекции кажется напечатанной наборным шрифтом. В пользу данного предположения говорит неровное расположение знаков в строках[88]. Некоторые знаки наклонены так сильно, как не мог сделать самый небрежный резчик, даже неискусный. Такое явление не наблюдается даже в самых низкокачественных ксилографах, тем более что каждый отдельный знак данного издания вырезан достаточно четко.

По-видимому, подвижный шрифт совершил путь на восток Азии вскоре после изобретения его Би Шэном. Сохранились воспоминания корейского чиновника Ли Гу Бо (умер в 1241 г.) о том, что его отец составил книгу, которая была напечатана разборными литерами, вырезанными на металле, между 1224 и 1241 гг.[89] Таким образом, сведения о раннем наборном книгопечатании в Корее датируются тем же периодом, что и в Центральной Азии,— XIII веком. Металлический шрифт по-

явился в 1403 г., когда корейский король Тхэ Чжон приказал отлить 10 тысяч иероглифов для печатания классиков, т. е. за 37 лет до того, как его ввел в Европе Иоганн Гутенберг.

В эпоху правления в Китае монгольской династии Юань, в 1341 г. шаньдунец Ван Чжэн применил для печатания разборные деревянные литеры. Он изобрел наборную кассу, в которой все литеры были занумерованы и лежали в определенных ячейках круглого вращающегося стола. Тот же Ван Чжэн в одной из своих книг о наборном книгопечатании высказал мысль о применении свинцового шрифта, но отмечал, что на него плохо ложится краска (до изготовления краски на масле он, по-видимому, еще не додумался) [90]. Книги на монгольском языке, отпечатанные способом Ван Чжэна, до нас не дошли.

10. Спутники великого изобретения

а) Игральные карты

Одной из первых форм печатания с досок, известной на Западе, было изготовление игральных карт. История происхождения карт может пролить свет на вопрос о пути печатания с Востока на Запад.

Игральные и гадательные карты были распространены в Азии довольно широко. Относительно их происхождения выдвинуто немало более или менее невероятных теорий, возводящих карты в статус «Великой книги Тота», некоего тщательно зашифрованного источника, который может дать посвященным информацию о самых сокровенных тайнах мироздания. Отдельные карточные фигуры считались «великими арканами» — символами, обозначающими якобы основные явления физического и духовного мира. По-видимому, авторы подобных теорий весьма поверхностно были знакомы с гаданием по числам, действительно распространенным на Востоке,— арабский «абджад», еврейская «каббала», китайские и индийские гадательные системы. Происхождение карт, к сожалению фантастов и мистиков, куда более прозаично.

По мнению Т. Ф. Картера, игральные карты впервые появились в Китае [91]. Они, как и домино, восходят к гаданию и символическим рисункам на жребиях. Возможно, игральные карты появились в то же самое время, когда происходил переход от рукописных свитков к книгам из листов. Изобретение печатания способствовало одновременно и производству книг на листах, и печатанию игральных карт, которые до этого рисовались от руки. Печатные «кости на листах» стали появляться незадолго до конца династии Тан, т. е. игральные

карты могли быть самыми ранними образцами ксилографического печатания в Китае, как и позднее на Западе.

Самые точные и подробные сообщения в китайских источниках об игральных картах относятся к началу XII в.[92]

В Европе игральные карты стали известны, по-видимому, около 1400 г. уже как печатная продукция. Правда, среди наиболее ранних европейских карт, дошедших до нашего времени, попадаются и печатные, и рисованные, и печатные по контуру и затем раскрашенные от руки. Но большинство из них не датировано.

Каким путем игральные карты попали в Европу — неизвестно. Существует лишь одно свидетельство того, что карты могли попасть в Европу непосредственно из Китая, а не через арабов. Валере Цзани, итальянский писатель, умерший в 1696 г., сообщал: «Аббат Трессан [французский миссионер в Палестине, 1618—1684 гг.] показал мне, когда я был в Париже, колоду китайских карт и сказал, что некий венецианец [Марко Поло?] доставил карты из Китая в Венецию и что этот город был первым местом в Европе, где они стали известны» [93].

Действительно, игральные карты издавна получили широкое распространение в Венеции. В 1441 г. Совет Венецианской республики издает эдикт, гласящий: «Вследствие того, что искусство и тайна изготовления карт и печатных картин, которые употребляются в Венеции, пришло в расстройство, и вследствие большого количества печатных игральных карт и цветных изображений, которые делаются вне Венеции, для коего зла необходимо применить какие-нибудь средства, чтобы вышеупомянутые художники [печатники карт и картин]... могли найти поощрение скорее, чем иностранцы, следует распорядиться и постановить согласно просьбе, которую оные мастера высказали, чтобы отныне и в будущем все работы вышеназванного искусства печатания на ткани или бумаге — как, например, алтарные образа, или изображения, или игральные карты, или любая другая вещь, которая может быть сделана с помощью вышеназванного искусства... были запрещены к доставке или ввозу в этот город» [94].

В этом указе интересно то, что печатание игральных карт и религиозных изображений рассматривалось в одном ряду, как разная продукция одного способа производства — печатания. Религиозные картины, как мы увидим ниже, позднее стали брошюроваться в виде тетрадей или книг с кратким пояснительным текстом. В результате появились первые европейские печатные издания.

Однако карты могли оказаться в Европе через посредство арабов. Есть сведения от 1379 г., что «из земли сарацинов»

была заимствована игра под названием «наиб». В этом названии можно узнать арабское слово la'b («игра»). Но собственно арабские источники никогда не упоминали о карточной игре. Более того, в Коране существует запрет на азартные игры. Карты могли попасть от китайцев к монголам, где они получили распространение в войсках. Китайцы, среднеазиаты, генуэзцы и венецианцы, постоянно находившиеся в сфере действия монгольских войск в качестве купцов и мастеров, жили и торговали более столетия на территории захваченной монголами Персии (где, кстати, рисованные карты существуют и по сей день) [95]. Следовательно, карты могли проникнуть в Европу действительно из «страны сарацинов», т. е. из Ирана, так как под «сарацинами» в средневековой европейской литературе подразумевались любые мусульмане.

Первоначально карты были связаны с числами. Числа, как не раз упоминалось в этой книге, имели в древности магический смысл. Комбинаторный характер игры, подчиненной своей внутренней логике, позволяет видеть в отдельных сочетаниях фигур определенный смысл. Именно эти факторы сделали карты инструментом гадания. Монгольская коллекция ЛО ИВАН располагает набором таких гадательных карт, по-видимому, позднего происхождения [96]. В тибетской коллекции и в собрании Музея истории религии и атеизма также есть комплекты ламаистских гадательных карт. В большинстве своем упомянутые карты нарисованы от руки. Крупнейшая коллекция гадательных и игральных карт имеется в Британском музее. В нашей стране, к сожалению, собрания игральных карт — как государственные, так и частные — до сих пор почти не освещены в литературе.

б) Бумажные деньги

Одной из форм печати, генетически связанных с ксилографией, было печатание бумажных денег.

Попытки заменить ценный металл символическим эквивалентом впервые были сделаны в Китае при династии Хань. К 120 г. до н. э. относится упоминание о деньгах из «белой оленьей шкуры» [97].

В начале IX в. были созданы «летающие деньги» — своеобразные сертификаты, выпущенные танским двором и обеспечивающие выплату торговцам денег в отдаленных районах страны. Были ли они бумажными — неизвестно.

Первые реальные шаги к широкому распространению бумажных денег были сделаны в Сычуани в 1005 г. Первые кредитные билеты были отпечатаны с медных досок [98]. При ди-

настии Сун важное место бумажным деньгам отводил в своих экономических реформах известный реформатор Ван Аньши (1021—1086).

О бумажных деньгах в обиходе центральноазиатских народов можно говорить начиная с эпохи монгольского завоевания (1260 г.). Когда Хубилай-хан завоевал Китай и принял титул императора, бумажные деньги стали особенно популярными. Однако монгольские правители Китая произвели бумажных денег столько, что вскоре вызвали в стране инфляцию. За пределами империи монгольские бумажные деньги не котировались. Значительное количество юаньских бумажных денег было найдено в Хара-хото и Дуньхуане.

Другие кредитные билеты монгольского времени были обнаружены в Пекине во время подавления «Боксерского восстания». В пьедестале статуи Будды, разбитой европейскими солдатами, был найден богатый клад драгоценностей, золотых и серебяных слитков, и среди них — пачка бумажных денег. В настоящее время эти деньги находятся в музеях Шанхая, Нью-Йорка, Лондона и Берлина. Находку датируют 1368—1398 гг.[99] Эти ассигнации были отпечатаны с деревянных или металлических досок. В коллекции Колумбийского университета хранится металлический штамп для печатания денег эпохи правления Хубилай-хана[100].

Прямую связь печатания бумажных денег с книгопечатанием установить трудно. Но очевидно, что изобретение ксилографического способа печати и печатание денег были взаимосвязаны. Расширение торговых рынков требовало все большего количества удобных в обращении денежных единиц, а рост культурных потребностей людей требовал все большего количества книг. Можно отметить, что за четыре века до изобретения Гутенберга в Монгольской империи печатали бумажные деньги способом, похожим на ксилографическое книгопечатание, и что они доходили до западных границ империи (Персии) и привлекали внимание европейских путешественников.

Глава четвертая

ГДЕ ЖЕ ТАЙНЫ?

Высшая тайна в том...
что ее нет!

А. Беляев.
Последний человек из Атлантиды

1. Как же все-таки обстоит дело?

Вспомним претенциозный фильм Эрика фон Деникена «Воспоминание о будущем». Как большинство людей, привыкших добиваться известности путем дешевой сенсации, автор сценария старается придать своему произведению обаяние тайны. Чего тут только нет! И пирамиды, являющиеся зашифрованными в камне сведениями о космосе, и библейский ковчег завета, оказывающийся мощным электрическим аккумулятором, и мексиканские календарные знаки на золотом изделии, по мнению Деникена, представляющие... радиосхему! Всего не перечислить!

Ложность большинства «доказательств», приведенных в фильме, настолько очевидна, что не требует каких-либо комментариев. Но вот кадр: в полутемном помещении горами высятся книги, сброшюрованные в форме «потхи», зажатые в тяжелые доски-переплеты, с завязками и парчовыми закладками. Создается впечатление, что мы находимся либо в рукописном хранилище какого-то востоковедного центра, либо в библиотеке буддийского монастыря. Диктор за кадром патетически восклицает: «Кто знает, какие тайны хранят в себе эти сокровища мысли?!»

Тут зритель — не востоковед — задумывается: «А вдруг в этом океане книг, писавшихся, вероятно, не одну сотню лет, и в самом деле содержатся какие-то тайны?»

Загадочное собрание книг, показанное в фильме Деникена, несомненно, одно из тибетских или монгольских изданий буддийского канона.

Забегая вперед, скажем: буддийский канон переведен на многие восточные языки, живые и поныне. Одно из его последних многотомных изданий осуществлено под руководством японских ученых, которые, конечно, не пропустили бы пресло-

вутых тайн, если бы они там были. Как Коран для мусульман, как Ветхий и Новый завет для христиан, как вообще канон любой религии, канон Махаяны («Большой колесницы») — направления буддизма, наиболее распространенного в наши дни,— один и тот же по содержанию для всех стран, где эта религия исповедуется. Существуют, правда, апокрифы — сочинения религиозного характера, не вошедшие в канон. Но большинство их также учтено и исследовано.

Но может быть, какие-то тайны сохранились в более ранних памятниках восточной письменности?

Рукописи и ксилографы из Центральной Азии, где книжное дело достигло высокого уровня развития в VIII—XIII вв., могли бы ответить на этот вопрос. Давайте же посмотрим, каково содержание литературы, обнаруженной там.

2. Буддийский канон

Трудно было бы в кратком очерке дать полную характеристику буддийского канона — самого большого религиозного канона в мире, тем более что его полные издания и описания существуют. Задача данного обзора — проследить, какие именно произведения были особенно популярны в центральноазиатском буддизме, и тем самым определить в какой-то мере его характер.

На Дальнем Востоке и в тех частях Центральной Азии, где китайское влияние преобладало, был распространен обычно китайский вариант буддийского канона — Трипитаки. Он отличается от первоначальной палийской Трипитаки тем, что кроме основных трех разделов: сутр — бесед Будды с учениками, винаи — правил, необходимых монахам и мирянам, и шастр — толкований на сутры, содержит еще жизнеописания монахов, сочинения по истории буддизма, записи бесед наиболее выдающихся буддийских учителей и китайские комментарии по всем трем разделам Трипитаки.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН находятся практически все основные произведения буддийского канона на китайском языке.

Среди китайских текстов, найденных в Хара-хото, есть два оригинальных перевода «Амогхаваджра» и «Махапраджняпарамита-хридая-сутры»[1]. Первый из них сделан, возможно, представителем широко известной в государстве тангутов школы переводчиков в монастыре Ланьшань[2].

Тибетский буддизм, имеющий помимо канона собственную литературу, в конце концов образовал свод из двух частей — Ганджур и Танджур — собственно Трипитака и дополняющие ее сочинения.

В собрании ЛО ИВАН хранится много тибетских рукописей из Центральной Азии, в том числе 214 свитков из Дуньхуана. Среди них 204 — списки «Махапраджняпарамита-сутры», одного из основных сочинений буддийского канона, в котором путем вопросов выясняется сущность праджни — высшего просветления. Буддийские сочинения нередко переводились с тибетского на языки соседних народов.

Уйгурские рукописи, хранящиеся в Рукописном отделе ЛО ИВАН, несмотря на то что многие из них фрагментированы, позволяют заключить, что почти весь буддийский канон был переведен на уйгурский язык.

Экспедиция С. Ф. Ольденбурга обнаружила в различных районах Восточного Туркестана (главным образом в Туюк-мазаре) значительное количество согдийских фрагментов, содержащих буддийские тексты [3]. Судить о том, был ли переведен весь буддийский канон на согдийский язык, по этим фрагментам затруднительно. Три согдийских фрагмента «Самгха-сутры» из коллекции Н. Н. Кроткова опубликованы Ф. А. Розенбергом и А. Н. Рагозой [4].

Есть сведения, что киданями между 1031 и 1064 гг. была издана вся Трипитака на киданьском языке [5]. Это издание, согласно сообщению монаха Ми-аня, было отпечатано на тонкой бумаге мелкими знаками и заключало в себе около тысячи томов. Ни один из них до нас не дошел [6].

Чжурчжэни издали в Цзечжоу (в Шаньси) всю Трипитаку на китайском языке [7]. Ее печатали в продолжение 25 лет (1148—1173). Издание состояло из 7 тысяч свитков, из которых сохранилось 4975 свитков. Они были отпечатаны на бумаге из коры бумажной шелковицы, обклеенной красной бумажной каймой. За основу текста было взято сунское издание Трипитаки. В китайской части хара-хотинской коллекции есть ксилограф сутры, изданной на китайском языке чжурчжэнями [8].

Тангутский буддизм — одно из северных направлений буддизма с элементами тантризма и амидаизма [9]. По мнению Пельо, на тангутский язык была переведена вся Трипитака [10].

Большое значение в тангутской буддийской литературе имели сутры, прославляющие бодхисаттв. Будучи первоначально физической ипостасью Будды, оказывающей помощь страдающему человечеству, в северном буддизме бодхисаттвы постепенно приобрели образ добрых божеств, помогающих верующим. Бодхисаттвы характерны для амидаизма — ветви буддизма, почитающей будду Амитабху, владыку блаженной страны, «западного рая» Сукхавати. На первое место по популярности можно поставить «Буддхаватамсакамахавайпулья-

сутру», основной персонаж которой — бодхисаттва Самантабхадра — характеризуется как страж Будды [11].

Весьма многочисленны в тангутской коллекции произведения, посвященные бодхисаттвам Манджушри и Гуаньинь (Авалокитешвара), а также более или менее цельные экземпляры сутры «Возрождение бодхисаттвы Майтрейи на небе Тушита» и «Вималакиртинирдеша-сутры». Есть отдельные сочинения школы Чань [12].

Издание Трипитаки при династии Юань на китайском языке, возможно, основывалось на чжурчжэньском издании [13]. Сутра, изданная при династии Юань в первой половине XIV в., найдена в Хара-хото [14].

Д. А. Клеменц обнаружил в Восточном Туркестане экземпляр ксилографа, содержавшего сочинение из канона Хинаяны («Малой колесницы») [15].

3. Духовная поэзия

Как особый жанр религиозной литературы может быть рассмотрена духовная поэзия. Для Центральной Азии это, как правило, поэзия буддийская.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН хранятся небольшие стихотворные произведения, которые можно отнести к духовной поэзии: стихотворение, представляющее собой копию пятисложного восьмистишия к фреске, изображающей кошку [16], семисложные стихи, обращенные к монаху Фу при поднесении ему какого-то сочинения [17]. На другой стороне этого фрагмента есть пятисложное стихотворение из 10 строк, написанное тушью столь слабой консистенции, что местами текст вообще не читается. Судя по отдельным буддийским терминам, содержание этого стихотворения — тоже религиозное.

В небольшом фрагменте в семисложных стихах с рифмой упоминается название нескольких монастырей [18]. К сожалению, чтение стихов в данном случае затрудняют лакуны и поврежденные края.

Обнаружены также пятисложные рифмованные стихотворения: о постижении истины [19], о бедствиях, постигающих людей, о достижении совершенства на пути Будды. Два последних стихотворения помещены в одной рукописи [20]. Перед каждым стихотворением оставлена пустая строчка, где, по-видимому, должно было быть помещено заглавие. В дуньхуанской коллекции есть еще ряд стихов на буддийские темы: пятисложные стихи, датируемые концом VII—VIII в., о неизлечимой болезни, ниспосылаемой за грехи непочтительности к на-

ставникам и убийства живых существ[21], семисложные рифмованные стихи о дворцах, пребывание в которых приносит благо, так как их посещали различные будды[22].

В настоящее время насчитывается несколько десятков образцов древнеуйгурской духовной поэзии. Впервые они были введены в научный обиход турецким ученым Р. Рахмети Аратом, который датирует их VIII—XIII вв., т. е. как раз интересующим нас периодом[23]. До нас дошли имена уйгурских поэтов — Арпунчур Тегина, Кюль Тархана, Сынгку Сели-тудуна, Ки-ки. Стихи последнего (или стихи, написанные в его стиле), по мнению Л. Ю. Тугушевой, содержатся в рукописи ЛО ИВАН[24]. Это — стихотворное восхваление Будды.

Биография знаменитого буддийского паломника Сюань-цзана, совершившего путешествие в Индию в VI в., была переведена на уйгурский язык. Поэтический перевод осуществлен в первой половине X в. в Бешбалыке[25]. В колофоне рукописи, хранящейся в ЛО ИВАН, рядом с именем переводчика указан его титул — «ученый» и местожительство — «бешбалыкский»[26]. Поскольку в тексте описано возвращение Сюань-цзана из Индии через многие страны и местности, «Биографию Сюань-цзана» можно отнести и к жанру географической литературы.

В тангутских рукописях ЛО ИВАН также много стихотворных произведений. Значительную их часть составляют произведения светской поэзии. Мотивы старой, добуддийской поэзии мы видим в стихотворных произведениях, прославляющих предков тангутов, содержащих сведения о возникновении государства[27]. Восхваления двух прародителей тангутов — «батюшки Рату» и «матушки Ама» — определенно указывают на культ предков. Большинство стихотворений не прочитаны из-за недостаточной изученности тангутской скорописи.

Образцы духовной поэзии на китайском языке, найденные в Хара-хото, в основном входят в сборники сочинений деятелей буддизма наряду с наставлениями и молитвами[28]. В одном случае в тексте «Махапраджняпарамита-сутры» есть семисложные стихи, ни в одном из известных переводов сутры не зафиксированные[29].

Более поздняя монгольская литература также знала духовную поэзию. Из хранящихся в монгольской коллекции ЛО ИВАН рукописей и ксилографов можно отметить две рукописи, содержащие стихи и гимны огню. Одна из них, судя по всему, очень старая (точно датировать ее не удалось)[30]. Содержание указывает как будто на шаманскую традицию. К типично буддийским произведениям относится ксилографическое издание стихотворения «Учение о добродетели»[31] и гимн Цзонхавы в честь Будды Шакьямуни[32].

10 Заказ № 41

4. Дидактическая литература

Буддизм выражал свою морально-этическую концепцию не только в основных произведениях канона, но и в многочисленных поучениях, наставлениях и притчах. Произведения этого жанра сохранились и в книгах, найденных в Центральной Азии.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН есть фрагменты канонических дидактических произведений, например отрывок «Дхармагуптавинаи», содержащий текст о грехах и их искуплении [33], и отрывок из толкования винаи с восьми тяжких грехах [34], а также неизвестное сочинение о наказании за грехи [35], тексты о греховных поступках [36], притча о корове, не дающей молока [37].

К жанру и дидактической и заклинательной литературы можно отнести сочинение, которое содержит уйгурская рукопись центральноазиатской коллекции [38]. Оно имеет компилятивный характер и содержит краткие извлечения из различных буддийских сочинений, в которых перечислены благие деяния, спасающие от ада, болезней, бед и несчастий. По мнению Л. Ю. Тугушевой, этот текст не является переводом какого-то определенного сочинения, но в нем упоминаются сутры «Саддхармапундарика» и «Ваджрачхедика» [39].

Тангутская коллекция ЛО ИВАН помимо канонических «Правил исповеди в храме милосердного и сострадательного» («Шастра о милосердном сердце») содержит собрание небольших сочинений на религиозно-моральные темы: «Сборник вдохновенной мудрости» [40], «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям» — сборник произведений в стихах и прозе религиозно-нравственного содержания, составленный монахами Хуэй-мином и Дао-хуэем [41], оду тангутского автора Вэймин Ва, прославляющую терпимость [42], собрание молитвенных наставлений [43] и сборник буддийских нравоучительных сочинений [44].

В монгольской коллекции ЛО ИВАН хранятся такие произведения дидактического жанра, как «Учение Будды Шакьямуни о высшей совести» [45] и «Наставления [о том], как чтить бурханов и святое писание» [46].

5. Утопическая литература

Амидаизм, как течение буддизма, был весьма популярен в странах Центральной Азии, а в некоторых ее районах даже преобладал. Излюбленный мотив амидаизма — легенда о «Чистой земле», или «Белой земле», до сего времени играет

большую роль в его религиозной литературе. Он встречается почти во всех амидаистских сутрах. Ярким примером развития данного сюжета может служить предисловие к «Вималакиртинирдеша-сутре», в котором описывается «Земля Будды», своего рода идеальная страна [47]. Это не обязательно какая-то определенная географическая точка вроде «Западного рая» будды Амитабхи, по народным сказаниям, расположенного где-то в горах на западе, или горы Меру, которую помещали в самых различных районах, вплоть до Северного полюса. Согласно концепции амидаистов, «Земля Будды» находится в любом месте, где в полной мере осуществилось учение Будды. В более позднее время «Земля Будды», вероятно, под влиянием весьма распространенной в странах Востока легенды о счастливой земле превратилась в «Западный рай».

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН именно этот раздел «Вималакиртинирдеша-сутры» представлен многочисленными фрагментами рукописных свитков [48]. В основном это отрывки без начала и конца, иногда только верхние части листов, составляющих свитки. Но общее их количество показывает, какой популярностью пользовалась данная сутра в Дуньхуане. В том же Дуньхуане сохранился фрагмент, содержащий беседу Будды о чистоте «Земли Будды» [49].

В тангутской коллекции ЛО ИВАН «Вималакиртинирдеша-сутра» представлена 18 экземплярами [50].

Не менее популярной среди амидаистов, в том числе и тангутов, была «Махаратнакута-сутра». В ней содержится развернутое описание различных земель будды Амиды (Амитабхи), молитва двенадцати буддам, Авалокитешваре.

6. Гадательные и магические тексты

Магическая и гадательная литература имеет многовековые традиции в странах Востока. В Центральной Азии она существовала как в интересующий нас период, так и после.

Произведения этого жанра часто встречаются в буддийской литературе, доминирующей в Центральной Азии, но могут быть и даосскими.

Дуньхуанская коллекция ЛО ИВАН содержит значительное количество гадательных текстов, порою чрезвычайно интересных по содержанию [51]. К ним относится, например, текст с толкованиями магических знаков, изображенных в виде сочетаний точек и линий [52]. Аналогичные знаки, определенно обозначающие числа, встречаются в тангутских хозяйственных документах (например, об учете количества зерна) [53]. Это дает основание предполагать, что знаки в дуньхуанском тек-

сте восходят к цифровой системе, подробно описанной Георгом фон дер Габеленцем[54]. Известно, что в странах Востока с глубокой древности существовала числовая магия. К магическим и гадательным манипуляциям с числами близка система, изложенная в «И цзине»,— о ней также говорилось выше. Триграммы этой системы мы видим в другом найденном в Дуньхуане геомантическом тексте, содержащем сведения о постройке дома. Триграммы введены в схематическое изображение дома[55].

Сохранился даже фрагмент гадательной книги, основанной на триграммах «И цзина», где перечислены даты, соответствующие той или иной триграмме, и деяния, которые можно или не следует совершать в эти дни[56].

В коллекции из Хара-хото есть изображения триграмм и гексаграмм «И цзина», помещенные на обороте листов буддийской рукописи[57]. Там же даны названия триграмм и гексаграмм и помещены трех- и четырехсложные стихи, излагающие космогонию даосских гаданий, а также стихотворные пояснения значений приведенных триграмм и гексаграмм.

В дуньхуанской коллекции есть руководство по гаданию с перечислением духов, приносящих добро и зло[58]. Гадательной книгой можно считать и обнаруженный в Дуньхуане толкователь снов[59].

К жанру магической литературы в тангутской коллекции можно отнести «Поучение об избавлении от демонов»[60], различные сборники заклинаний[61], сочинения, содержащие магические круги, составленные по животному календарному циклу[62], или круги с шестиконечной звездой внутри — все лучи звезды, ее центр и концентрические круги, обрамляющие ее, заполнены магическим текстом[63], и многочисленные сочинения, содержащие магические схемы, напоминающие китайские.

Большое разнообразие магических и гадательных произведений дают нам китайские тексты из Хара-хото.

Среди сочинений по буддийской обрядовой магии в этой части коллекции наряду с обрядниками, содержащими описание обрядов для избавления от наваждений[64] и перечень обрядов очищения от восьми видов прегрешений[65], обращает на себя внимание ряд текстов, касающихся медитации[66]. Здесь мы видим и правила подготовки тела и дыхания, и ритуал медитации, и общее руководство по медитации. К данному циклу примыкает и обрядовый текст для «устремляющихся к достижению плодов Будды»[67].

В той же части хара-хотинской коллекции сохранилась печатная гадательная книга, изданная чжурчжэнями[68].

 Особую группу составляет астрологическая литература

В дуньхуанской коллекции она представлена прежде всего фрагментом текста, в котором судьбы людей связываются с датами календаря [69]. Есть астрологическое сочинение с описанием пяти планет и их цвета в различных фазах, а также гадания по ним [70]. Некоторые сочинения тангутской коллекции также можно отнести к разряду астрологических. Это, во-первых, иллюстрированные ксилографы, содержащие изображения и перечни имен богов планет [71]. Затем следует упомянуть книгу о подношении девяти светилам [72], иллюстрированное гадание по звездам [73].

В хара-хотинском собрании также имеются астрологические тексты, например таблицы циклических знаков для обозначения дней и месяцев с указанием соответствующих планет [74]. Данная книга представляет собой руководство для гадания по календарю.

Центральноазиатская традиция магической и гадательной литературы перешла и в более позднюю монгольскую литературу. Гадание составляло важный элемент добуддийских монгольских верований. Приняв своеобразную буддийскую «окраску», эти древние верования создали свою обширную литературу.

Наиболее ранний образец гадательной литературы монголов в нашем собрании представляет рукопись на китайском языке, датируемая серединой XIV в. Она содержит способы гадания по лунному календарю, перечень созвездий и сезонных праздников [75]. В монгольской коллекции можно найти и гадательные книги, и книги примет, и пророчества, и астрологические сочинения, и рецепты борьбы против злых духов, и ритуальные трактаты, и сочинения о ворожбе по стихиям, и заклинательные тексты [76].

7. Обращения к божествам

В особый разряд буддийской религиозной литературы следует выделить призывания, или обращения к наиболее популярным божествам. Большое количество таких текстов обнаружено в Дуньхуане. Это главным образом призывы к разным буддам [77], молитвы, обращенные к различным божествам и святым [78], молитвы предкам (например, молитва некоего Фан Фуина к покойным тестю и теще) [79], тексты «Сутры об именах будд» («Фо мин цзин»), содержащей прославление имен будд.

Немало таких произведений и в тангутской коллекции. Бóльшую часть составляют рукописные и печатные экземпляры «Фо мин цзин». «Призыв к четырем бодхисаттвам и вось-

ми Ваджра» (духам-охранителям) встречается два раза[80]. Интересен дословный перевод тангутского названия восьми Ваджра — «восемь золотых богатырей».

Среди сиро-тюркских фрагментов из Хара-хото обнаружена молитва о ниспослании дождя с картинами бедствий, причиненных засухой[81]. Можно предположить, что речь идет о Хара-хото и что рукопись написана именно там.

Есть записи молитв и в китайской части хара-хотинской коллекции. В одной из рукописных тетрадей содержатся молитвы к ряду богов и святых[82]. Большой ксилографический свиток заключает в себе обращение к буддам, девяти бодхисаттвам, к участникам пяти буддийских соборов под главенством различных будд и бодхисаттв, а также обращение к трем буддам с просьбой явить свой лик[83]. Найдены также карманный рукописный молитвенник, начинающийся обращением к бодхисаттве Манджушри[84], и сборник молитв к одной из тантрических богинь[85].

В Хара-хото были также найдены молитвы на тибетском языке[86].

Обращения к божествам были популярны в монгольской литературе. Свидетельство тому — большое их число в монгольской коллекции. Назовем здесь «Обращение к Мӧнкӧ-тенгри и тенгри, всех создавшему»[87]. Образ «тенгри, всех создавшего» (Хормуста-тенгри) характерен для позднего центральноазиатского буддизма и совершенно отсутствует в ранних буддийских школах. В одной из рукописей есть обращение к популярному герою центральноазиатского фольклора Гэсэру[88].

8. Конфуцианская и даосская литература

Китайское влияние в Центральной Азии, особенно в Дуньхуане и государстве тангутов, было весьма велико. Это сказалось, в частности, в распространении в данном регионе конфуцианской и даосской литературы как на китайском языке, так и в переводах.

Невозможно представить себе страну, испытавшую влияние китайской культуры, без знания конфуцианского и даосского канонов. Все политические нормы такой страны определялись примером древних государей, прославленных в «Ши цзине», «Шу цзине», «Чунь цю», «Цзо чжуани». Их имена постоянно встречались и в других конфуцианских сочинениях. Толкования текстов «Ши цзина» («Книги песен») раскрывали перед читателем красоту древней поэзии. Сложную цепь порождения одного чувства другим — гуманности жалостью,

справедливости стыдом и т. д.— и призыв требовательности к себе можно найти в трактате «Мэн цзы». Систему морально-этических ценностей и описание древних обрядов излагает трактат «Ли цзи». Сыновней почтительности был посвящен трактат «Сяо цзин».

Даосский канон «Дао цзан» насчитывает многие тома, начиная с простого изложения идеи «дао» — незримой основы всего сущего — и его проявления «дэ» в трактате «Дао дэ цзин» и кончая многочисленными трактатами последователей Лао-цзы о духах и магических обрядах. Учение даосов привлекало людей не меньше, чем конфуцианство. Идейную сторону даосизма подробно разработал Чжуан-цзы. В сочинении «Чжуан-цзы» мы встречаем не только дальнейшее раскрытие основных философских категорий учения, но и ожесточенную полемику с конфуцианцами.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН хранится много произведений конфуцианской классики. Это, во-первых, фрагмент, содержащий четыре неполных строки из «Ши цзина» с двустрочным комментарием [89]. «Цзо чжуань» представлен фрагментами трех рукописей: фрагмент свитка с пятью строками по 18—20 знаков и двустрочным комментарием [90], три фрагмента из одной рукописи [91], нижняя часть свитка с семью неполными строками [92]. Трактат «Лунь юй» встречается также в 5 фрагментах. Один из них — узкая полоса бумаги (по-видимому, конец свитка), содержащая две строки [93]. Другой— часть свитка без начала и конца [94]. В небольшом фрагменте, содержащем 9 неполных строк, указано имя комментатора — Бао (по-видимому, Бао Сянь) [95]. Комментарии Бао Сяня даны мелким почерком в две строки. Самый большой из сохранившихся отрывков данного сочинения содержит 26 неполных строк, написанных почерком «кайшу», неровным и не очень искусным [96]. Любопытны выписки из «Лунь юя» о том, чтó Конфуций отвергал или не одобрял. В тексте есть указания на главы, из которых сделаны выписки. Фрагмент содержит 17 строк [97].

В коллекции есть два фрагмента «Сяо цзин». Один из них содержит 12 строк — из них 5 полных, по 26 знаков [98]. Во втором — 31 неполная строка [99]. «Чунь цю» в дуньхуанской коллекции имеется в виде довольно большого фрагмента свитка, заключающего в себе 26 строк по 28 знаков [100]. Почерк мелкий, а комментарии записаны еще более мелкими знаками в две строки. «Ли цзи» в рассматриваемой коллекции представлен также одним фрагментом. Текст трактата написан на обороте другого сочинения — стихов У Цзюня.

Даосская литература в дуньхуанской коллекции представлена бóльшим числом фрагментов известных сочинений, чем

конфуцианская. В описании коллекции зафиксирован довольно большой фрагмент свитка, содержащий 30 строк из «Дао дэ цзин»[101]. Трактат «Чжуан-цзы» также представлен одним фрагментом из 22 строк на оборотной стороне буддийского сочинения, толкующего буддийские термины.

В Дуньхуане обнаружен сборник выдержек из разных даосских произведений[102]. 27 строк не определенного пока даосского текста находятся на обороте письмовника для буддийских монахов. Заслуживает внимания находка в Дуньхуане сочинения, не вошедшего в даосский канон[103]. На обороте фрагмента из 16 строк написан текст с толкованием буддийского термина. В дуньхуанском фонде очень много отрывков даосских произведений, название и авторство которых не установлены. Прежде всего следует выделить группу сочинений о системе поведения истинно совершенного человека, основы которой заложены еще в «Дао дэ цзин». Одно из даосских сочинений, первоначально ошибочно отнесенное к буддийским, говорит о возмездии за нарушение пути праведности[104]. Это — часть свитка, в ней 6 строк.

Два фрагмента из одной рукописи содержат рассказ от лица даоса Чжан Даолина о пользе «дао»[105]. Общее количество строк в обоих фрагментах — 52. Текст о пути к совершенству, содержащий термины «праведник» и «святой муж», состоит всего из семи неполных строк[106]. В двух разных фрагментах из какого-то одного сочинения говорится о необходимости отдаляться от злых людей, упоминаются даосские божества и обиталища святых. В обоих фрагментах 18 строк[107].

Небольшие фрагменты содержат отрывки сочинений с рассуждениями о принципах и пути совершенного человека[108] и о поведении, приличествующем даосскому отшельнику[109]. Довольно хорошо сохранился отрывок с перечнем благих дел[110].

Представляет интерес даосское сочинение, посвященное толкованию отдельных философских категорий[111]. Каждому толкованию предшествует написанное очень мелким почерком заглавие с указанием количества строк, поясняющих ту или иную категорию.

Помимо упомянутых выше текстов морально-этического характера в дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН есть некоторое количество даосских магических трактатов и сочинений, посвященных отдельным божествам. Так, в небольшом фрагменте (5 неполных строк) говорится о восьми духах и демонах, пожирающих плоть и кровь человека, и о способах их изгнания[112].

Причины воровства и болезней изложены в другом даосском фрагменте[113].

Существует особая серия повествований о божествах. К ним относятся текст о небесных властителях стран света [114], фрагмент текста о небесных дворцах и божествах, там обитающих [115].

Интересны по содержанию даосское сочинение, где наряду с даосскими терминами встречается буддийская терминология [116], и фрагмент рукописи, содержащий цитаты из конфуцианской и из даосской литературы [117].

Тангуты, как известно многое заимствовавшие из Китая, имели переводы китайских классических книг на свой язык.

Из этих переводов нужно отметить прежде всего «Лунь юй». Это — ксилографическое издание («бабочка») удовлетворительной сохранности [118]. От всей книги остались главы 5 (раздел 20), 11 (раздел 2), 15 (раздел 5—12) и 19 (раздел 19). Текст снабжен комментариями, имеющими в основе китайские, но все же отличными от них. Вероятно, комментатор и переводчик «Лунь юя» на тангутский язык — тангутский министр и ученый Ва Даочун.

«Мэн цзы» представлен двумя переводами: комментированным и некомментированным. Комментированный перевод содержится в рукописи, которая включает различные фрагменты второй части главы 8 и неотождествленной главы с комментариями неизвестного автора [119]. Некомментированный перевод глав с 4-й по 6-ю обнаружен в другой рукописи [120]. Обе рукописи сброшюрованы в форме «бабочки».

Текст тангутского перевода «Сяо цзина» сохранился полностью, за исключением конца главы 18 [121]. Это рукопись, сброшюрованная в форме «бабочки» в 77 листов. Почерк — курсив, переходящий в скоропись. В предисловии стоит дата — 1095 г. Предисловие и комментарии принадлежат известному китайскому ученому и политическому деятелю Люй Хуэйцину. Эта рукопись представляет значительный интерес, так как в китайских изданиях и рукописях текста «Сяо цзин» эти комментарии не сохранились [122].

Обнаружен также тангутский ксилограф, сброшюрованный «бабочкой», который содержит переводы цитат из классических конфуцианских книг [123], и рукописный сборник того же содержания [124].

По мнению Е. И. Кычанова, на тангутский язык были переведены все китайские классические сочинения [125].

К этой же категории текстов можно отнести сборники на тангутском языке: «О достойном поведении» (ксилограф, «бабочка»), включающий переводы произведений конфуцианского содержания и составленный тангутским ученым Цао Даоанем [126]; «Вновь собранные записи о сыновней любви и почтительности» — рассказы, выбранные из китайских династийных

историй, на тему о добродетельных людях, собранные и переведенные тем же Цао Даоанем [127].

Китайская часть хара-хотинской коллекции содержит целый ряд рукописных и печатных экземпляров классических книг. Среди них можно назвать такие сочинения, как «Луньюй», «Чжуан-цзы» с комментариями Люй Хуэйцина, и очень интересный комментарий к «Ли цзи» [128].

Из обнаруженных в нашей коллекции чжурчжэньских изданий классической литературы на китайском языке сохранился ксилограф «Чжуан-цзы» с комментариями Го Сяна [129].

9. Календари

Для того чтобы подробно рассказать о системах восточного календаря, понадобилась бы целая книга. В двух словах можно упомянуть появление в первых веках нашей эры специальных таблиц для сопоставления солнечного времени с 60-летним лунным циклом. Существовали и специальные календари чисто астрономического или религиозного характера.

В Дуньхуане обнаружено сравнительно небольшое количество календарных текстов. Из них особенно интересным нам представляется фрагмент календарного толкования некоторых астрономических понятий [130].

В тангутской коллекции календарных текстов содержится несколько больше, чем в дуньхуанской.

По одинаковому принципу составлены два фрагмента: лист расчерчен подобно таблице, в верхнем горизонтальном ряду справа налево указаны циклические знаки и затем порядковые номера месяцев, в крайней колонке справа по вертикали за циклическими знаками есть иероглифы, легко переводимые, но назначение их пока неясно (гадательные знаки или религиозные термины?) [131]. Во втором календаре наряду с отдельными тангутскими записями подавляющее большинство записей сделано по китайски.

Очень интересен буддийский календарь-справочник, указывающий, когда и какие грехи отпускаются [132]. Он содержит поучения вроде: «Если в пятый день пятого месяца после захода солнца, когда стемнеет, девятикратно поклониться каждому будде, то отпускается тысяча восемьсот грехов».

Чисто астрономический характер носит рукопись, которую условно можно обозначить как «Правила наблюдения за небом по годам» (настоящее заглавие утрачено) [133]. Страницы ее разбиты на колонки, в которых крупными знаками записаны названия месяцев и дней, а скорописью — пояснительный текст. Скоропись до сих пор плохо читаема, поэтому рукопись еще ждет расшифровки.

10. Медицинские сочинения

Медицинские тексты в дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН довольно многочисленны и разнообразны по содержанию.

Теория медицины изложена в тексте, заключающем в себе выдержки из «Нэй цзин»[134], и в тексте, рассказывающем о местонахождении духа («шэн») в теле[135]. К медицинским сочинениям можно отнести и произведение, в котором указывается благоприятное время для излечения болезней»[136].

Редким явлением для интересующего нас региона является отрывок из трактата по анатомии[137].

Остальные дошедшие до нас сочинения посвящены конкретным разделам медицины. В коллекции имеются сборник рецептов лекарств для лечения женских болезней[138], руководство по прижиганиям и акупунктуре[139] и два трактата о лекарствах и изгнании злых духов, которые с равным основанием можно отнести и к медицинской, и к заклинательной литературе[140].

Особое место занимает гадательный текст, содержащий некоторые медицинские сведения[141]. Во второй его части, озаглавленной «Дух человека» («Жэнь шэн»), излагаются благоприятные и неблагоприятные признаки при лечении болезней и описано, в какой части тела находится дух в зависимости от времени года. В том же тексте указано количество сеансов иглоукалываний днем и ночью.

В Куче были обнаружены тохарские медицинские рукописи[142].

В тангутской коллекции ЛО ИВАН сохранилось незначительное число медицинских сочинений — в подавляющем большинстве это рукописи, написанные скорописью. Наиболее легко читаемая из них — «Поучение об излечении злокачественных язв»[143]. Язык данного памятника труден и изобилует малопонятными терминами, чтение усложняется трудностью расшифровки курсива, переходящего в скоропись.

В китайской части хара-хотинской коллекции сохранились рецепты лекарств с указанием их действия, способа приготовления и приема[144], буддийские лечебники с описанием обрядов и лекарств[145], даосское медицинское сочинение, входящее в «Дао цзан»[146].

Медицинские тексты в составе религиозных сочинений можно обнаружить и в более поздних памятниках литературы Центральной Азии. В монгольской коллекции ЛО ИВАН следует обратить внимание на ойратскую рукопись, содержащую медицинский трактат[147], и на сборник религиозных произведений, в числе которых есть рассуждение о соотношении сил, важном для медицины[148].

11. Историческая литература

В дуньхуанской коллекции хранятся в большом количестве фрагменты рукописей и ксилографов исторических произведений. В основном это фрагменты китайских исторических трудов, например 87-я цзюань «Ши цзина»[149], отрывки сочинения о покорении царством Цинь царств Чу и Ци[150] и о военных действиях в царствах Ци и Цинь[151].

К числу произведений, посвященных непосредственно Центральной Азии, относится история государства Гаочан[152], а также два рукописных фрагмента из неустановленных сочинений. В первом дается хроника военных действий (часто упоминается титул «дацзян» — «великий полководец», «генерал армии»)[153], во втором описано наказание за мятеж[154].

В том же Дуньхуане были обнаружены тибетские хроники и исторические документы, а в Миране и Мазар-тагхе — архивы тибетской администрации за VIII—IX вв., проливающие свет на историю Тибета и его отношения с Центральной Азией[155].

Отчасти к историческим, отчасти к географическим сочинениям могут быть отнесены описания путешествий по святым местам, как правило в Индию, с упоминаниями о расположении пагод и именами монахов, доставивших в Китай из Индии буддийские сутры[156].

В тангутской коллекции среди исторических сочинений на первом месте стоят опять-таки переводы с китайского. Наиболее крупные — перевод сочинения У Цзиня «Чжэнь-гуань чжэн яо» и «Лэй линь» («Лес категорий») — сборник жизнеописаний[157]. Интересна книга «Двенадцать царств» — собрание различных эпизодов из истории двенадцати удельных царств эпохи Чуньцю[158]. В тангутском переводе сохранились только истории царств Лу, Ци, Цзин, Вэй и Чжао. Все перечисленные произведения изданы ксилографическим способом, сброшюрованы в форме «бабочки».

Из собственно тангутской исторической литературы до нас дошли всего два произведения[159]. Первое представляет собой историческое повествование, напоминающее по жанру исторический роман. Однако недостаточная изученность этих памятников не позволяет составить о них более точное мнение.

В китайской части хара-хотинской коллекции имеется ксилографическое издание исторического сочинения по истории династии Тан[160], чжурчжэньское издание истории династии Хань (небольшой фрагмент)[161] и сочинение по истории династии Цзинь, изданное при монгольском владычестве в первой половине XIV в.[162]

12. Словари

Дуньхуанская коллекция содержит чрезвычайно богатое собрание словарей различного типа.

Интересен фрагмент словаря с объяснением иероглифов с ключевым знаком «сюй»[163]. В словаре приводятся и древние начертания иероглифов, и иероглифы, указывающие чтение, написанное красной тушью. Словарь по «Ши цзину» дает фонетическое толкование знаков[164]. Ряд толкуемых иероглифов относится, возможно, к комментариям, так как в тексте песен «Ши цзина» они отсутствуют.

Имеется большое количество фрагментов словаря рифм «Це юнь», послужившего основой для многих словарей этого типа. Найдено также два словаря рифм с пояснениями[165] и четыре пособия по изучению иероглифов, из которых два составлены по тематическому принципу[166].

В одной из рукописей обнаружен словарь типа «Цянь цзы вэнь» («Тысячесловие») — пособия для изучения иероглифов. Это текст из четырехсложных стихов, состоящих из неповторяющихся иероглифов[167].

В других районах Восточного Туркестана также были найдены образцы словарной литературы. Среди них представляют интерес фонетические таблицы вертикального и наклонного центральноазиатского брахми, служившие для обучения письму в I тысячелетии н. э. Две рукописи таблиц вертикального центральноазиатского брахми были описаны В. С. Воробьевым-Десятовским[168]. По таблицам отчетливо прослеживаются черты, отличающие это письмо от индийского брахми. То же можно сказать и о таблицах наклонного центральноазиатского брахми, выявляющих его характерные особенности.

В. С. Воробьев-Десятовский описал также рукопись, содержащую упражнения в тибетском письме, найденную в Восточном Туркестане и по характеру близкую таблицам брахми[169]. Представляют интерес для исследователей и фрагменты трех листов рукописи санскритского толкового словаря и два фрагмента рукописи санскритско-кучанского словаря, описанные В. С. Воробьевым-Десятовским[170].

Следует отметить, что все описанные индо- и тибетоязычные словари и таблицы из Восточного Туркестана имеют форму «потхи», в то время как для рукописей светских памятников, созданных в областях, где преобладала китайская культурная традиция (в частности, на территории государства тангутов), характерна брошюровка в форме «бабочки» или близких к ней формах (тетрадь).

В специальной литературе описан фрагмент рунической азбуки с манихейскими буквенными соответствиями [171].

Тангутская коллекция содержит, пожалуй, не меньше различного рода словарей, чем дуньхуанская.

Неоценимую помощь в расшифровке тангутской иероглифической письменности оказал тангутоведам словарь «Тангутско-китайский перл в руке, соответствующий (запросам) времени» («Фань-хань хэши чжан-чжун-чжу») [172]. Тексту словаря предпослано два предисловия — на тангутском и китайском языках. Из них мы узнаем дату издания ксилографа — 1190 г. и имя автора — это тангутский ученый Гулэ Маоцай. Словарный материал расположен следующим образом: тангутское слово (в тангутском написании) транскрибируется китайским иероглифом, помещенным слева от него, справа дается его значение по-китайски с тангутской транскрипцией китайского слова.

Большое научное значение имеет также толковый тангутский словарь «Море письмен» и его продолжение «Море письмен, смешанные категории» [173]. По-видимому, словарь «Море письмен» первоначально состоял из двух частей: все письменные знаки были разделены по двум тональным классам слогов — класс ровного тона и класс восходящего тона. В нашей коллекции сохранился первый раздел. Внутри сохранившейся части «Моря письмен» знаки расположены по рифмам. Чтение каждого знака поясняется по китайскому способу «фаньце», затем следует анализ структуры знака и краткое толкование его значения.

Словарь «Море письмен, смешанные категории» построен по тому же принципу, что и «Море письмен», и содержит знаки, которые не вошли в «Море письмен».

В тангутской коллекции есть еще несколько рукописных экземпляров толковых словарей типа «Море письмен» [174]. Очевидно, этот тип словаря был довольно широко распространен у тангутов.

Тип словаря-словника — простого списка слов, расположенных по тематическим разделам,— представлен словарями «Идеографическая смесь» («Цза цзы») [175] и «Идеографическая смесь, расположенная по трем разделам» [176]. В первом словаре весь материал представлен в систематическом порядке по разделам: «Небесные явления», «Земля», «Реки и моря», «Горы», «Мужская одежда», «Женская одежда», «Деревья», «Насекомые» и т. д.

Примером словаря типа тангутского «Цза цзы» может служить также описанный Вильгельмом Грубе чжурчжэнь-ско-китайский словарь (см. раздел о письменности).

Второй словарь, «Идеографическая смесь, расположенная

по трем разделам», представляет собой список тангутских знаков, систематизированных по понятиям без разбивки на разделы.

Своеобразным тангутско-китайским словарем, составленным «по материям», является «Собрание необходимого»[177]. Каждое тангутское слово здесь поясняется соответствующим китайским, записанным тангутскими знаками в тангутской транскрипции. Сохранились всего два раздела: 6-й — «Музыкальные инструменты» и 7-й — «Названия цветов».

Словарь «Гомофоны» содержит тангутские знаки, расположенные по начальным фонемам, составляющим девять классов[178]. Близки по принципу построения к «Гомофонам» и «Фонетические таблицы», где знаки также расположены по девяти начальным фонемам в следующем порядке: лабиальные смычные, лабиальные спиранты, дентальные, палатальные, велярные, дентально-альвеолярные, палатально-альвеолярные, гортанные, ликвидные[179].

В основном в фонетических таблицах и словарях тангуты использовали опыт китайского языкознания. Но в расписанных Н. А. Невским тангутских фонетических таблицах знаки иногда расположены в порядке букв тибетского алфавита[180]. Это свидетельствует о том, что в Си Ся были хорошо знакомы и с опытом тибетской лингвистики, истоки которой, как отчасти и лингвистики китайской, восходят к древнеиндийской науке о языке[181].

Сохранился также большой словарь тангутских синонимов. В его предисловии указана дата написания — 1189 г. и имя составителя — Лян Или[182].

Среди китайских словарей, обнаруженных в Хара-хото, много сунских ксилографических изданий. Интерес представляет словарь буддийских терминов[183] и словарь типа «Цза цзы»[184].

Традиция создания словарей типа «Цза цзы» сохранялась в Центральной Азии в течение многих лет после интересующего нас периода. В монгольской коллекции ЛО ИВАН хранится, например, небольшой иллюстрированный маньчжурско-монгольско-китайский словарик, составленный по тематическим разделам[185]. Ценность такого рода словаря для нынешних востоковедов не вызывает сомнений.

13. Художественная литература

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН сохранились отрывки текста и комментариев известных китайских литературных произведений — антологии «Вэнь сюань», «Оды о столице У»,

«Домашних наставлений У-вана»[186], а также фрагменты неопределенных прозаических сочинений. Интересен фрагмент, включающий в себя шесть рассказов об удивительных происшествиях — один из весьма распространенных жанров китайской литературы[187].

Жанр «бяньвэнь» — нравоучительные произведения, в которых проза перемежается со стихотворными вставками,— представлен в дуньхуанской коллекции тридцатью произведениями. Из них исследованы, переведены на русский язык и изданы «Бяньвэнь о Вэймоцзе», «Бяньвэнь „Десять благих знамений"» и «Бяньвэнь о воздаянии за милость». В Китае издан сборник дуньхуанских бяньвэнь[188].

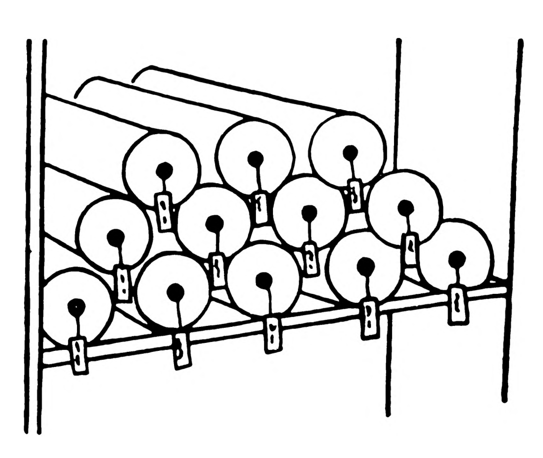
Ту же картину наблюдаем мы и в отношении стихотворных произведений, хранящихся в дуньхуанской коллекции,— наряду с теми произведениями, авторство и названия которых удалось определить[189], в коллекции много анонимных стихотворений. Большинство из них посвящено буддийской тематике, но есть и чисто светские сюжеты, например воспевание весны[190], красот природы[191], свадебные пожелания[192], стихи о встрече с другом[193], обращение женщины к мужу, ушедшему на войну[194].

Хвалебные оды, посвященные какому-либо знатному лицу, в дуньхуанской коллекции встречаются значительно реже, чем в тангутской коллекции, где этот жанр представлен довольно широко[195]. Подтверждение этому — сборники придворных од[196]. Из других стихотворных образцов можно отметить ксилограф, датируемый 1185—1186 гг., включающий пять больших стихотворений[197], «Вновь собранные крупинки золота на ладони» — стихотворная книга, текст которой составлен из неповторяющихся знаков, по-видимому, аналогично китайскому «Тысячесловию»[198], сборник пословиц и поговорок, написанных в форме пáрных изречений[199], сборник прозаических и стихотворных отрывков, содержащих сведения о возникновении тангутского государства[200], и отдельные стихотворные скорописные сборники, пока не поддающиеся чтению.

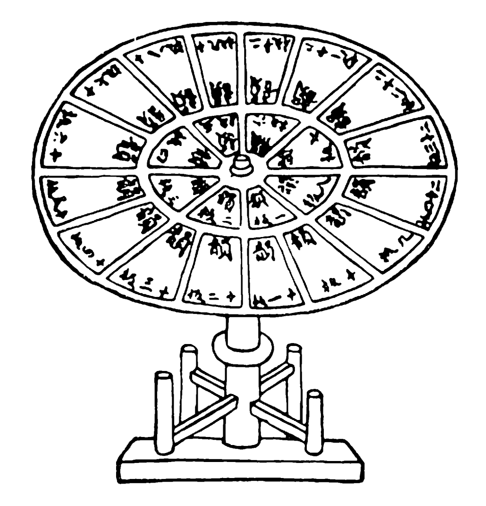
Особый жанр литературы представляют переведенные с китайского военные трактаты: «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы, жившего на рубеже VI—V вв. до н. э., с комментариями Цао Цао, Лю Цюаня и Ду Му[201], «Шесть секретов» Люй Шана[202] и «Три тактики» Хуан Шигуна[203]. Одно из этих произведений, а именно «Трактат о военном искусстве», переведен на русский язык и издан Ксенией Борисовной Кепинг[204]. Остальные два также были исследованы ею и легли в основу фундаментального труда по грамматике тангутского языка. Все три трактата входят как составные части

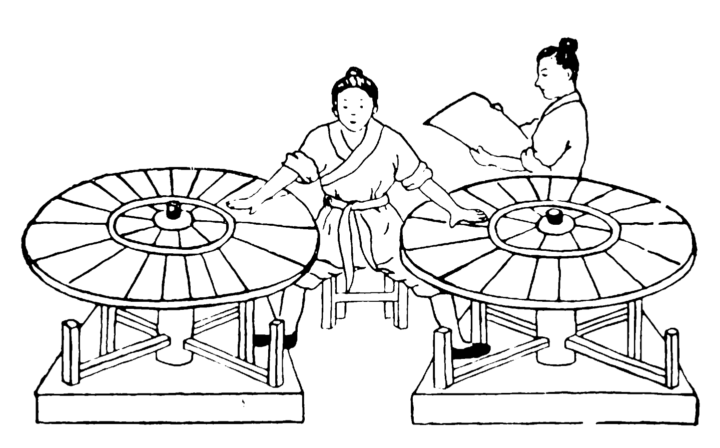
Писец с кистью и тушечницей
(фреска из Восточного Туркестана)

Свитки с ярлыками на полке книгохранилища

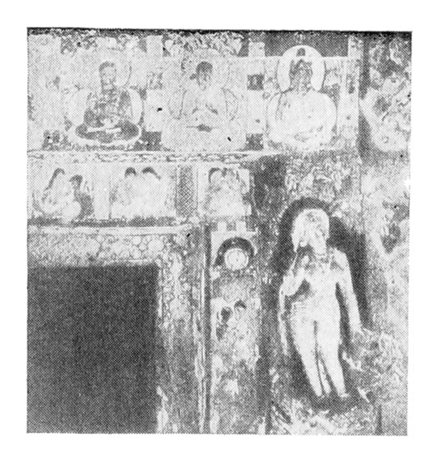
Наборная касса Ван Чжэна

Работа с наборной кассой Ван Чжэна

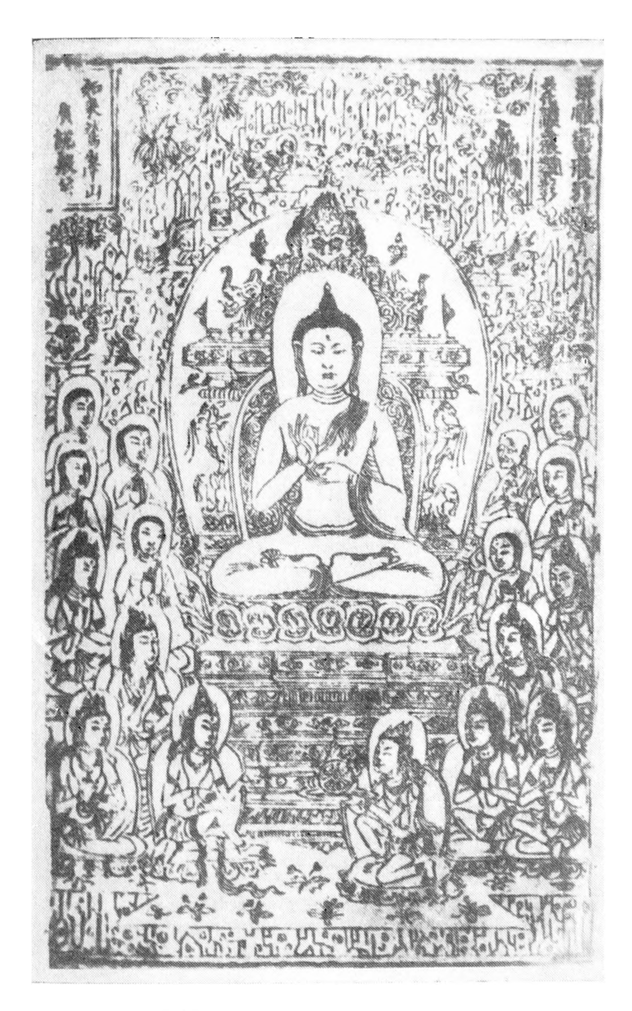

Многоязычная надпись из Дуньхуана

Фреска в Аджанте, легшая в основу изображения будд в «Сутре об именах будд»

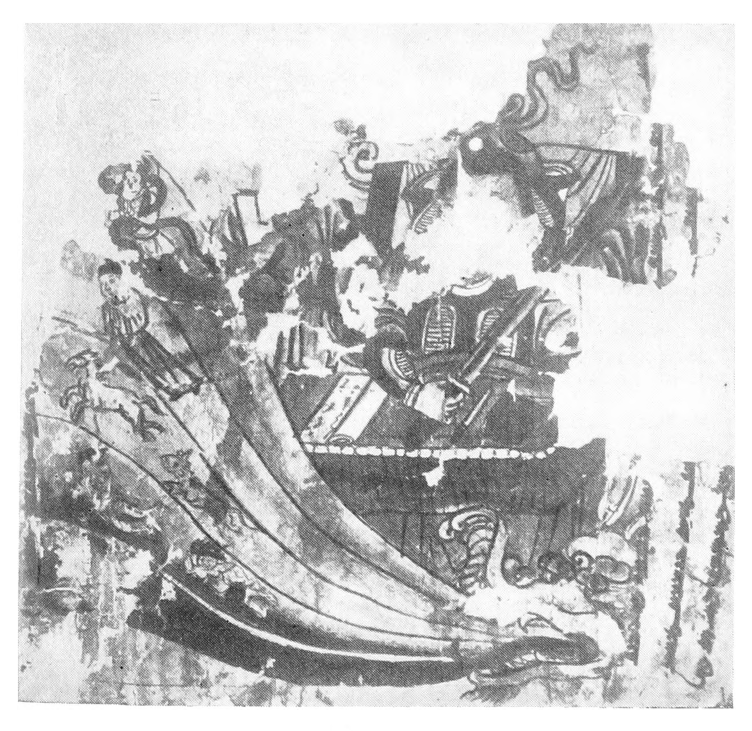
Различные почерки письма «пагба»

Индийский тип Будды (тангутская гравюра)

Сцена загробного суда (уйгурская рукопись). Левая часть

Сцена загробного суда (уйгурская рукопись). Правая часть.

⟶

Изображения бодхисаттв (уйгурская рукопись)

Сцена загробного суда (тангутская гравюра)

в древний сборник «Семикнижие», посвященный военному искусству.

В китайской части коллекции из Хара-хото также обнаруживаем много литературных произведений. Из духовной поэзии можно назвать повествование в пяти- и девятисложных стихах об уходе Будды от мира [205]. Стихи встречаются в отдельных сборниках религиозного содержания [206]. Из светских стихов представляет интерес произведение, прославляющее спокойствие в стране и гуманное управление [207].

Среди китайских рукописей из Хара-хото найдено два чжурчжэньских сочинения на китайском языке — сборник анекдотов и произведение в жанре «чжугундяо» [208].

Там же обнаружены рукописи литературных произведений на китайском языке, относящиеся к началу монгольского владычества (середина XIV в.). Это семисложные стихи, описывающие уход к пастушеской жизни, и стихи с описанием пирушки [209].

Почти те же самые жанры мы встречаем в более поздней монгольской литературе. Наряду со стихами и историческими хрониками в монгольской коллекции ЛО ИВАН хранятся такие памятники монгольской литературы, как «Повесть о мальчике верхом на черном быке» [210] и сборник загадок в виде кратких изречений с примерами из окружающей жизни [211].

Книги просмотрены. Тайн, обещанных фон Деникеном, не обнаружено. Ни слова о межзвездных пришельцах, таинственных силах, якобы известных древним, ковчегах-«аккумуляторах»... Зато перед читателем проходит яркая и полная картина духовной жизни народов Центральной Азии — народов, которые писали философские трактаты и стихи, изучали историю, занимались медициной, производили календарные вычисления. И кто знает — может быть, где-то на страницах древних рукописей и ксилографов нас ожидает разгадка многих тайн — но не тайн, проповедуемых сторонниками дешевой сенсации, а действительных тайн, тайн мышления и чувств людей, живших в прошлые века.

11 Заказ № 41

Глава пятая

ПЕСТРЫЕ ЛИСТЫ

Много в пространстве невидимых форм
и неслышимых звуков,
Много в нем есть сочетаний и слова
и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет
и видеть и слышать...

А. К. Толстой

1. Художник и книга

Первая просьба ребенка, не умеющего читать, при виде книги: «Покажи картинки!» Любовь к книжной иллюстрации человек обычно проносит через всю жизнь. Настоящего любителя книги привлекает все: иллюстрации, виньетки, заставки, концовки, художественно выполненные заглавные буквы, иногда самый шрифт. Века развития создали сложное и прекрасное искусство художественного оформления книги. Кого не приводили в восхищение гравюры Доре, иногда реалистичные, иногда полные жутковатой фантастики; нежная, глубоко лирическая графика Чарльза Робинсона; несколько тяжеловесные, но неистощимые по выдумке творения Энгельберта Зейбертца, сумевшего передать дух иллюстрированного им «Фауста» не только в гравюрах, но и в полных глубокого смысла виньетках; близкое и дорогое нам всем творчество нашего соотечественника Ивана Яковлевича Билибина, великого мастера цветной и черно-белой графики, проявлявшего свое мастерство и в рисунках, и в замысловатых заглавных буквах, и в самом шрифте надписей; огромные серии полных юмора и трагизма иллюстраций Кибрика, Верейского; милые «звериные малыши» Чарушина; похожая на сны далекого детства цветная графика Конашевича; благородные, исполненные чувства собственного достоинства герои «Книги джунглей» в изображении Ватагина; дышащие нежностью ко всему живому работы анималиста Татьяны Капустиной; зовущие в далекую мятежную юность, полную сомнений, любви и борьбы, рисунки иллюстратора юношеской литературы Татьяны Горб? Можно назвать тысячи имен, но и самая по-

дробная монография не в состоянии дать полного перечня имен всех тех, кто своим трудом украшает страницы наших любимых книг, подчас помогая читателю лучше понять замысел авторов. Три мушкетера и Маугли, Тартарен из Тараскона и барон Мюнгхаузен, Тарас Бульба и Григорий Мелехов, верная и любящая девушка Нилка, нежная бурятка Долгор — все они именно благодаря книжным иллюстрациям сложились в нашем сознании в определенные, неповторимые образы, которые нельзя спутать ни с чем.

Художественное оформление книги имеет такую же древнюю историю, как сама книга. Можно было бы упомянуть иллюстрации к «Книге мертвых» Древнего Египта, своеобразные, иногда загадочно-фантастические рисунки древнемексиканских кодексов, средневековую европейскую миниатюру, порой примитивную, порой поражающую четкостью композиции и свежестью красок. Но если древнеегипетские и древнемексиканские иллюстрации — «глухие» ветви, так как не имели сколько-нибудь заметного влияния на последующую жизнь этого вида искусства, то европейская средневековая миниатюра почти целиком выросла из византийской, которая, в свою очередь, несет на себе несомненные следы восточного влияния. Рассмотрение культуры «Золотого моста между Востоком и Западом» немыслимо без учета восточного материала. Поздняя европейская книжная графика, особенно графика первой четверти XX века, опять-таки берет начало в восточной ксилографии. Бердслей, Чарльз Робинсон, Мери Чемберс, Билибин, Нарбут испытали сильнейшее влияние японских художников-граверов.

Таким образом, и эта немаловажная сторона истории книги уводит нас на Восток. Чтобы понять историю художественного оформления книги, надо рассмотреть тот материал, который дает нам родина книжного дела. Как же зарождалось это высокое и сложное искусство в странах Центральной Азии?

2. Книжная иллюстрация

Художественное оформление центральноазиатских книг и рукописей целесообразно начинать рассматривать с книжной иллюстрации.

Основная религия Центральной Азии VIII—XIII вв.— буддизм, и это не могло не сказаться на тематике книжной иллюстрации. Главный образ произведений центральноазиатских иллюстраторов — фигура Будды.

Слово «будда» в востоковедной литературе пишется то с

прописной, то со строчной буквы. Это не ошибка и не случайность. Когда речь идет об основателе учения, слово «будда» — в переводе с санскрита «пробужденный», «просветленный» — воспринимается как его собственное имя. Но уже очень скоро после возникновения буддизма появилось представление о том, что исторический Будда — один из целого ряда высших существ, достигших совершенства ценой праведной жизни в течение многих перевоплощений и призванных спасти мир. Они — тоже будды, и слово «будда» обозначает лишь высшую степень духовного совершенства или существо, достигшее этой ступени и несущее особую миссию.

Образ Будды в религиозном искусстве Востока при всем его многообразии имеет единую основу. В представлении некоторых читателей Будда — что-то круглое, лысое, со свисающим голым животом, вроде тех «китайских болванчиков», которые украшали каминные полки в квартирах наших бабушек. Это и так, и не так. С детства знакомый нам добродушный фарфоровый толстяк — всего лишь один из будд, будда Майтрейя, который должен прийти в мир в конце нынешнего мирового периода — кальпы. Да и то, этот милый, с точки зрения европейца, несколько гротескный образ — плод творчества китайских мастеров, создавших свой собственный тип излюбленного персонажа. Если вы увидите в каком-нибудь храме в Гималаях огромную статую прекрасного царевича в диадеме, серьгах и роскошном ожерелье, вы едва ли узнаете в нем китайского Майтрейю.

Образ основателя буддизма, будды Гаутамы (исторического Будды), зародился на северных границах Индии в результате слияния местных традиций с чужеродными художественными приемами, принесенными эллинами Александра Македонского. Это смешение двух различных традиций создало строгий и прекрасный образ будды, как высшего существа. Несмотря на отдельные местные варианты и элементы стилизации, свойственные различным народам, образ будды Гаутамы и остальных будд прошедших и будущих времен строится для всего буддийского мира по одинаковым канонам. Мы видим одни и те же черты и в исполинских каменных изваяниях Цейлона, и в глиняных скульптурах и фресковых росписях Центральной Азии, и в далекой Японии, в фигуре полностью отрешенного от мира и погруженного в себя Будды в Камакура. Помимо признаков будды, упоминаемых в канонической литературе, мы ясно можем уловить во всех этих изображениях тип Будды-учителя, некогда созданный греко-индийскими мастерами.

Особенно часто изображение будд встречается в «Сутре об именах будд» («Фо мин цзин»). Это сочинение, как пра-

вило, иллюстрируется одним или двумя рядами изображений будд, по одному над каждым из перечисленных имен. В способах и манере этих изображений наблюдается большое разнообразие. Это и разного уровня исполнения изображения от руки, и отпечатки печати-штампа, иногда чуть тронутые красной краской (одежда), и порой весьма совершенные по исполнению гравюры в ксилографических изданиях. Чаще всего «Фо мин цзин» писали или печатали в форме книги-«гармоники», причем изображения будд располагались по всей длине книги, переходя со страницы на страницу.

Иногда в ксилографических изданиях «Фо мин цзин» изображения будд и способы отбивки строк составляли единую художественную композицию. В ксилографическом издании «Сань ши у фо мин цзин» («Сутра о тридцати пяти именах будд»), найденном в Дуньхуане, к художественно исполненным изображениям будд тянется дым от воскурений, образующий отбивку строк. Под каждым именем будды — изображение лотоса. Фигуры будд отделяет друг от друга орнамент из концентрических кругов, символизирующий струящийся свет [1].

В тангутских ксилографических изданиях «Фо мин цзин» встречается отбивка строк в форме полос растительного орнамента из переплетающихся ветвей, среди которых расположены фигуры «гандхарва» — «небесных музыкантов». Цветы лотоса, изображенные внизу каждой строчки, еще более сближают данные ксилографы с аналогичными дуньхуанскими изданиями. Почти таким же образом оформлена «Шастра о милосердном сердце». В некоторых изданиях фигуры будд, помещенные вверху страницы, отделены друг от друга стилизованными деревьями.

В Дуньхуане на стене одной из пещер обнаружена надпись по-уйгурски, заключенная в прямоугольник, покоящийся на цветке лотоса [2]. По-видимому, такое оформление надписей как-то связано с традицией книжной иллюстрации.

Среди досок для печатания, обнаруженных в Хара-хото, есть длинная узкая доска с изображениями сидящих будд, отделенных друг от друга деревьями. Это наводит на мысль о том, что такие изображения могли оттискиваться с доски для иллюстрации рукописного текста [3]. Композиция в виде ряда сидящих будд, разделенных деревьями, по-видимому, весьма древнего происхождения и восходит к росписям пещерных храмов Аджанты в Индии [4]. Похожее оформление встречается в ксилографических изданиях сочинения «Призыв к четырем бодхисаттвам и восьми Ваджра», где строки отбиты либо изображениями колонн с капителями в форме лотосов, либо полосами растительного орнамента. Сверху

строки венчают балдахины или крыши китайского типа со свешивающимися кистями или лентами, снизу каждую строку завершают цветы лотоса [5].

Как редкий пример цветных иллюстраций в раннебуддийских рукописях можно назвать раскрашенные изображения будд в некоторых экземплярах «Фо мин цзин» [6]. Эти изображения обычно даны в трех красках — красная одежда, желтое тело, черные волосы и обводка рисунка. Вообще цветные рисунки в роли иллюстраций зафиксированы исключительно в рукописях. В Восточном Туркестане были обнаружены в рукописях небольшие изображения будд, оттиснутые штампом, и иногда не тушью, а киноварью [7].

Естественно, что в процессе долгого развития и взаимодействия культур Центральной Азии образ Будды должен был развиваться и трансформироваться. Иллюстрации к «Фо мин цзин» в достаточной мере абстрактны, однако как в дуньхуанских, так и в турфанских и в хара-хотинских находках преобладает тот тип, который, выйдя из Индии, получил окончательное оформление в Китае. Широкая, иногда «лоскутная» ряса [8], небольшой, слегка уплощенный узел волос на затылке (воспоминание о прическах индийских аскетов), плавные, не лишенные изящества линии рисунка лепестков лотоса, на котором сидит Будда,— вот характерные черты этого образа. Признаки чисто индийского типа Будды будут отмечены при дальнейшем рассмотрении нашего материала.

В иллюстрациях, где Будда дан как отдельный персонаж, можно привести фигуру «Будды пышно-пламенного блеска» с одной из планетных икон [9]. Мы видим естественно моделированный цветок лотоса, изящные, с тонкими пальцами, руки Будды, держащие «чакру», свободно облегающую тело одежду, круглые нимбы вокруг головы и тела.

В одной из уйгурских рукописей дано цветное изображение Будды [10]. Перед нами — особый, центральноазиатский вариант известного образа, несущий на себе следы влияния двух культур — индийской и китайской. Нимбы, окружающие тело и голову Будды, не круглые, а овальные. Они состоят из нескольких вписанных друг в друга овалов желтого, красного и зеленого цвета. Будда одет в темно-красную одежду. Узел волос на затылке закрашен краской, покрывающей внутренний овал нимба. Цвет кожи Будды — темно-золотистый, как на фресках Аджанты. Щеки и губы слегка подрумянены. Вместе с тем плавный изгиб руки, полное, со слегка одутловатыми щеками лицо, свободно падающая одежда сближают этот образ с китайским типом Будды.

Типичный центральноазиатский образ Будды дан также в иллюстрации к хранящемуся в нашей коллекции уйгурскому

экземпляру «Алтун Ярук» — «Сутры Золотого блеска»[11]. В образе Будды в книжной иллюстрации Хара-хото также явственно отразились две традиции — индийская и китайская.

По мнению сотрудников Государственного Эрмитажа, индийский стиль в тангутской книжной иллюстрации близок к непальскому. Эта классификация принята как критерий при разборе произведений хара-хотинской живописи[12].

Типично индийскую трактовку образа Будды мы видим на гравюре, иллюстрирующей «Дашасахасрика-праджняпарамита-сутру» из тангутской коллекции. Будда находится на лотосе, помещенном на троне. Трон украшен геометрическим орнаментом. На подошвах ног Будды, повернутых кверху, изображены «чакры». Одежда плотно облегает тело. Уши — длинные. Узел волос на затылке заострен. Спинка трона покрыта сложным орнаментом. В этом орнаменте видны два барана (?), стоящие на задних ногах. Выше — две головы «макара» — индийского мифического чудовища с острыми зубами и небольшим хоботом. Спинку трона венчает голова, похожая на голову мифической птицы Гаруда. Вокруг тела и головы Будды — простые овальные нимбы[13].

Несколько меньше, но все же достаточно четко чувствуется индийский стиль в иллюстрациях к сочинениям «Арья-Манджушринама-сангити»[14], «Арья-праджняпарамита-ратнагуна-самсайа-гадха-нама»[15]. Первое произведение иллюстрировано изображением Будды с заостренным узлом волос, с овальными нимбами, украшенными внутри волнистыми линиями, символизирующими струящийся свет. Лотос и трон, на которых сидит Будда, даны в явно индийском стиле и напоминают соответствующие атрибуты на фресках Аджанты. Во второй рукописи кроме общего индийского стиля изображения Будды на гравюре присутствуют такие индийские элементы, как две пальмы на горных уступах позади трона Будды.

Будда, выполненный в индийской манере, фигурирует и в смешанной по стилю гравюре, иллюстрирующей тангутский перевод сутры «Возрождение бодхисаттвы Майтрейи на небе Тушита»[16]. Следует отметить, что изображения Будды в левой части той же гравюры даны в чисто китайском стиле. Вообще чисто китайских по стилю изображений Будды в хара-хотинской коллекции сравнительно немного.

Чаще всего в тангутской книжной иллюстрации можно встретить своеобразный центральноазиатский образ Будды, хорошо знакомый нам по турфанским фрескам. Это фигура, одетая в свободно падающую «лоскутную» рясу, с круглыми нимбами вокруг тела и головы (с «сиянием» внутри), иногда

с небольшими усами и бородой, часто со свастикой на груди [17].

Единственным в своем роде является карикатурное изображение Будды со всеми присущими этому персонажу атрибутами, сделанное от руки на полях одной из тангутских книг [18]. Это намеренное искажение тесно соприкасается с кощунственной порчей рисунков, с которой мы еще встретимся.

Две иллюстрации к чжурчжэньским изданиям на китайском языке, обнаруженным среди китайских ксилографов из Хара-хото, изображают Будду в странном головном уборе — высокой узорчатой цилиндрической шапке, расширяющейся кверху [19]. В ней есть отдаленное сходство с шапками высшего буддийского духовенства и с головным убором императора на тангутской гравюре, иллюстрирующей апокриф о лянском императоре У-ди и змее [20].

Образ бодхисаттвы — земной сущности будды, оказывающего благодеяния тем, кто в него верит,— занимает в буддийском искусстве первое место после будд и не менее устойчив, чем образ будды. Как правило, это полуобнаженная фигура, часто с ожерельем, браслетами, иногда в пышном венце.

В уйгурских рукописях сохранились цветные изображения бодхисаттв. Это персонажи с телом нежно-розового цвета, в зеленой с красным одежде ниже пояса, с пышными черными кудрями, с желтыми (золотыми) ожерельями и серьгами. В одном случае сохранилась желтая диадема, бело-зеленый лотос, на котором сидит бодхисаттва, и синий нимб [21]. Оба изображения отличаются хорошим качеством рисунка.

В одной из рукописей изображена большая, грубо выполненная черной тушью фигура в пышном венце с лентами; руки ее сложены в «мудре» (в одной руке какой-то предмет). Неясно, изображена ли одежда — узкий халат с отороченным воротником и рукавами — или это ожерелье и браслеты на полуобнаженной фигуре. Ноги поджаты. По-видимому, это кто-то из бодхисаттв [22].

Бодхисаттвы в иллюстрациях тангутских рукописей и ксилографов в подавляющем большинстве представляют описанный выше тип. Среди них особое место занимает бодхисаттва Авалокитешвара (Гуаньинь) — сострадательный дух, одно только произнесение имени которого вслух или мысленно может спасти от неисчислимых бед. Позднекитайское изображение этого персонажа в виде женоподобной фигуры в драпирующем высокую прическу покрывале для Центральной Азии, в частности для тангутов, вообще нехарактерно. Чаще его изображают либо в традиционном образе бодхисаттвы, либо в виде многорукого и многоликого существа. Один из вариантов последнего образа — фигура с одиннадцатью лицами. По-

мимо чисто мистически-религиозной символики этих одиннадцати лиц, объяснять которую в рамках нашего обзора было бы долго и затруднительно, есть народное осмысление данного образа. Согласно ему, Авалокитешвара, сидя в «Западном рае» — блаженной стране Сукхавати, все время думал о том, как избавить людей от страданий. Неожиданно увидев толпу душ людей, невинно погибших от человеческой жестокости, бодхисаттва ощутил такой прилив жалости и возмущения, что голова его раскололась на десять частей. Будда Амитабха, хозяин страны Сукхавати, создал из этих частей десять голов, а сверху добавил еще одну — свой собственный образ. В таком виде он встречается в книжной иллюстрации в тангутской сутре [23], на большой иконе, найденной в Харахото и хранящейся ныне в Восточном отделе Государственного Эрмитажа, а также на поздних тибетских иконах и в японских изображениях данного бодхисаттвы («Тысячерукая Кваннон»). Есть этот образ и в дуньхуанской книжной иллюстрации [24].

В иллюстрациях к ксилографам китайской части хара-хотинской коллекции есть несколько сцен, связанных с персонажами, близкими Будде. Это — изображение матери Будды в окружении 37 женских фигур (из них 10 — монахини) [25] и склоненного перед Буддой его ученика Субхути (фигура Будды отсутствует) [26].

В иллюстрациях к центральноазиатским книгам можно отметить несколько типов изображений духовных лиц. Чаще всего это буддийские монахи. Они изображаются в двух разных манерах в зависимости от стиля рисунка — индийского или китайского. К индийской манере относятся изображения монахов в плотно облегающей тело одежде, с волосами, трактованными в виде «шапочки». Второй тип менее стилизован. Мы видим большее разнообразие лиц, гладко выбритые головы, широкие, часто «лоскутные» рясы, непринужденность поз. В одной из уйгурских рукописей небрежно изображена большая фигура, похожая на буддийского монаха, в широкой рясе, в сапогах на высоких каблуках. На голове — не то волосы, не то головной убор. Ветка дерева в руках дает основание предполагать, что перед нами — один из вариантов изображения божества планеты Юпитер [27].

Буддийских монахинь с бритыми головами и в гладких одеждах можно увидеть на описанной выше гравюре, изображающей мать Будды.

Интересной представляется одна из фигур на рисунке рукописи из коллекции Кроткова [28]. Это полунагой аскет в двухцветной оранжево-синей одежде (накидка на плечах и набедренная повязка), с бородой, узлом волос на затылке, с

посохом. Тело его окрашено в темно-розовый цвет. По-видимому, это один из ранних индийских учителей.

Изображения манихейских священнослужителей в белых одеждах и высоких головных уборах, обнаруженные в большом количестве немецкими экспедициями, посетившими в разное время Центральную Азию, в Рукописном отделе ЛО ИВАН отсутствуют.

Культ планетных божеств, широко распространенный в Центральной Азии, нашел свое отражение и в книжной иллюстрации. В дуньхуанской коллекции хранится фрагмент большой ксилографической книги-«листа». В его верхней части помещена фигура «Будды пышно-пламенного блеска» (без головы) с «чакрой» в руках [29]. На сохранившейся части листа справа налево расположены: 1) божество Солнца в царском наряде с диском, на котором схематически нанесено изображение его символа — вóрона; 2) за спиной Солнца — сохранившийся фрагмент фигуры в доспехах, с обнаженным мечом. Согласно наиболее изученной тангутской иконографической традиции, это либо Раху, либо Кету — мифические планеты, якобы вызывавшие затмение Солнца и Луны. Поскольку данная фигура сопровождает именно божество Солнца, то, вероятнее всего, перед нами Раху; 3) под Солнцем — четырехрукий полуобнаженный гигант, вооруженный мечом, луком и стрелой, с длинными развевающимися волосами (лицо не сохранилось). Это, без сомнения, Марс, как его обычно изображают на турфанских стенных росписях и тангутских иконах; 4) под фигурой Будды — божество планеты Меркурий в традиционном образе женщины с бумагой и кистью в руках; 5) рядом с женщиной — божество планеты Сатурн в виде полунагого аскета индийского типа, с длинной бородой и волосами, со своими постоянными атрибутами — посохом, с привязанной к нему магической печатью, и прической, украшенной изображением головы быка; 6) часть изображения божества планеты Венера в виде женщины с лютней (сохранилась часть платья и бóльшая часть лютни). Под рисунками — 10 неполных строк с китайским текстом заклинаний-мантр соответствующим божествам [30].

Более полно представлены изображения планетных божеств в хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН. Остановимся на ксилографе, где есть 6 изображений планетных богов, расположенных по три фигуры в два ряда [31]. В верхнем ряду мы видим трех великанов: 1) полуобнаженный великан с развевающимися волосами и мечом в руке. Надпись неясна; 2) такой же великан. На головном уборе — змеи. За спиной — меч. В руках — крюк на длинной рукоятке. Надпись в картуше: «Жемчужная звезда». Судя по аналогичному образу в дру-

гих произведениях тангутской иконописи, это Кету; 3) великан с диском в руке. Волосы развевающиеся. Надпись отсутствует.

В нижнем ряду три фигуры: 1) персонаж в длинной пестрой одежде китайского типа. Волосы собраны на затылке под гофрированную наколку или шапочку. Первые два знака имени неясны (кажется, «пресмыкающееся» и «туман»); 2) персонаж с бородой и усами, в длинной китайской одежде с узорчатой оторочкой рукавов и воротника. На голове — высокая черная шапка с белым кантом. В руке — чаша. Надпись в картуше: «Звезды дерева» (Юпитер); 3) женская фигура в китайском платье с зубчатой каймой рукавов. В руке — не то две стрелы, не то две кисти. Если последнее толкование верно, перед нами — божество Меркурия (надпись отсутствует).

Изображения девяти планетных богов представлены в другом ксилографе[32]. Пожалуй, этот ксилограф может служить определителем планетных богов в других памятниках (к тому же все изображения с подписями): 1) гигант с развевающимися волосами. Тело полуобнажено. В руке — длинный прямой меч. Судя по помещенной внизу мантре, это Раху; 2) женская фигура в богатом платье, с лютней в руках. Надпись: «Мантра звезде металла» (Венера); 3) Кету. Полуобнажен. За спиной — меч в ножнах. На голове — повязка с украшением, напоминающим змею; 4) Сатурн. Одет в широкий халат китайского типа и сандалии. Спину покрывает пятнистая шкура. В этом можно усмотреть сходство с его изображением в описанной выше гравюре из Дуньхуана в виде аскета; символом аскетов также является иногда коврик из шкуры животного. На прическе — украшение в форме головы быка. В правой руке — посох, в левой — магическая печать; 5) Меркурий — женская фигура в китайском платье с гофрированной оторочкой рукавов. В руках — лист бумаги и кисть; 6) Юпитер — почти в той же одежде, что и на рисунке в предыдущем ксилографе. В руках — ветка дерева (символ Юпитера в восточной мифологии); 7) Луна — женская фигура в чрезвычайно богатой одежде, с украшениями в прическе. В руках — табличка. Надпись: «Мантра звезде великой Инь»; 8) мужская фигура в одежде верховного министра или правителя. В руках — табличка. Надпись: «Мантра звезде великой Ян» (Солнце); 9) Марс. Полуобнажен. Длинные развевающиеся волосы. Лицо грозное, с оскаленными зубами. Четыре руки. В них — стрела, лук, меч, китайская алебарда.

Из описания видно, что божества Солнца и Луны мыслились как символы двух основных начал — мужского и жен-

ского. Об этом свидетельствуют не только их названия — «звезда великой Инь» (женское начало) и «звезда великого Ян» (мужское начало), но и их одежда — облачение императора и императрицы. Близок к образу Солнца и образ Юпитера, также изображаемого в одежде правителя или сановника высшего ранга [33].

Есть изображение восьми коленопреклоненных перед Буддой планетных божеств и в китайской части хара-хотинского собрания [34].

В центральноазиатском и северном буддизме было распространено почитание докшитов — духов-хранителей веры, частично перешедших в буддизм из добуддийского пантеона тибетских, монгольских и тюркских народностей (есть докшиты и более древнего происхождения). Их изображают в виде грозных фигур со свирепыми лицами, всегда вооруженных. Чаще всего оружием докшита служит меч.

Образ докшита с мечом есть как в дуньхуанской, так и в хара-хотинской книжной иллюстрации.

В хара-хотинском собрании рукописей и ксилографов можно отметить две разновидности изображений докшита с мечом. Первая встречается в иллюстрациях к «Дашасахасрика-праджняпарамита-сутре» [35]. Это персонаж с удлиненным лицом, слабо выраженной монгольской складкой век, крупным орлиным носом, тяжелой нижней челюстью, короткой бородой, усами и бакенбардами. Волосы докшита собраны в узел и прикрыты наколкой, напоминающей китайскую чиновничью шапку. Он одет в пластинчатые доспехи, украшенные на груди и плечах мордами хищников (львов?). Из-под доспехов видна богатая одежда, светлая с черной каймой, длинные штаны, перехваченные под коленями завязками (по китайскому типу), и сапоги, обшитые металлическими пластинками. В руке — длинный прямой меч. Вокруг головы — нимб с отходящими от него языками пламени.

Другой докшит встречается в сюжете, крайне распространенном в тангутской книжной иллюстрации. Гравюрой с этим сюжетом снабжены тома «Махапраджняпарамита-сутры» независимо от содержания текста: докшит в пластинчатых доспехах, с длинными развевающимися волосами, с прямым мечом в руке, стоит у колодца, из которого вылезает дракон (единственное изображение дракона в тангутской гравюре). У ног докшита — привязанная к столбу лошадь, опрокинутый стол, фигура упавшего человека и женщина с кувшином на голове.

В дуньхуанской коллекции также было обнаружено изображение докшита с мечом, которое похоже на оба описанных выше типа докшитов. Однако волосы, покрытые слож-

ным головным убором (не то шлем, не то диадема), густые усы и бакенбарды, глаза навыкате, пламенеющий нимб сближают его скорее с образом первого докшита. Слева от духа-хранителя, на облаке, фигура монаха в «лоскутной» рясе и халате с широкими рукавами. Судя по отдельным штрихам, у ног докшита должны находиться еще какие-то фигуры, но нижняя часть рисунка не сохранилась [36].

В китайской части хара-хотинской коллекции сохранились также два варианта одного изображения — воина в полном вооружении, держащего меч поперек в правой руке [37].

Интересно наличие в центральноазиатских буддийских сочинениях портретных изображений. В одной из дуньхуанских рукописей, содержащей биографию Ашвагоши, есть его изображение (как явствует из надписи) в виде обнаженной по пояс фигуры. Лицо на портрете густо замазано тушью [38].

На основании анализа гравюр из китайской части хара-хотинской коллекции Л. Н. Меньшиков выделил портретные изображения императора Жэнь-цзуна и его семьи. По-видимому, тот же Жэнь-цзун фигурирует в качестве донатора и на некоторых гравюрах тангутской части коллекции [39].

Очевидно, один и тот же сюжет мог разрабатываться различными художниками по-разному. Это легко проследить на примере иллюстрации, изображающей докшита с драконом, к «Махапраджняпарамита-сутре». В одном из вариантов линии рисунка утолщены [40]. Следующий вариант этой гравюры иллюстрирует совсем другую сутру [41]. И хотя композиция сохранена, как и следует в буддийском религиозном искусстве, в самом рисунке чувствуется рука другого художника. Докшит с тангутским типом лица стоит на камне, изображенном в китайском стиле. Его доспехи — не пластинчатые, а состоящие из полос (кожи?), причем набедренники украшает бахрома. Нимб вокруг головы окружен языками пламени. Упавшая фигура, лошадь и служанка отсутствуют. Есть только колодец, но выползает из него не дракон, а толстая змея.

Интересны дорисовки от руки на гравюрах к сочинению секты Чань. Некоторые из них носят кощунственный, почти издевательский характер по отношению к изображенным персонажам. Так, плод в руке одного из «праведных ванов» (древних обожествленных правителей Китая) росчерком туши превращен в курительную трубку, свиток в руке другого — в плеть, которой данный персонаж как бы бьет себя по лицу [42]. Выше говорилось о карикатуре на Будду. По-видимому, и здесь имеет место сознательная насмешка, если только это не шалость ребенка.

Эта насмешка вызывает недоумение и потому, что в коло-

фоне одной из книг на китайском языке, найденной в Хара-хото, тангутская императрица Ло, приказав постричь в монахи 3000 тибетцев, тангутов и китайцев, желает при этом населению достичь славы и благоденствия, как при «праведных ванах» Яо и Шуне [43]. Эти слова свидетельствуют о глубоком уважении, которое тангуты-буддисты питали к памяти «праведных ванов», не являющихся, кстати, обычными членами буддийского пантеона.

Представляют значительный интерес иллюстрации к апокрифам. В тангутской коллекции ЛО ИВАН хранится издание «Суварнапрабхаса-уттамараджа-сутры» с гравюрой, иллюстрирующей содержание не самой сутры, а апокрифического предисловия. В нем излагается довольно популярный в буддийском мире сюжет о наказании за убийство живых существ. Оригинальным кажется конец рассказа, где грешник получает прощение и даже возвращается на землю из ада, дав обет переписать все 10 цзюаней упомянутой выше сутры [44].

Не вдаваясь в подробности содержания апокрифа, рассмотрим эту гравюру.

Гравюра отпечатана на листе, сложенном «гармоникой» (в четыре сгиба). На сгибах кое-где (на нижней полосе) — лакуны. Бумага светло-серая, вертикальные линии сетки не проглядываются, 6 горизонтальных линий в 1 см. Лист реставрирован на сгибах с оборотной стороны длинными полосами бумаги (по-видимому, реставрация того времени). Сверху и снизу гравюра обрамлена двойными линиями: жирной — внешней и тонкой — внутренней.

По горизонтали она разделена на две полосы. Три рисунка нижней полосы отделены друг от друга жирными вертикальными линиями. На верхней полосе сцены не отбиты. Судя по надписям, действие разворачивается с нижней полосы справа налево, а затем переходит на верхнюю в той же последовательности.

Нижняя полоса. Сцена 1. Надпись в левом верхнем углу, в картуше: «Чжан Цзюйдао забивает баранов и свиней» [45].

Двор бойни. Три человека забивают скот. Крайний справа вонзает нож в грудь лежащей перед ним на столе свиньи (черная китайская свинья). Изо рта свиньи льется кровь в глубокий черный таз, стоящий на земле. Мясник одет в короткую подпоясанную рубаху, длинные штаны и туфли. Волосы зачесаны на затылок и собраны в узел, обвязанный куском матерни, закрепленным лентой (китайская прическа). В центре другой человек готовится резать барана, подвешенного между двумя столбами. В зубах у человека — нож. Он засучивает рукава. Одет так же, как и первый (середина тулови-

ща скрыта изображением туши барана). На голове — не то невысокая черная шапка некитайского типа, не то повязка. Перед головой барана — также таз для сбора крови. В левом нижнем углу — третий человек готовится свернуть голову петуху. Перед ним лежат два убитых гуся. Человек обнажен по пояс. На ногах — длинные штаны и туфли. На голове — повязка.

Лицо первого персонажа необычного типа, с небольшой острой бородкой, выпуклым лбом и скулами и вздернутым носом. Лица двух других — широкие, с приплюснутыми носами. Средний — с широкой густой бородой. Крайний слева — без бороды, с приподнятыми кверху усами.

Обрамление: в нижнем правом углу — камни, стилизованные по-китайски; двор бойни покрыт небольшими растениями, собранными очень характерными «пучками»; в правом верхнем углу к столбу подвешены головы убитых животных (особенно выделяются головы барана и свиньи). Слева на заднем плане — угол здания, окруженный мощеной дорожкой.

Сцена 2. Надпись в правом углу, в картуше: «Однажды [Чжан] Цзюйдао внезапно заболел; [он] оглох [и] ничего не мог говорить».

Двор дома. На своеобразной террасе, под навесом сидит, поджав под себя ноги, главный персонаж. Одет в длинное платье неопределенного покроя. Лицо напоминает тип человека, изображенного справа в сцене 1 (но без бороды). Волосы растрепаны на висках, но на затылке собраны в узел. Левое плечо и рука обнажены. Больного поддерживают с боков две женщины в одежде и с прическами китайского типа. Лицо правой из них лишено индивидуальных черт. Лицо левой — с одутловатыми щеками и большим носом.

Перед ложем больного стоит на коленях маленькая обнаженная фигура в набедренной повязке. Из-за лакуны лицо отсутствует. Судя по развевающимся длинным волосам и своеобразной трактовке тела (резко выступающие ребра, набедренная повязка из шкуры животного), это демон. Он подносит ко рту больного непонятный предмет.

Перед террасой, на которой сидит больной, стоят два персонажа. Справа — женщина в платье с узкими некитайскими рукавами. Прическа — китайского типа. Лицо лишено индивидуальных черт. Слева — мужчина в халате с поясом и узкими рукавами. На голове — китайская чиновничья шапка. Обувь — тангутская. Лицо — круглое, с короткими щетинистыми усами, густой бородой и толстым вздернутым носом. Между этими двумя персонажами на земле — круглое блюдо с низкими краями. На нем размещены три чашки цилиндри-

ческой формы. В каждой чашке — по две небольших палочки (курительные свечи). Над ними взвивается огромный клубящийся язык пламени, над которым человек в чиновничьей шапке простер руку. В руках у женщины связка непонятных предметов (возможно, каких-то аксессуаров церемонии жертвоприношения).

Сцена 3. Надпись в две строки вдоль всей левой стороны рисунка: «Сначала Чжан Цзюйдао увидел четырех человек. Один из них держал в руках палку, [которой бил] Чжан Цзюйдао; второй держал мешок, [которым] заткнул рот [Чжан Цзюйдао]; третий ⟨...⟩; четвертый держал документ. [Он] связал кисти рук [Чжан Цзюйдао] и погнал его на дорогу, где его ждали жертвы и пострадавшие».

Группа из пяти человек (справа налево): «чиновник» в шапке и платье китайского покроя держит на вытянутых руках связку документов. Два демона ведут главного героя. Один из них, с традиционным для китайского искусства «демонским» лицом, держит главного героя за пучок волос на затылке. В другой руке у него палка. Одет в короткую одежду (виден по пояс; его заслоняет фигура «чиновника»). Рукава засучены. На голове — повязка, из-под которой выбиваются длинные развевающиеся волосы.

Второй демон, идущий впереди главного героя, одет так же, как и первый. На ногах — полосатые чулки и туфли (видна правая нога). Лицо — не «демонское», напоминает лица мясников в первой сцене, но его отличает огромная пасть с клыками.

Главный герой обнажен, если не считать повязки на бедрах. Тело — упитанное (трактовано по-китайски). Черты лица — те же, что и на предыдущем рисунке, но нос не вздернут. Руки связаны за спиной (видна веревка).

Впереди — человек с большой бородой, в темном платье китайского покроя, с широкими рукавами, в чиновничьей шапке с приподнятыми лопастями. Левой рукой прижимает к груди связку документов, правой указывает вперед. Лицо округлое, с большим носом.

Обрамление — стилизованные по-китайски скалы и «пучки» растений, группа людей в центре — в облаках, данных в характерном китайском стиле. Сверху, на горизонте, через весь рисунок — горы, трактованные по-китайски.

Верхняя полоса. Сцена 1. Границей сцены 1 является, по-видимому, большой картуш с тремя строками текста: «[Чжан Цзюйдао] из-за злых демонов дал обет переписать десять цзюаней сутры „Золотой блеск". [И] все жертвы и пострадавшие вознеслись [на небо], чтобы получить жизнь (букв. „рождение")».

Фигура демона со стилизованным по-китайски «демонским» лицом. Одет так же, как демоны в сцене 3 на нижней полосе. В ушах — кольца. В правой руке — длинная палка с круглым навершием. Перед ним, по-видимому, главный герой, но в китайском халате, шапке и чиновничьем поясе с бляхами. Лицо лишено индивидуальных черт (как и во всех последующих сценах). Перед обоими изображены животные из сцены 1 на нижней полосе, расположенные одно над другим. Фон — облака, простирающиеся и на следующую сцену.

Сцена 2. Под большим картушем, упоминавшимся выше,— коленопреклоненная фигура в китайском халате и шапке. Лицо без индивидуальных черт, с небольшой бородой (может быть, главный герой). Руки молитвенно сложены. Перед ним — большая фигура святого или божества. По мнению Л. Н. Меньшикова, это один из будд (редкое изображение). На нем монашеская ряса с темным кантом. Грудь и одна рука обнажены. Голова бритая. Между бровями — «урна» (круглое пятнышко, символ Будды). Сидит на лотосе, помещенном на круглом возвышении. Вокруг тела и головы — нимбы (вокруг головы — простой, вокруг тела — с узорчатой каймой и гофрировкой, условно передающей лучи света). Правая рука поднята от локтя вверх и вперед. С обеих сторон фигуры — на облаках и в сиянии — книги-«потхи», завернутые в ткань. Перед Буддой стоит на коленях маленькая фигура мужчины без бороды, в длинном халате без пояса, с обнаженной головой (виден узел волос на затылке). Перед его лицом — непонятные предметы, очевидно, тоже «потхи». В левом углу сцены — Яньло-ван, одетый в темный халат с широкими рукавами, в китайском императорском головном уборе (с верхней пластинки свешиваются стилизованные нити жемчуга — по четыре спереди и сзади). Лицом обращен к Будде. Руки сложены у груди, вся поза выражает почтение. Перед Яньло-ваном — стол. На нем — курильница и сосуды. По бокам — два человека в китайском платье, с волосами, заплетенными в два узла, и «чиновник» с развернутым свитком. Фон — облака, несколько «пучков» растительности и скалы, переходящие в следующую сцену. В картуше имеется надпись: «Перед троном задают вопросы и отвечают не торопясь».

Сцена 3. Человек в короткой одежде, с повязкой на голове, в полосатых чулках и туфлях, с палкой в правой руке — очевидно, демон — гонит грешников с кангами (колодками для преступников) на шее. Впереди, по-видимому, мужчина (лица не видно) в халате без пояса. Сзади — женщина с китайской прической, без верхнего платья, в короткой одежде, оставляющей открытыми плечи, руки и ноги по колено. Фон:

12 Заказ № 41

сверху — горы; вся группа в облаках; внизу — земля с поникшими растениями (продолжается до конца полосы).

Сцена 4. Надписи справа и слева, по-видимому, поясняют один и тот же рисунок. Надпись справа: «Яньло-ван выносит решение — [Чжан] Цзюйдао возродиться». Надпись слева: «[Яньло-ван] посылает демона-гонца проводить [Чжан Цзюйдао из ада]».

Главный герой в китайском халате и головном уборе, с молитвенно сложенными руками, но не коленопреклоненный. Перед ним бегущий человек в короткой одежде с засученными рукавами, в полосатых чулках и туфлях, в тангутском головном уборе (повязка с узлом надо лбом), очевидно, демон, но с обычным лицом, указывает герою дорогу. Фон: сверху — горы, трактованные по-китайски; группа — в облаках.

Прежде всего бросается в глаза большое число элементов реальной действительности в фантастическом сюжете. Две первые сцены нижней полосы дают точное изображение бытовых деталей. В сцене 1, на бойне, помимо людей, забивающих скот, мы видим массу реальных подробностей, несомненно взятых из жизни. Изображения животных настолько достоверны, что можно с первого взгляда определить их природу. Например, свинья в первой части картины — черная китайская свинья. Баран, белый с черными пятнами, вероятно, также принадлежит к какой-то определенной местной породе. Живо и выразительно изображен петух, лапы которого сведены от удушья (его душит мясник). Чисто бытовые предметы — деревянный стол на четырех ножках, ножи, которыми забивают скот (длинный и короткий), плоские чаши для сбора крови — делают картину интересной для этнографа. Способы забоя скота — свинью режут на столе, барана подвесили к двум столбам — любопытная черта быта Центральной Азии тех времен.

Даже в фантастических сценах оказываются отдельные элементы реальности. Свитки документов в руках адских «чиновников» в третьей сцене нижней полосы заключены в общую «обложку», что соответствует реальному способу хранения документов или книг-свитков в Китае и Центральной Азии. К свиткам, составляющим одну из таких связок, прикреплены свисающие ярлыки, служившие, как известно, для удобства нахождения того или иного свитка в связке. Книги-«потхи» в одной из сцен верхней полосы обернуты тканью совершенно так же, как это делают и по сей день в Тибете и Монголии. На грешников надеты канги, которые надевались на преступников в китайско-центральноазиатском судебном обиходе.

Хотя вся гравюра изобилует деталями, характерными для китайского искусства, и в целом исполнена в китайском стиле, даже поверхностный анализ позволяет отметить ряд черт, говорящих о том, что данное произведение искусства выполнено в тангутском государстве и, по всей вероятности, мастером-тангутом.

По лицам и телосложению изображенных персонажей прослеживается два антропологических типа, характерных для жителей Тангутской империи и их потомков — жителей современного Кукунора. Целесообразно условно обозначать эти типы как «тангутский тип № 1» и «тангутский тип № 2». Первый тип, свойственный простонародью, — коренастые круглолицые люди с короткими носами и ярко выраженными монголоидными чертами — дан в первой (мясники) и во второй сцене нижней полосы («заклинатель»). Это тип, близкий к описываемому Марко Поло[46]. Правда, наличие густых бород как будто не совпадает со сведениями, данными у Марко Поло, но густые бороды у жителей Кукунора были отмечены Н. М. Пржевальским[47].

Второй тип тангутов, более своеобразный, также встречается в произведениях тангутского искусства, в том числе и в рассматриваемой здесь гравюре. Это люди со слабо выраженной монгольской складкой века, с удлиненными лицами, с тяжелой нижней челюстью, с длинным прямым или орлиным носом. На гравюре этот тип встречается, пожалуй, даже чаще, чем первый. Мы находим его в сцене 2 нижней полосы (лицо одной из женщин), в сцене 3 (адский «чиновник» в темной одежде), в сцене 2 верхней полосы (Яньлован), в сценах 3 и 4 (демоны).

Тангутские характерные черты прослеживаются и в одежде изображаемых персонажей. Мясники в сцене 1 нижней полосы одеты так, как, судя по иконографическому материалу, одевались небогатые горожане, крестьяне и слуги[48]. Обувь «заклинателя» в сцене 2 нижней полосы — чисто тангутская, по-видимому войлочная, темная с белым кантом. Одежда демонов также похожа на ту, которую в тангутском государстве носили слуги. На демоне-гонце в последней сцене верхней полосы мы видим головной убор, характерный, по-видимому, именно для тангутов — повязка с узлом на лбу. На ногах изображаемых персонажей — главным образом тех же демонов — часто можно видеть полосатые чулки — элемент тангутского национального костюма[49]. Их следует отличать от китайских обмоток — детали, почти никогда не встречающейся на изображениях тангутов.

При всей точности передачи деталей быта в гравюре довольно силен элемент стилизации. Облик главного героя,

особенно на верхней полосе, совершенно теряет портретные черты (которые у него есть на нижней полосе, изображающей его земную жизнь) и превращается в схематическую, лишенную индивидуальных особенностей фигуру чиновника в китайском платье. Облака — основной фон в сцене 3 нижней полосы и на всей верхней полосе — трактованы по-китайски. В этом же стиле изображены камни в сцене 1 нижней полосы, горы в сцене 3 нижней полосы, земля с поникшей травой и горы на верхней полосе. Наряду с этими чисто китайскими элементами как украшение фона надо отметить небольшие растения, собранные «пучками», характерные скорее для центральноазиатского, чем для китайского искусства.

Интересно проследить постепенное изменение образа главного героя. В сцене 1 нижней полосы его черты угадываются в крайней правой фигуре. Бросается в глаза нетангутский тип лица — выпуклый лоб, выдающиеся скулы, вздернутый нос, также китайская прическа — узел волос, обвязанный материей (не следует забывать, что герой повествования — китаец). В сцене 2 нижней полосы, где присутствие главного героя не вызывает сомнения, ему присущи те же черты, за исключением бороды, возможно сбритой. В сцене 3 нижней полосы герой сохраняет тот же облик — меняется только форма носа. В сценах верхней полосы, как было сказано выше, изображение героя стилизованное.

Отчетливо обнаруживается в гравюре идеология самого художника. В сцене с мясниками художник-буддист, возможно следуя данному ему указанию, всеми имеющимися в его распоряжении средствами старается вызвать в зрителе отвращение к убийству живых существ. Мясники изображены как кровожадные чудовища. Особенно ярко это выражено в облике среднего мясника, решительно засучивающего рукава, и крайнего слева мясника, на лице которого плотоядная усмешка (особо подчеркнуты оскаленные зубы). В сцене 2 нижней полосы показана тщетность небуддийского обряда, проводимого не представителем буддийской церкви, а человеком в светском костюме, возможно частным «заклинателем». Следует отметить, что все, перечисленное выше, внесено самим художником — в тексте апокрифа об этом не сказано ни слова.

Сюжет «загробного суда» мы находим в иллюстрации к неопознанному сочинению в туркестанской коллекции ЛО ИВАН[50]. Рисунок сделан от руки и ярко раскрашен. Судя по композиции, действие развертывается справа налево.

В крайнем правом углу, после уйгурского текста, помещена фигура человека в синем с красным шлеме, зеленой одежде, желтых с красным доспехах, с мечом в руке. Лицо

не сохранилось. Он сидит за столом, покрытым синей скатертью с узкой белой каймой и широкими гофрированными оборками красного и зеленого цветов. На столе — тушечница, кисть и свиток. У ног данного персонажа большая голова чудовища, из пасти которого исходят, постепенно расширяясь, пять полос: синяя, желтая, зеленая, красная, черная. На первой полосе изображен небожитель, на второй — человек в чиновничьем платье китайского типа, на третьей — лошадь и корова, на четвертой — духи-преты (согласно буддийской традиции, души грешников, обреченных на вечный голод, изображаемые в виде истощенных существ со страшными лицами и вздутыми животами). Рисунок на последней черной полосе неясен. По-видимому, сидящий за столом занимается своеобразной «сортировкой» душ, которые должны возродиться в различных царствах.

Левее дана сильно фрагментированная сцена одного из адских мучений — «горы ножей»: на синих лезвиях повисло окровавленное тело грешника, его кожа желтого цвета, а волосы, кажется заплетенные в косу, черные.

Далее видны ножи и голова грешника с косой или пучком волос, заплетенных в узел на затылке. Судя по положению головы, грешник стоит на коленях перед занимающей левую часть страницы огромной фигурой человека, одетого в желто-синюю одежду высшего сановника, в разноцветной шапке с гофрированным верхом, с большими торчащими усами и небольшой бородкой, с грозным выражением смуглого, тщательно прорисованного лица. Он сидит на троне, за столом, на котором лежит развернутая книга. За его спиной персонаж в розовом халате, с прической в виде двух узлов, перехваченных лентами. Сбоку к столу протянута синяя лапа демона (изображение самого демона отсутствует). Нижний левый угол содержит фрагмент непонятного рисунка, возможно не связанного непосредственно со всей сценой.

Относительно левой фигуры сомнений быть не может: судя по иконографии образа, это Яньло-ван. Правая фигура, изображенная в столь же крупных размерах и с атрибутами судьи, непонятна. В канонических сочинениях в качестве судьи упоминается только Яньло-ван. Возможно, что перед нами — апокриф.

К данному сюжету близко изображение восьми существ, пребывающих в карме, — мужчины, женщины, асура, ракшаса (виды демонов), прета, змеи, птицы и лошади, — расположенных слева от фигуры Будды. Этот рисунок помещен в китайском ксилографе буддийского содержания, найденном в Хара-хото [51].

Другой, не менее любопытный апокриф, повествующий о

воплощении покойной жены лянского императора У-ди (502—549) в тело змеи и ее последующем перерождении на небе, также проиллюстрирован двумя хранящимися в тангутской коллекции гравюрами.

Наиболее хорошо сохранившийся экземпляр гравюры, как и гравюра с историей Чжан Цзюйдао, изображает последовательно все содержание апокрифа; сцены развернуты слева направо [52]. Мы видим У-ди на богатом троне, напоминающем трон божества в буддийском искусстве. Император одет в тангутский костюм — длинный халат с узкими рукавами, высокую цилиндрическую шапку с узорами, не имеющую аналогии среди китайских головных уборов, и военный набедренник. Ноги У-ди покоятся на лотосе. За спинкой трона — два гражданских чиновника и два персонажа в простых халатах, с традиционной тангутской прической «туфа» на обнаженных головах (по-видимому, слуги).

Напротив императора — монах в «лоскутной» рясе, с монашеским жезлом и повязкой на голове, знакомой по дуньхуанским рукописям. За спиной монаха — персонажи в халатах и войлочных шапках (судя по аналогичным персонажам на другом варианте гравюры, солдаты). У подножия трона — большая, свернувшаяся в клубок змея. Рядом с нею картуш с надписью: «Госпожа Ши в теле змеи проявилась». Слева от змеи — группа из двух гражданских и двух военных чиновников в тангутской национальной одежде — длинных узких халатах, у военных — набедренники и шлемы, у гражданских — черные шапки с розетками и завязками [53]. Справа от змеи, на некотором расстоянии друг от друга, две группы — двое военных чиновников, трое гражданских чиновников и слуга.

В верхней части гравюры, за спиной монаха и над головами солдат, на облаке изображена фигура женщины в сборчатой юбке, коротком верхнем халате или кофте, с наколкой на зачесанных кверху волосах. Рядом надпись в картуше: «Госпожа Ши в небесах возродилась».

В крайней правой части гравюры — большая фигура Будды центральноазиатского типа: бородка и усы, «лоскутная» ряса. Он сидит на троне. Ноги его покоятся на лотосе. Перед Буддой — коленопреклоненный бодхисаттва. Будда окружен группой из четырех бодхисаттв, десяти монахов в «лоскутных» рясах и двух полуобнаженных гигантов.

Вся нижняя часть картины — как бы фон, на котором происходит действие,— представляет собой подобие пола из отдельных плит, украшенных цветами лотоса. Так в буддийском искусстве изображается земля. Гравюра окружена рамкой, украшенной изображениями ваджры и жемчужин (одна

из них «чинтамани» — «пламенеющая жемчужина»). На углах рамки — косые кресты («вишваваджра»?) и «чакры».

Второй вариант иллюстрации к интересующему нас апокрифу более китаизирован [54]. Император — в традиционной китайской императорской одежде и шапке «тунтяньгуань». Чиновники одеты в халаты с широкими рукавами и китайские шапки с лопастями. Слуги за спиной императора заменены двумя служанками. За спиной монаха — группа людей в панцирях, со штандартами в руках.

Следует отметить, что некоторые костюмы в описанных выше гравюрах были распространены не только у тангутов, но и в других районах Центральной Азии. На одном из рисунков в собрании Н. Н. Кроткова мы видим женщину с высокой прической, в кофте с длинными рукавами и косым воротом и длинной сборчатой юбке [55]. В целом костюм очень похож на одежду императрицы. На другом рисунке из того же собрания перед бодхисаттвой стоит чиновник в черной шапке с длинными лопастями и в темно-зеленом халате с красным поясом [56]. По этому рисунку мы можем предположить цвет костюмов чиновников на китайском варианте гравюры, иллюстрирующей апокриф о лянском У-ди.

Особое явление в книжной иллюстрации — изображения растений, животных и человеческих лиц, сделанные от руки.

В дуньхуанской коллекции ЛО ИВАН хранится небольшой фрагмент листа из плотной бумаги с двумя такими рисунками — по одному на каждой стороне листа. На одном рисунке мы видим редкое изображение дракона: тело его изогнуто, но лишено змеиных черт, присущих обыкновенному китайскому дракону «лун», чешуя отсутствует. Сохранившаяся на рисунке лапа более похожа на лапу льва, а не дракона. На шее — вписанный в круг треугольник. На сохранившейся части головы можно различить выпученные глаза, оскаленную пасть, чешуйчатую нижнюю челюсть, торчащий нос (или ус), ухо (или рог). Общий облик изображенного животного напоминает не дракона, а скорее бирманского льва «чинтэй». По-видимому, здесь мы имеем дело с безрогим драконом «чи», похожим на льва [57].

На оборотной стороне листа рисунок, на котором изображено животное с массивным телом и небольшой головой на толстой шее. Грива отсутствует. На лбу — не то челка, не то несколько рогов. Возможно, перед нами многорогая лошадь [58] или многорогий олень [59] — животные, часто встречающиеся в китайском фольклоре. Пропорции тела резко отличаются от установившегося в центральноазиатском, в част-

ности тангутском, искусстве канона изображения лошади — животного с вытянутым телом, большой, четко прорисованной головой, короткой шеей, челкой и гривой. Полностью отвечает этому канону, например, тангутский рисунок лошади, сделанный на полях одной рукописи [60].

В туркестанской коллекции ЛО ИВАН есть еще одно изображение мифического существа. Скорее это не книжная иллюстрация, а фрагмент иконы, так как рисунок выполнен в красках на материи. Он изображает белого льва с грудью в красных крапинках или чешуйках. Лев сидит возле большого фиолетового цветка лотоса, на котором, вероятно, находилось изображение буддийского божества (ныне утерянное) [61].

Рисунки от руки, обнаруженные в тангутских рукописях, более свободны от правил канона и по праву могут считаться памятниками чисто тангутского искусства.

На вклейках в рисунках и в самих рукописях нередко встречаются изображения растений. Чаще всего это цветок лотоса, выполненный в различной манере, от схематичных цветов с большой чашечкой, но без листьев [62], до тщательно и реалистически сделанных рисунков, напоминающих изображения лотосов на картинах и иконах [63]. Кроме лотосов на полях рукописей попадаются цветы, похожие на хризантемы или пионы [64].

Фигуры животных, исполненные от руки тангутскими переписчиками, лаконичны и выразительны [65]. Выразительность, хорошо переданное движение, кажущаяся небрежной, но на самом деле изысканная манера исполнения — все это говорит о том, что мы имеем дело с определенным, совершенно самобытным стилем. Изображения растений и животных графически очень близки (если только перед нами не работа одного и того же художника).

Часты в центральноазиатских рукописях магические рисунки, главным образом магические круги. Один такой круг, ярко, но грубо раскрашенный, нарисован в уйгурском документе [66]. Он состоит из нескольких поясов. Внешний пояс — красные языки огня с синими клубами дыма, затем пояс сплошного уйгурского курсивного текста без интервалов. В центре на красном фоне — восьмиконечная сине-красная звезда.

В тангутских рукописях магические круги встречаются очень часто. Это — мандала неизвестного божества с его изображением внутри и надписью «хум хум» [67] и многочисленные круги с надписями и расположенной в центре шестиконечной звездой [68]. В Хара-хото среди китайских рукописных фрагментов есть мандала, обрамленная надписями [69].

Там же найдена раскрашенная гравюра монгольского времени, изображающая ваджру, украшенную лентами, с тибетской надписью в центре [70].

В собрании С. Ф. Ольденбурга хранится лист без текста, окрашенный желтой краской, с красной рамкой и отбивкой строк. На строках вместо текста — странные знаки, напоминающие павлиньи перья. По-видимому, это амулет [71].

Остальные рисунки, хранящиеся в центральноазиатских коллекциях ЛО ИВАН, сильно фрагментированы. Некоторые из них представляют собой, по-видимому, фрагменты буддийских религиозных изображений. В одном из документов собрания Кроткова мы видим часть белого лотоса, сине-красные квадраты, вероятно символизирующие землю, и четыре пляшущие, очень схематично выполненные обнаженные фигуры, похожие на детские [72].

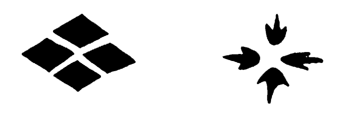
Как образец чисто светской иллюстрации можно привести уйгурский фрагмент с текстом черной и красной краской и планами крепостей. Слева от текста — два квадрата, три сплошных линии с точками по бокам и ломаная линия, изображающая стену и башню. Справа изображение зубчатой стены, воды (ров?), данной волнистыми линиями, часть четырехугольной стены с башнями по углам (даны квадратами), внутренние строения и надвратная башня [73].

Два тибетских раскрашенных изображения, находящихся в собрании С. Ф. Ольденбурга, возможно, представляют собой гадательные карты, столь обычные для позднего буддизма. Это изображения грозных тантрических богинь. Одна из них сидит на фантастической птице с рогами и хоботом. Волосы длинные, забранные в свободный узел, перехваченные тонким обручем с черепом спереди. В правой руке — неизвестный предмет. Раскрашены только фон — красно-фиолетовый внутри и синий за рамкой, — часть одежды и тело птицы (тонировано фиолетовым) [74]. Второй рисунок раскрашен так же. Богиня сидит на звере с хоботом и оленьими рогами. В руке — отрубленная человеческая голова. Оба рисунка выполнены столь четко, что кажутся напечатанными. Бумага склеена из нескольких слоев. На обороте тибетский курсив.

3. Виньетки

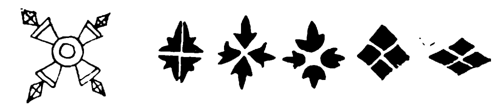
Виньетки как украшение книжного листа не характерны для дальневосточного и центральноазиатского регионов. Чаще всего они встречаются в тангутских рукописях и ксилографах, а также в более поздних монгольских книгах.

Обычная форма монгольской виньетки представляет собой сочетание из четырех ромбов или листообразных элементов:

По мнению Д. Кара, данный знак, который ставится в конце текста, характерен для XIV—XVII вв.[75]. Анализ дошедших до нас памятников тангутской письменности, в подавляющем большинстве относящихся к XII в., заставляет нас не только коренным образом пересмотреть вопрос о датировке интересующего нас орнамента, но и проследить генезис последнего.

Тангутские ксилографы дают нам множество образцов знаков, упоминаемых Д. Кара, в самых различных их начертаниях. Тут и комбинации ромбов и листообразных элементов, и более сложные конструкции, являющиеся вариантами обеих форм. Наконец, в одной из книг наряду с виньетками помещен знак, в котором нетрудно узнать исходную форму данного орнамента — крест из ваджры («вишваваджра»)[76]. Ваджра — древний индийский символ молнии, перешедший в буддийское искусство. Удвоение ваджры придает в глазах верующих изображению особую силу. Поэтому неудивительно, что этот символ часто встречается в священных книгах в качестве орнамента. Сопоставление виньеток дает следующую картину постепенного упрощения исходной формы:

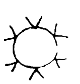
В упомянутой тангутской книге упрощенные «вишваваджра» отмечают концы абзацев, а полный вариант знака помещен в конце книги.

Другая, также связанная с символикой буддизма форма виньетки — свастика (символ мира, находящегося в вечном движении). Она встречается и в виде одиночных знаков, и по три подряд[77]. Как и полагается в буддийской стране, тангуты изображали обе формы свастики — собственно свастика и свастикайа, лопасти которой повернуты слева направо.

Чрезвычайно интересно было обнаружить на месте заклеенного знака виньетку в форме китайского знака «инь-ян»

(или «Великая монада», как одно время называли этот знак европейские синологи), так как это — едва ли не единственное изображение данного знака во всей тангутской коллекции ЛО ИВАН [78]. Знак изображался в виде круга, разделенного на две половины — темную и светлую, символизирующего единство двух начал.

Иногда виньетки представляют собой сочетание «вишваваджра» и свастики, двух «вишваваджра» — одна над другой, «вишваваджра» и круга [79]. Встречаются рядом с «вишваваджра» или отдельно в качестве виньеток своеобразные розетки.

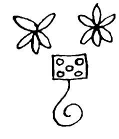

Разновидности тангутских виньеток

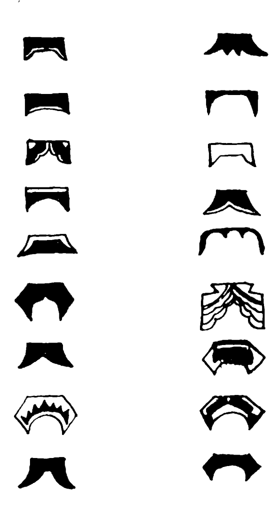
Самая простая форма виньетки — черный квадрат [80].

На первой странице одной из тангутских рукописей помещен, очевидно в декоративных целях, знак, символика которого пока не поддается истолкованию:

Декоративный знак

Совершенно особую категорию декоративных знаков представляют собой фигурные скобки различной формы, с помощью которых отбиваются большие разделы в словарях «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории». Их многообразие может быть объяснено либо тем, что текст для досок писали разные писцы, либо тем, что книги эти отпечатаны с комплекта досок, подобранных из нескольких наборов.

Образцы фигурных скобок в тангутских ксилографах

4. Рамки

Одним из наиболее простых видов художественного оформления центральноазиатской книги являются цветные рамки и цветная отбивка строк.

Цветная отбивка строк обычно делалась красной или коричневой краской. В этих случаях поля (верхнее и нижнее) отбивались черной тушью.

Когда отбивка строк сделана черной тушью, то рамки могут быть цветными, главным образом красными. Нередки двойные двухцветные рамки, обычно красные с черным [81]. Есть образец коричнево-зеленой двойной рамки [82]. Иногда и рамка, и отбивка строк делаются одним красным цветом. В отдельных случаях в двух цветах дается не вся рамка, а только одна из ее сторон [83].

5. Цветные надписи

В центральноазиатских рукописных книгах нередко писали текст светлой краской на темном фоне. Обычное сочетание в таких случаях — текст золотом на синей бумаге. Такова «Саддхармапундарика» на тангутском языке, изданная Морисом в 1904 г. [84]. В тангутской коллекции ЛО ИВАН также хранится фрагмент рукописи, написанной золотом по синему [85]. Правда, краски со временем выцвели: золото кажется тускло-желтым, а бумага синевато-черной. В одной из рукописей дуньхуанской коллекции поверх свитка наклеена полоска синей бумаги с надписью золотом [86].

В более поздних центральноазиатских рукописях мы наблюдаем такой же способ украшения книги. Хранящийся в монгольской коллекции экземпляр «Алтун Ярук» написан светлой краской по черной бумаге [87]. В тибетском фонде ЛО ИВАН есть многочисленные экземпляры небольших буддийских молитвенников, написанных золотом и красной краской по черному глянцевитому фону. Такие книги могут быть украшены миниатюрами, также на черном фоне.

Для написания текста использовались и другие краски, например красная. Так, одна из рукописей тангутской коллекции целиком написана красно-коричневой краской [88], а в другой тангутской рукописи с двухстрочными комментариями одна строка комментариев написана черной, а другая — красной краской [89].

Так отразилась в книжной иллюстрации и художественном оформлении книг богатая духовная жизнь народов Центральной Азии. И не только духовная жизнь: по книжной

иллюстрации легко воссоздать внешний облик, одежду, оружие, орудия труда тех народов, среди которых она создавалась [90]. Все это лишний раз подтверждает положение о том, что книга, как зеркало, отражает не только идеологические построения и научные знания данного общества, но его культуру в целом, включая и те ее стороны, которыми обычно занимаются этнографы.

ПУТЬ НА ЗАПАД
(вместо послесловия)

1. Как книгопечатание стало достоянием всего мира

Итак, в Центральной Азии книга прошла все стадии развития — от деревянных дощечек до печатной книги-кодекса. Книгопечатание и по сей день является незаменимым и наиболее совершенным способом воспроизведения и размножения текстов. Как было сказано в главе третьей, по данным археологии и палеографии, нигде, кроме Центральной Азии и Дальнего Востока, в те отдаленные времена не было печатных книг. Напрашивается вывод: книгопечатание появилось на Дальнем Востоке и через страны Центральной Азии — связующее звено между Востоком и Западом — проникло в Европу.

Но для любого утверждения нужны факты. Они существуют, и в немалом количестве.

Положение о том, что книгопечатание было изобретено в Китае, подтверждено находками раннепечатных текстов на китайском языке: дхарани императрицы Сётоку (770 г.), «Алмазная сутра» (868 г.), иконы с текстом из Дуньхуана (950 г.). Данные об этих книгах можно найти у К. К. Флуга, Т. Ф. Картера и Е. И. Кацпржак[1].

Изложенный в книге материал позволяет сделать вывод, что Центральная Азия с ее синкретической культурой, созданной на караванных путях, соединявших страны Востока и Запада, сыграла роль моста, по которому искусство книгопечатания достигло Европы.

В первоисточниках нет прямых указаний на то, каким образом великое изобретение проникло через страны ислама, где книгопечатание долгое время считалось делом почти кощунственным. Наиболее ранний памятник исламского книгопечатания — фрагмент XIV в., содержащий отрывок из Корана и обнаруженный в Египте[2]. Но из-за плохой сохранности нельзя сказать что́ это — обрывок страницы или амулет, отпечатанный с помощью штампа. Основываясь на косвенных данных, некоторые исследователи полагают что кси-

лографическое книгопечатание могло попасть в Европу в XIV в. через территории, покоренные монголами[3]. Именно к этому времени (1400 г.) относятся первые попытки европейцев печатать с досок — первые произведения европейской печати были, как и на Востоке, ксилографами. Вопреки распространенному мнению ксилографическим способом печатались не только гравюры религиозного содержания, но и небольшие тексты, и даже книги. Форма досок, с которых печатались книги, брошюровка книг вплоть до размещения на одной доске текста двух страниц и получения таким образом двойного листа носят явные следы восточного влияния. Всего таких ксилографов известно около 50[4].

Ксилографическое книгопечатание просуществовало в Европе около полувека. В дальнейшем развитие книгопечатания в Европе шло своим путем. Обусловленное особенностями китайской письменности, печатание с досок у европейцев не привилось. Однако заслуживает внимания тот факт, что расцвет наборного книгопечатания начинается почти сразу после того, как закончило свое существование европейское ксилографическое книгопечатание, и даже еще в период его существования. Считающийся отцом наборного книгопечатания в Европе Иоганн Гутенберг приступил к регулярному печатанию книг в 1447 г. (вспомним, что последний европейский ксилограф был напечатан около 1450 г.). Славянский первопечатник Швайнпольт Феоль выпустил свои первые книги в Кракове в 1491 г. Иеромонах Макарий, работавший в типографии воеводы Георгия Черноевича, начал печатание книг в 1493 г. Таким образом, не исключено, что именно ксилография привела европейцев сначала к идее печатания вообще, а затем и к идее наборного шрифта, как это было на Востоке.

Появление книгопечатания в Европе знаменовало собой рост новой экономической формации и производственных отношений, которые помогли европейцам сбросить цепи феодализма, тормозящие развитие культуры. Фридрих Энгельс в работе «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» писал: «Распространение книгопечатания, возрождающийся интерес в античной литературе, все культурное движение, которое с 1450 г. становится все более сильным, все более всеобщим,— все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма»[5].

1450 год — год окончательного введения Гутенбергом книгопечатания в Европе.

2. Первые сведения о восточном книгопечатании у европейских авторов

Первое упоминание в европейской литературе о китайском книгопечатании относится к 1546 г. Венецианский ученый Паоло Джиовио (Иовиус), просмотрев коллекцию китайских книг, привезенных из Кантона португальскими путешественниками, написал в своем труде: «Что кажется чрезвычайно удивительным, это то, что там (в Кантоне) есть искусные печатники, которые печатают исторические записи и описания священных церемоний; наиболее длинные сочинения складываются в четвертные листы. Эти тома, присланные королем Лузитании, нам любезно показал папа Лев. Это (т. е. печатные книги) свидетельствует о том, что до того, как португальцы проникли в Индию, искусство [книгопечатания] пришло к нам через Скифию и Московию, как свидетельство несравненного... искусства китайцев» [6].

Таким образом, Иовиус первым из европейцев пришел к выводу о том, что книгопечатание в Европу пришло с Востока. Хотя Иовиус принадлежит к числу авторов, хорошо осведомленных об обычаях России того времени, его странное заявление о проникновении книгопечатания из Китая в Европу именно через русские земли не подкрепляется ни летописями, ни археологическими материалами и поэтому представляется необоснованным. Сообщение о создании типографии в Москве относится к 1555 г., т. е. на 108 лет позднее открытия типографии Гутенберга.

Но, если свидетельство Иовиуса является первым сообщением в европейской литературе о собственно китайском книгопечатании, мы располагаем гораздо более ранними сведениями о сопутствовавших печатанию с досок игральных картах и бумажных деньгах, также имеющих восточное происхождение и являющихся полиграфической продукцией.

Возникнув в Китае на рубеже X—XI вв., карты попали в Европу, по-видимому, через арабов. Две игральные карты, найденные в Восточном Туркестане, подтверждают тот факт, что игральные карты того времени были печатными[7].

Первые достоверные сведения о картах в Европе относятся к XIV в.[8]. В 1377 г. Хуан I Кастильский издал указ о запрещении игральных карт, что свидетельствует о широком их распространении. Иоанна, герцогиня Брабантская, упоминает об игральных картах в 1379 г. Бернард Сиенский прочел проповедь против карт в соборе Св. Петра в Риме.

 В сообщениях средневековых европейских авторов нет

указания на Китай как на родину карт, но отмечается, что карты пришли с Востока.

Картер связывает искусство изготовления игральных карт с печатанием бумажных денег[9]. Гильом Рубрук, посетивший восточные страны в 50-х годах XIII в., первый из европейцев сообщил о хождении бумажных денег в Китае[10].

Марко Поло, самая ранняя редакция книги которого относится к 1298 г., также говорит о бумажных деньгах. Он описывает их как части луба тутового дерева (тут ошибка: в XIII в. на Востоке была известна бумага), к которым «приложена печать великого хана»[11]. Именно такие деньги обнаружены П. К. Козловым в Хара-хото. При взгляде на них становится ясно, что это образцы высокоразвитого печатного искусства[12].

Вслед за Иовиусом о китайском книгопечатании заговорили и другие европейские авторы. В письме Бушбека, датируемом 1562 г., говорится о китайском книгопечатании[13]. Монтень также был поражен тем фактом, кто китайцы издревле обладали этим искусством (его высказывание относится к 1588 г.)[14].

Афанасий Кирхер, известный своими трудами в самых различных областях науки, не обошел и книгопечатание. В своей книге о Китае (1667 г.) он отвел великому изобретению особый раздел. Отметив, что печатание с досок удобнее для иероглифического текста, чем набор, Кирхер заключил, что нельзя говорить о какой-либо связи европейского книгопечатания с восточным и европейское печатание подвижными литерами предшествовало китайскому[15]. Разумеется, он не мог знать ни об изобретении наборного книгопечатания Би Шэном (1049 г.), ни о литерах в Восточном Туркестане, найденных уже в нашем веке, ни о печатании наборным шрифтом в Корее в XIII в.

В XVIII в. Филипп Купле, основываясь, по-видимому, на сочинениях католических миссионеров, отметил дату возникновения китайского книгопечатания — 930 г.[16]. Дата эта близка ко времени, когда Фэн Дао начал печатать конфуцианский канон — 962 г. Если вспомнить, что некоторые китайские источники считают это событие началом книгопечатания, невольно возникает мысль о том, что Купле каким-то образом стали известны сообщения китайских авторов.

Герард Меерман в 1765 г. говорил о раннем китайском книгопечатании, основываясь на данных арабо- и ираноязычных авторов, в частности на историческом труде Абу Сулеймана Дауда-Банакати. О работе Меермана и других ранних сообщениях о китайском книгопечатании есть сведения в книге И. Томаса, вышедшей в 1810 г.[17].

13 Заказ № 41

В 1824 г. Юлиус Клапрот, основываясь на изучении подлинных китайских источников, обогатил науку неизвестными до того времени данными по истории книгопечатания [18]. В 1847 г. была опубликована знаменитая работа Станислава Жюльена о китайском книгопечатании, объединившая практически все, что было известно по данному вопросу в то время [19].

Очень краткое, но достоверное сообщение об изобретении книгопечатания в Китае сделал в своей книге «Китай» Джон Девис в 1857 г. [20].

В 1860 г. в одном из периодических английских изданий по книговедению была опубликована статья сэра Роберта Керзона, в которой было помещено письмо Томаса Мидоуса лорду Элджину, содержащее чрезвычайно полные и ценные для своего времени сведения о китайском книгопечатании [21]. К сожалению, малая популярность издания, в котором была напечатана статья, способствовала тому, что материал долгое время ускользал от внимания читателей, интересовавшихся историей китайского книгопечатания.

Подводя итоги, можно сказать, что сведения ранних европейских авторов о книгопечатании в Китае были скудными, случайными, если не считать случая с Купле, до сих пор не объясненного, и только Клапрот, Жюльен и Девис создали более или менее полную картину развития великого изобретения, впервые пользуясь первоисточниками. В настоящее время настольными книгами палеографов-востоковедов являются труды Т. Ф. Картера и К. К. Флуга, систематизировавших весь накопленный материал — как письменный, так и археологический.

Все изложенное выше позволяет определить роль Центральной Азии в развитии книжного дела не только на Востоке. Мы видим, как в процессе многовекового культурного развития появилась материальная база книжного дела — средства для письма и печатания. Длительные поиски привели к многочисленным типам брошюровки, образовавшим в конце концов форму, максимально приближенную к современному книжному блоку. Различные системы письменности, бытовавшие в Центральной Азии, в силу межнациональных контактов не только соседствовали на страницах рукописей или на каменных памятниках, но даже развивались по общим графическим законам. Дошедшая до наших дней литература средневековой Центральной Азии раскрывает сложность и своеобразие культуры ее создателей, несомненно результата взаимодействия различных культур. Развитие книжного дела

в интересующем нас регионе привело к его вершине — книгопечатанию, проникшему впоследствии на Запад. Таким образом, историю развития книжного дела в странах Центральной Азии нельзя не признать важным звеном в цепи истории развития мировой культуры.

Когда наш современник берет в руки книгу, газету, журнал, читает театральную афишу, любуется гравюрой, держит в руке колоду карт или бумажные деньги, ему следует задуматься, каких трудов стоило человечеству достичь простого на первый взгляд искусства печати, какой огромный путь во времени и пространстве проделала печатная продукция, чтобы попасть в руки людей нашего времени в привычном нам виде. Давно умершим труженикам, гениальным мыслителям и мастерам, создавшим бумагу, тушь, письменность, книгопечатание, гравюру, почтительно посвящает автор свою книгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

[1] *Обермайер Г.* Доисторический человек. Пер. П. Ю. Шмидта. СПб., 1913, с. 246—250.
[2] Там же, с. 248.
[3] Там же, с. 501, 504—506.
[4] *Кучера С.* Китайская археология. М., 1977, с. 85—86.
[5] Подробно историю дуньхуанской библиотеки см.: *Пань Сецзы.* Дуньхуан могаоку ишу (Искусство пещер Могаоку в Дуньхуане). Шанхай, 1957.
[6] *Carter T. F.* The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N.Y., 1955, c. 55.
[7] *Ольденбург С. Ф.* Пещеры тысячи будд.— Восток. Вып. 2. 1922, с. 57—66.
[8] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-хото. СПб., 1914, с. 15.
[9] *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.—Пг., 1923, с. 556.

Глава первая

[1] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 3—4.
[2] *Stein A.* Serindia. Vol. 1. Oxf., 1921, c. 348, 462.
[3] Рукописный отдел ЛО ИВАН, шифры: ТД 1, 4, 7, 8, 10—12, 23—25.
[4] ТД 2.
[5] ТД 5, 6.
[6] *Diskalcar D. B.* Materials on Which Indian Epigraphical Records were Incised.— The Journal of Indian History. 1958, vol. 36, pt 1, c. 65.
[7] *Бируни А. Р.* Индия.— Избранные произведения. Т. 2. Таш., 1963, с. 175.
[8] *Stein A.* Kalhanaš Rajatarangini: A Chronicle of the Kings of Kasmir. Westminster, 1900, vol. I (VII), c. 508, vol. III (VIII), c. 138.
[9] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 4.
[10] *Grohmann A.* Corpus Papyrorum Raineri III. Series Arabica. I Allgemeine Einführung in die Arabischen Papyri. Vienna, 1924, c. 52.
[11] *Day F. E.* Silk of Near East.— Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1950, N 4. December, c. 108.
[12] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 4.
[13] Там же.
[14] Там же, с. 9.
[15] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае. М., 1959, с. 13—14.
[16] Шо вэнь цзе цзы чжэнь бэнь (Разъяснение иероглифов простых и сложных). Шанхай, 1936, цэ 5, цзюань 13, л. 85б (Сы бу бэй яо).
[17] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 5.
[18] *Лао Кан.* Лунь чжунго цзао чжи шу чжи юаньши (К вопросу о ранней китайской бумаге).— Bulletin of the Institute of History and Philology, Academy Sinica Shanghai. 1948, N 19, c. 496—498.

[19] *Пань Цзисин.* Чжунго цзао чжи цзишу шигао (Исторический очерк техники изготовления бумаги в Китае). Пекин, 1979, с. 24—28; *он же.* Чжунго гудай цзао чжи цзишу ши ти яньцзю (Исследование по истории техники изготовления бумаги в древние времена в Китае). — Вэньу. Пекин, 1975, № 10 (3), с. 84—88, 1977, № 1 (4), с. 51—58, 1979, № 2 (5), с. 38—48; *он же.* Тань хань Хань по дун Хань му чуту ди ми чжи (Конопляная бумага из погребений Ранней Хань и Восточной Хань). — Вэньу. Пекин, 1977, № 1, с. 62—63; *Ван Цзюйхуа, Ли Юйхуа, Дун Чжиюань.* Каогу синь фасянь бу нэн фоу дин Цай Лунь цзао чжи (Вновь обнаруженная археологами бумага, несомненно сделанная Цай Лунем).— Гуанмин жибао. 16.09.1979; *Дан Шоушань.* Ганьсу Увэй сянь хань Хань чжуй по дун Хань му фасянь гу чжи (Древняя бумага, обнаруженная в погребениях Ранней Хань и Восточной Хань в уезде Увэй провинции Ганьсу).— Вэньу. Пекин, 1977, № 1, с. 59, 61.

[20] *Зотов А. П.* К вопросу о «шелковых бумагах».— Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1961, № 9, с. 48—54.

[21] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 15.

[22] Там же, с. 16; *Бунаков Ю. В.* Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае. М.— Л., 1940, с. 388.

[23] Гу цзинь ту шу цзи чэн (Собрание древних и новых картин и текстов). Шанхай, 1934, цэ 654, цзюань 152, с. 30.

[24] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги сунской эпохи. М.— Л., 1959, с. 32.

[25] Гу цзинь ту шу цзи чэн, цэ 654, цзюань 152, с. 28.

[26] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 16—17; *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 32; Гу цзинь ту шу цзи чэн, цэ 654, цзюань 152, с. 29.

[27] Гу цзинь ту шу цзи чэн, цэ 654, цзюань 152, с. 30.

[28] Там же, с. 30; *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 53.

[29] Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева. М., 1955, с. 119.

[30] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 16; Гу цзинь ту шу цзи чэн, цэ 654, цзюань 152, с. 30.

[31] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 34.

[32] Гу цзинь ту шу цзи чэн, цэ 654, цзюань 152, с. 28.

[33] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 17.

[34] *Stein A. Serindia,* с. XIX; *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 7.

[35] Там же.

[36] См. заключение экспертизы ВНИИБ, хранящееся в тангутской коллекции Рукописного отдела ЛО ИВАН.

[37] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в Центральной Азии в домусульманский период.— Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988, с. 333.

[38] *Страбон.* География. М., 1964, с. 666.

[39] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Индии. — Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988, с. 42.

[40] Там же.

[41] *Hummel A.* The Development of the Book in China — JAOS. 1941, vol. 61, с. 74.

[42] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 40.

[43] Там же.

[44] 134, ТК-58. Первая цифра представляет порядковый номер описания по кн.: *Меньшиков Л. Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-хото (фонд П. К. Козлова). М., 1984; вторая — шифр.

[45] О сортах дуньхуанской бумаги см.: Giles L. Dated Chinese Manuscripts.— BSOAS. 1935, vol. 7, pt 4, с. 814—817; ***Меньшиков Л. Н.*** О датировке рукописей из Дуньхуана. — *Воробьева-Десятовская М. И. и др.* Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2. М., 1967, с. 567—593.

[46] Подробно о тангутской бумаге см.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981, с. 9—24.

[47] Тангутский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН (далее — т. ф.), инв. № 3644, 4351.

[48] Т. ф., инв. № 2357.

[49] Т. ф., инв. № 409.

[50] Т. ф., инв. № 1988.

[51] Т. ф., инв. № 1240.

[52] Т. ф., инв. № 2837, 2841, 2851, 2870, 2872, 2873.

[53] Т. ф., инв. № 2841, 2851.

[54] *Тугушева Л. Ю.* Раннесредневековая уйгурская рукописная книга.— Рукописная книга в культуре народов Востока, с. 359.

[55] *Тугушева Л. Ю.* Древние уйгурские стихи.— СТ. 1970, № 2, март — апрель, с. 103.

[56] *Тугушева Л. Ю.* Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР.— Тюркологический сборник 1971. М., 1972, с. 244; *она же.* Уйгурская рукопись из собрания ЛО ИВАН СССР. — ППВ (ежегод.) 1969. 1972, с. 316; *она же.* Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из гл. X) — ППВ (ежегод.) 1971. 1974, с. 255; *она же.* Два колофона из собрания древнеуйгурских рукописей ЛО ИВАН СССР. — Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с. 252; Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980, с. 4.

[57] *Тугушева Л. Ю.* Два уйгурских документа из Рукописного собрания Института востоковедения Академии наук СССР.— СТ. 1975, № 4, июль — август, с. 93.

[58] Уйгурские рукописи из коллекции Кроткова:

3322—3324, $\frac{\text{Kr IV}}{575\text{—}577}$.

[59] 3323, $\frac{\text{Kr IV}}{576}$.

[60] Т. ф., инв. № 6808, 7099.

[61] *Меньшиков Л. Н.* Описание китайской части коллекции из Харахото, с. 94.

[62] Там же, с. 95.

[63] Арабский ф., Д. 345.

[64] *Баевский С. И.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. 5. М., 1968, с. 9; шифр: В 523.

[65] ***Гранстрем Е. Э.*** Унциальный период византийской письменности.— Византийский временник. М., 1969, т. 29, с. 234.

[66] *Пигулевская Н. В.* Описание сирийских рукописей Ленинграда.— ПС. 1960, вып. 5(69), с. 202—203; см. шифр: сир. ф., № 2.

[67] Сир. ф., № 15—17.

[68] *Пигулевская Н. В.* Сирийский и сиро-тюркские фрагменты из Хара-хото.— СВ. М., 1940, № 1, с. 214. Настоящая хлопковая бумага характерна для Средней Азии и Хорасана (см.: ***Пигулевская Н. В.*** Описание сирийских рукописей Ленинграда, с. 195).

[69] Сир. ф., № 17.

[70] Монг. ф., В 62 (В 71).

[71] Монг. ф., В 119 (В 137).

[72] Phellodendron amurensis purp.

[73] Институт востоковедения Академии наук УзССР, № 415, список XVII в. Перевод см.: *Семенов А. А.* Рецепты оформления старинных восточных рукописей.— Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. 29. Душ., 1954, с. 89—98.

[74] Там же, с. 94. По мнению покойного научного сотрудника Института рукописей АН УзССР Адилова, эти цветы — хорошо известные в Бухаре «петушиные гребешки».

[75] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 7.

[76] *Wang Chi-chen.* Notes of Chinese Ink.— Metropolitan Museum Studies. № 3, pt 1. 1930. December, c. 119—121.

[77] Там же, с. 122.

[78] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 37.

[79] *Davis J. F.* China. Vol. II. L., 1857, c. 180; *Julien S., Champion P.* Industries anciennes et modernes de l'empire chinois. P., 1869, c. 129—140.

[80] *Carter T. F.* The Invention of Printing. c. 33.

[81] Там же.

[82] Там же, с. 32.

[83] Там же.

[84] Т. ф., инв. № 409.

[85] *Morisse M. G.* Contribution préliminaire a l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hsia.— Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions. P., 1904. 1 ser., t. 11, pt. 2, c. 313—379.

[86] *Семенов А. А.* Рецепты оформления старинных восточных рукописей, с. 97.

[87] Там же, с. 92.

[88] *Bühler G.* Detailed Report of a Tour in Search of Sanscrit MSS made in Kasmir, Rajputana and Central India.— Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. Bombay, 1877, Extra number, c. 30.

[89] *Wang Chi-chen.* Notes of Chinese Ink, c. 122.

[90] *Feifel E.* Specimen of Early Brush Writing.— MS. Peiping, 1941, 6, c. 390—391.

[91] *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo. Wiesbaden, 1973, Taf. 87, 88.

[92] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 83.

[93] Слово о живописи из сада с горчичное зерно. М., 1969, с. 383.

[94] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 51.

[95] Море письмен, № 1438.

[96] *Воробьев-Десятовский В. С.* Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым.— УЗИВАН. 1953, т. 6, с. 171—172; *он же.* Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. III.— Эпиграфика Востока. М.— Л., 1955, X, с. 69, 70.

[97] Например, т. ф., инв. № 4362, 4366, 4384—4390 — черновые записи неизвестного содержания.

[98] Дуньхуанский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН, шифры: 556, Ф-250; 807, Дх-351; 896, Дх-1483.

[99] 659, Ф-75; 616, Ф-77; 726, Ф-155.

[100] 821, Ф-91; 818, Ф-92.

[101] 566, Ф-250.

[102] 807, Дх-351.

[103] 817, Ф-90; 822, Ф-89.

[104] Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда, с. 11.

[105] Т. ф., инв. № 86.

[106] Ф-54; 1160а, Дх-1379.

[107] 616, Ф-77; 884, Ф-73 и др.

[108] *Лю Гоцзюнь.* Рассказ о китайской книге. М., 1957, с. 40. Там же помещен рисунок, изображающий полки с лежащими на них книгами.

[109] Коллекция Восточного отдела Государственного Эрмитажа, шифры: Х-1998, Х-2003, Х-3487.

[110] Х-3487.

[111] Т. ф., инв. № 95.

[112] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Харахото, с. 34, икона № 23.

[113] *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Kōnigreich von Qočo, Taf. 86, Abb. 204.

[114] Интересный пример «гармоники» с текстом, расположенным с обеих сторон листа, представляет собой уйгурская рукопись XI в. $\left(553, \frac{Kr(II)}{61}\right)$.

[115] Монг. ф., А 8, А 19, В 27, В 28, В 117.

[116] Т. ф., инв. № 2203, 2206.

[117] *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.—Л., 1956, с. 11.

[118] Т. ф., инв. № 11.

[119] Т. ф., инв. № 318—320.

[120] Т. ф., инв. № 327.

[121] Т. ф., инв. № 335, 337.

[122] Т. ф., инв. № 2299.

[123] Т. ф., инв. № 1272.

[124] Т. ф., инв. № 329, 333, 337.

[125] Т. ф., инв. № 54, 55.

[126] *Демидова М. И.* Дуньхуанская книга как памятник китайской культуры конца IV — первой половины IX в. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 16.

[127] *Carter T. F.* The Invention of Printing, табл. между с. 61 и 62.

[128] 1331, Дх-1249; 1398, Дх-1415.

[129] Т. ф., инв. № 189, 619, 808, 809, 3941.

[130] Т. ф., инв. № 809.

[131] 319, Дх-927ж.

[132] 223, Дх-329.

[133] 460, Дх-88.

[134] 223, Дх-329; 256, Дх-91; Дх-3943 (два номера под одним шифром); 296, Дх-88[а]; 532, Дх-962; 533, Дх-929; 506, Дх-709.

[135] 508, Дх-1010[б]; 1101, Дх-1446.

[136] 317, Дх-397; 336, Дх-332.

[137] 994, Дх-510; 1407, Дх-1266[б].

[138] *Тугушева Л. Ю.* Раннесредневековая уйгурская рукописная книга, с. 363.

[139] См. примеч. 129.

[140] Т. ф., инв. № 607, 809, 4369, 4885.

[141] Т. ф., инв. № 1885.

[142] Монг. ф., В 78.

[143] *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Kōnigreich von Qočo, Taf. 86, Abb. 203.

[144] Например, рукопись Uig. 3, содержащая уйгурскую версию биографии знаменитого китайского паломника Сюань-цзана. Отверстие для шнура, обычно находившееся в «потхи» посередине листов, в данной рукописи немного сдвинуто от середины к краю (см.: Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана).

[145] *Бируни А. Р.* Индия, с. 175.

[146] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Индии, с. 37.

[147] Т. ф., инв. № 95.

[148] Т. ф., инв. № 2253, 2375, 4391—4427, 7061, 7243, 7653—7670.

149 В тангутской коллекции ЛО ИВАН имеются две книги-«бабочки», в которых связный текст размещен на обеих сторонах листа «бабочки» (т. ф., инв. № 711, 3968).

150 Автор пользуется случаем, чтобы выразить благодарность сотруднику ЛО ИВАН Н. М. Бровенко, не только окончательно выяснившей вопрос о способе скрепления листов «бабочки», но и воссоздавшей внешний вид переплетного станка.

151 Т. ф., инв. № 620.

152 Т. ф., инв. № 113, 6671.

153 Т. ф., инв. № 6672.

154 *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, с. 111.

155 *Бунаков Ю. В.* Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае, с. 2 (386).

156 402, Ф-58.

157 В одной из тангутских рукописей мы видим обозначение частей китайскими иероглифами («шан», «чжун», «ся») и цифрами (более мелкие разделы) — т. ф., инв. № 6940.

158 Т. ф., инв. № 640, 986, 987, 1156, 1158—1160, 1224, 1234, 1712, 2165, 2170, 2203 и др.

159 *Nishida Tatsuo.* A Study of Hsi-Hsia Language. Vol. 2. Tokyo, 1966, c. 598.

160 *Воробьева-Десятовская М. И. и др.* Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963, с. 11.

161 Т. ф., инв. № 741, 742.

162 *Кычанов Е. И.* Тангуты о происхождении мира и человека.— Памятники письменности и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1986, с. 128—133.

163 Корейские предания и легенды из средневековых книг. М., 1980, с. 53—54.

164 Т. ф., инв. № 117, 2149, 2278, 2379, 3483, 4479, 8092, 8093.

165 Т. ф., инв. № 8111, 8113.

166 Т. ф., инв. № 3907, 8117.

167 Т. ф., инв. № 2119, 2149, 2316, 2379, 2591, 2887, 4479, 5531, 5561, 8113.

168 489, ящик 2, $\frac{\text{Kr II}}{1\,(2)}$; 1305, ящик 3, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(1)}$ № 50; 1311—1314, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(7-10)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(7)}$; 1317—1319 $\frac{\text{Kr II}}{2\,(13-15)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(13)}$; 1320—1322, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(16-18)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(16)}$; 1331—1333, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(27-29)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(29)}$; 1337—1339, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(33-35)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(35)}$; 1341—1341^а^, $\frac{\text{Kr (II)}}{2\,(36-37^{а})}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(37^{а})}$; 1343—1344, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(39-40)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{2\,(40)}$; 1345—1346, $\frac{\text{Kr II}}{2\,(41-42)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{(2-41)}$; 2465—2468, ящик 5, $\frac{\text{Kr II}}{5\,(1-4)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{5\,(1)}$; 2484—2488, $\frac{\text{Kr II}}{7\,(1-5)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{7\,(1)}$; 2498—2501, $\frac{\text{Kr II}}{9\,(1-4)}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{9\,(2)}$; 2540—2541, $\frac{\text{Kr II}}{27\,(1-2^{а})}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{27\,(1)}$; 2542—2543, ящик 6, $\frac{\text{Kr II}}{27\,(3-4^{а})}$, фрагмент $\frac{\text{Kr II}}{27\,(3)}$; 2544—2547, $\frac{\text{Kr II}}{27\,(5-8)}$,

14 Заказ № 41

Фрагмент $\frac{\ }{27(5)}$; 2559, $\frac{\text{Kr II}}{28(1)}$; ящик 7, $\frac{\text{Kr II}}{1}$; 3118, пакет 4, $\frac{\text{Kr IV}}{372}$; 3123, пакет 4, $\frac{\text{Kr IV}}{377}$; 3129, пакет 4, $\frac{\text{Kr IV}}{383}$; 3131, пакет 4, $\frac{\text{Kr IV}}{385}$; 3136, пакет 4, $\frac{\text{Kr IV}}{390}$; 3184, пакет 5, $\frac{\text{Kr IV}}{438}$; 4121, ящик 12, $\frac{0}{41}$; 4169, пакет 43, $\frac{\text{K}}{29}$.

169 Х-Т-64.

170 53, ТК-169.

171 *Gabelenz G. von der.* Chinesische Grammatik. Lpz., 1881, с. 396—397; относительно применения данной системы тангутами см.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 71—72.

172 *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Индии, с. 46.

173 Т. ф., инв. № 4271.

174 427, Ф-285; 1110, Дх-1325[а]; 1422, Дх-935; 1311, Дх-1246; 1313, Дх-299; 1376, Дх-1047; 1423, Дх-1318.

175 1059, Дх-1060.

176 1271, Дх-1073; Дх-1394[а].

177 1282, Ф-168[а]; 1283, Ф-267; 1315, Дх-44; 1330, Дх-1282[а]; 1348, Ф-199; 1404, Дх-828; 1442, Дх-1321[а].

178 860, Ф-115; 193, ТК-153, В 60.

179 1350, Дх-1208.

180 882, Ф-71; Ф-296.

181 1284, Ф-299.

182 886, Ф-70; 1278, Дх-352; 1286, Ф-102; 1343, Дх-1200.

183 706, Дх-596; 1153, Дх-944; 1285, Дх-16.

184 1137, Дх-598.

185 897, Ф-229[б].

186 1427, Дх-247.

187 891, Ф-242[б].

188 1324, Дх-303.

189 883, Ф-72.

190 1429, Дх-1368.

191 1052, Дх-1008.

192 231, ТК-241; ТК-242.

193 1137, Дх-589; 1284, Ф-299.

194 1280, Ф-167.

195 1367, Дх-120.

196 1286, Ф-102.

197 662, Ф-235[в].

198 783, Ф-173.

199 1288[а], Ф-165.

200 Монг. ф., В 93.

201 1338, Дх-476[а]; 1380, Дх-138.

202 846, Ф-280; 10, ТК-178; 25, ТК-44; 34, ТК-35; 36, ТК-48.

203 Т. ф., инв. № 158, 2316, 2519, 5605.

204 Т. ф., инв. № 2876.

205 Т. ф., инв. № 4293.

206 *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская рукопись из собрания ЛО ИВАН СССР, с. 316.

207 45, ТК-38.

208 129, ТК-110.

209 222, ТК-309.

[210] Т. ф., инв. № 572, 2536, 8177; монг. ф., В 161, В 19, В 37.
[211] Т. ф., инв. № 3843.
[212] Т. ф., инв. № 4996.
[213] 307, Ф-107.
[214] 1308, Дх-785.

Глава вторая

[1] *McClatchie T. A.* The Symbols of the Jih-King. Цит. по: *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960, с. 408.

[2] *McClatchie T. A.* A Translation of the Confucian Ji-King. Shanghai, 1876.

[3] *De la Couperie T.* The Oldest Book of the Chinese (The Jih King) and its Authors. Vol. 1. History and Method. L., 1892.

[4] *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен».

[5] *Chiang Yee.* Chinese Calligraphy. L., 1938, с. 21.

[6] *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность.— Китай. М.— Л., 1940, с. 357.

[7] *Бунаков Ю. В.* Гадательные кости из Хэнани (Китай).— Труды Института Языка и Мышления им. Н. Я. Марра. М.— Л., 1935, III, с. 9.

[8] *Chiang Yee.* Chinese Calligraphy, с. 21.

[9] Там же, с. 25.

[10] *Лю Гоцзюнь.* Рассказ о китайской книге, с. 18.

[11] *Бунаков Ю. В.* Гадательные кости из Хэнани, с. 42.

[12] Там же, с. 38.

[13] Там же, с. 7; *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность, с. 370.

[14] *Chiang Yee.* Chinese Calligraphy, с. 59; *Георгиевский С.* Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888, т. 7; *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность, с. 370.

[15] *Chiang Yee.* Chinese Calligraphy, с. 80—91.

[16] Там же, с. 93.

[17] Увидеть не только образцы китайских письмен, начиная от иньских надписей на костях и кончая произведениями каллиграфов начала нашего века, но и работы японских виртуозов кисти, принявших китайскую письменность и создавших свои оригинальные почерки, можно в иллюстрированной «Истории иероглифики»: Сёдо дзэнсю. Т. 1—24. Токио, 1973.

[18] Хранится в личном собрании Л. В. Алексеевой.

[19] Полные каталоги пекинского, парижского, лондонского и японского (киотоского) собрания дуньхуанских рукописей уже опубликованы (см.: Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии, с. 8, сноски 6—9). Отдельные публикации, касающиеся ленинградской коллекции, появились в 1930 г.: *Кано Н.* О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника» («Вэньсюань»), хранящегося в Азиатском музее Академии наук.— Известия Академии наук СССР. Отделение географич. наук. Л., 1930, VII сер., № 2, с. 135—144. Дуньхуанской коллекции посвятил ряд работ К. К. Флуг: Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР. — БВ. М., 1934, вып. 7. с. 87—92; Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР. — БВ. 1935, вып. 8—9, с. 96—115; История печатной китайской книги сунской эпохи. К. К. Флуг составил описание 307 наиболее значительных по объему рукописей и инвентаризационную опись более чем 2000 ед. хран. Долгое время над фондом работала группа под руководством Л. Н. Меньшикова. Было

издано два выпуска описания фонда — в 1963 и в 1967 гг. Но описание дуньхуанской коллекции нельзя еще считать полностью законченным.

[20] См.: *Флуг К. К.* По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся.— БВ. 1934, вып. 2—4. Полный каталог этих текстов и их описание составил Л. Н. Меньшиков [см.: *Меньшиков Л. Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-хото (фонд П. К. Козлова). М., 1984].

[21] Т. ф., инв. № 3499, 5176, 5229, 5258, 5469, 8138 и др.

[22] Т. ф., инв. № 4270, 4484, 5176, 6808, 6876, 7601 и др.

[23] 1, $\frac{\text{Kr I}}{1}$, ящик 14, № 75; 158—170, $\frac{\text{Kr I}}{158\text{—}170}$, ящик 1.

[24] *Stein A.* Serindia, Xo. 00141; фонд Кроткова — шифры см. в примеч. 23.

[25] *Eberhardt W.* Das Toba-Reich Nordchinas. Leiden, 1949, c. 382. Эту точку зрения поддерживает и Рольф Штейн, ссылаясь на утерянное ныне сочинение сунского историка Ло Шичана «Си Ся го пу», одна фраза из которого цитируется в «Цзинь ши». См.: Цзинь ши (История династии Цзинь). Шанхай, 1935, гл. 134, с. 828 (Сы бу бэй яо). В этом отрывке сообщается, что представители дома Тоба, жившие в г. Сучжоу, на границе с дансянами, после гибели династии Вэй сохранили за собой фамилию Тоба. К подобному же выводу как будто побуждает и высказывание первого тангутского императора, Тоба Юаньхао, который утверждал в письме к сунскому двору, что его предки являются прямыми потомками династии Тоба-Вэй. См.: Сун ши (История династии Сун). Шанхай, 1935, гл. 485, с. 3786 (Сы бу бэй яо).

[26] *Franke O.* Geschichte des chinesischen Reiches. B., 1954, Bd. 5, c. 71; *Chavannes Ed.* Deux inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'après les estampages de M.Ch.E. Bonin.—Memoires présentées par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles lettres. P., 1904, t. 11, pt. 2, c. 205.

[27] *Olbricht P.* Die Tanguten und ihre Geschichte bis zur Gründung Si Hia — CAJ. 1956, vol. 11. Е. И. Кычанов, придерживаясь, с некоторыми оговорками, указанной третьей точки зрения, подчеркивает тем не менее широкие контакты сяньбийских и дансянских племен, которые, несомненно, могли сказаться и на культурной близости обеих этнических групп. См.: *Кычанов Е. И.* К проблеме этногенеза тангутов (Тоба-Вэймин-Вамо).— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 8.

[28] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972, с. 9.

[29] *Таскин В. С.* Опыт дешифровки киданьской письменности.— НАА. 1963, № 1, с. 128.

[30] *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950, c. 303.

[31] О характере этого письма существуют разные мнения. Китайские же источники ничего не сообщают. Д. Кара связывает его даже с уйгурским письмом на основании дошедших до нас сведений о том, что оно состояло из небольшого числа знаков, к тому же писавшихся слитно. См.: *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности.— Советская этнография. М., 1963, № 1, с. 96; *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 10.

[32] *Захаров И. И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, с. V.

[33] *Deveria G.* Exsamen de la Stele de Jen-Tai—Revue de l'Extrême Orient. P., 1883, c. 173—186.

[34] *Mullie J.* Les sépultures de King de Leao.— TP. 1933, t. 30.

[35] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 9.

[36] Там же, с. 10, 11.

[37] Яп. ф., В-74.

[38] Т. ф., инв. № 8138.

[39] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 18.

[40] *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности, с. 90—91.

[41] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 11; *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности, с. 98; *Starikov V. S.* Catalogue of Graphemes of the Kitan Script. M., 1966.

[42] *Таскин В. С.* Опыт дешифровки, с. 132—134.

[43] *Бичурин Н. Я.* (*Иакинф*). История Тибета и Хухунора. Ч. 2. СПб., 1833, с. 19.

[44] Там же, с. 17.

[45] Ляо ши (История династии Ляо). Шанхай, 1936, гл. 115, с. 420; *Невский Н. А.* Тангутская филология. Т. 1. М., 1960, с. 20.

[46] М. В. Софронов вслед за Н. А. Невским считает, что сравнение графики тангутских иероглифов с китайским почерком «чжуань» связано скорее со сложностью тангутских иероглифов, чем с реальным графическим сходством. По его мнению, стиль начертания тангутских иероглифов близок к почерку «кайшу» (*Софронов М. В.* Грамматика тангутского языка. М., 1968, с. 45). Это утверждение представляется правильным, тем более что на Лянчжоуской стеле есть образец тангутского письма, сильно отличающийся по графике от уставного почерка и чрезвычайно близкий к почерку «чжуань».

[47] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 260.

[48] *Сатоси Накадзима.* Сэйка-ни окэру сэйкёкуно суйи то бунка (Культура и политика государства Си Ся).— Тōхō гакухō. Токио, 1937, № 6, с. 117.

[49] *Невский Н. А.* Тангутская филология, т. 1, с. 20—21.

[50] Подробнее см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 260—262; *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 56—57.

[51] *Bushel S. W.* The Hsi-Hsia dynasty of Tangut: Their money and peculiar script.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. Shanghai, 1895—1896, vol. 30, с. 142—160.

[52] *Deveria G.* L'écriture du royaume de Si-Hsia ou Tangut.— Memoires présentées par divers savants à l'Academie des Inscriptions. P., 1898, sér. 1, t. 11, с. 147—176.

[53] *Morisse M. G.* Contribution préliminaire.

[54] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 329.

[55] *Невский Н. А.* Тангутская филология, т. 1, с. 22.

[56] *Ло Фучан.* Си Ся го шу люэ шо (Несколько слов о письме Си Ся). Шанхай, 1937, с. 10; *Bernhardi A., Zach E. von.* Einige Bemerkungen über Si-Hsia Schrift und Sprache.— Ostasiatische Zeitschrift. 1918—1919, № 3—4. *Невский Н. А.* Тангутская письменность и ее фонды.— *Невский Н. А.* Тангутская филология, т. 1, с. 78—79. Интересна в этом отношении неоконченная статья Н. А. Невского о тангутской письменности, где он еще раз утверждает свою теорию тангутской иероглифики (Архив ЛО ИВАН СССР, ф. 69, оп. 2).

[57] *Кычанов Е. И.* Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР.— Страны и народы Востока. Вып. 2. М., 1961, с. 240—242; *он же.* К изучению структуры тангутской письменности.— КСИНА. 1964, № 68, с. 126—150.

[58] *Софронов М. В.* Грамматика тангутского языка, т. 1, с. 43—68, т. 2, с. 274—403.

[59] *Clauson G.* The Future of Tangut (Hsi-Hsia) Studies.— AM. N.S., vol. 11, pt 11, pt 1, с. 54—57.

[60] *Sedlaček K.* Zur Frage der Etimologie der tangutischen Partikein Ta, Ngu, Ri, Ki, To und Ka.— CAJ. 1962, vol. 7, n. 3, с. 153—169.

[61] *Колоколов В. С.* Еще раз к вопросу о тангутской письменности.— Рукопись, хранящаяся в личном архиве автора данной книги, с. 2—7.

[62] *Кузнецов Б. И.* О фонетическом характере тангутского письма.— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета 1965—66 гг. Л., 1966, с. 34—35.

[63] *Hiroaki Jamaji.* A Jucen-Japanese English Glossary. Tokyo, 1965, с. 73.

[64] *Pelliot P.* Mission Pelliot en Asie Centrale, Les grottes de Toueng-Houang. P., 1920, vol. 5, pl. CCLV, CCCLVI, CCCLVIII, CCCLX.

[65] *Чжэн Шаоцзун, Ван Цзинжу.* Баодин чуту Мин дай Си Ся вэнь ши чуан (Открытие извлеченных из земли в Баодине тангутских надписей эпохи Мин).— Каогу сюэбао. Пекин, 1977, № 1, с. 133—140.

[66] *Nishida Tatsuo.* A Study of Hsi-Hsia Language. Kyoto, 1964, с. 186.

[67] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 263.

[68] См. примеч. 66.

[69] Тангутская скоропись до сих пор читается плохо. Первую попытку разобраться в ней сделал Н. А. Невский. В его бумагах в Архиве ЛО ИВАН СССР сохранилась запись, содержащая расшифровку 26 скорописных знаков (Архив ЛО ИВАН СССР, ф. 69, оп. 1, № 46, 129, 142).

[70] *Pelliot P.* Mission Pelliot en Asie Centrale, pl. CCCLVIII.

[71] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-хото, с. 23.

[72] Т. ф., инв. № 8299.

[73] Т. ф., инв. № 8118.

[74] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-хото, с. 60.

[75] Т. ф., инв. № 571.

[76] *Gisaburo N. Kiyose.* A Study of Jurchen Language and Script. Kyoto, 1977, с. 22.

[77] *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности, с. 96.

[78] *Gisaburo N. Kiyose.* A Study of Jurchen Language, с. 22.

[79] *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности, с. 95.

[80] Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 69, оп. 1, № 159, 160.

[81] *Кара Д., Кычанов Е. И., Стариков В. С.* Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге.— ППВ (ежегод.) 1969. 1972, с. 223—228.

[82] Последние данные о дешифровке чжурчжэньского письма обобщены в монографии двух китайских ученых: *Цзинь Гуанпин, Цзинь Цицзун.* Нюйчжэнь юйянь вэньцзы яньцзю (Исследование письменных знаков чжурчжэньского языка). Пекин, 1980.

[83] *Land J. P.* Anecdota syriaca. T. 1. Lugdunie Batavorum, 1862, с. 64.

[84] *Rosental F.* Die aramaistische Forschung seit T. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1964, с. 270.

[85] *Церетели К. Г.* Сирийский язык. М., 1979, с. 13.

[86] *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963, с. 341—342.

[87] *Кычанов Е. И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии.— ПС. Вып. 26 (89). Л., 1978, с. 77, 90.

[88] *Saeki J.* The Nestorian Documents and Relicts in China. Tokyo, 1951, с. 6, 114—117.

[89] *Кычанов Е. И.* Сирийское несторианство, с. 81.

[90] Там же.

[91] *Рагоза А. Н.* К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в Рукописном отделе ЛО ИВАН.— ППВ (ежегод.) 1969. 1972, с. 251.

[92] Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 59, оп. 1, № 24.

[93] *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-хото.

[94] Там же, с. 211—215.

[95] История Мар Ябаллахи III и раббан Саума. Исслед., пер. и примеч. Н. В. Пигулевской. М., 1958, с. 13.

[96] 4011, $\frac{\text{Kr IX}}{6}$ *Рагоза А. Н.* К истории сложения коллекции, с. 252.

[97] *Chavannes E., Pelliot P.* Un traité manichéen. P., 1913, c. 300—302.

[98] *Pelliot P.* Auteur d'un Traduction sanscrite du Tactö-King.—TP. 1912, vol. 13, c. 350.

[99] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 348.

[100] *Рагоза А. Н.* К истории сложения коллекции, с. 253.

[101] 4196, $\frac{\text{Uig}}{18}$, ящик 8; 4264, $\frac{\text{K}}{31}$; 4265, $\frac{\text{K}}{32}$; 4266, $\frac{\text{K}}{33}$.

[102] 3579, $\frac{\text{Kr IV}}{832}$; 3590, $\frac{\text{Kr IV}}{843}$; 3605, $\frac{\text{Kr IV}}{858}$, пакет 14 (11 фрагментов); 4259, $\frac{\text{Kr IV}}{875}$; 4262, $\frac{\text{Kr IV}}{878}$; 3591, $\frac{\text{Kr IV}}{844}$; 3604, $\frac{\text{Kr IV}}{857}$, пакет 11; 3626, $\frac{\text{Kr XIII}}{\text{№ 1—2 (а, в)}}$, пакет 17.

Фрагменты, указанные в инвентарной книге центральноазиатской коллекции Рукописного отдела как «манихейско-китайские», собранные Кротковым, на самом деле представляют собой манихейские тексты, написанные на обороте китайских рукописей,— явление, широко распространенное в странах Центральной Азии и Дальнего Востока

$\left(4071, \frac{\text{Kr I X}}{6}, \text{ящик } 8\right)$.

[103] 4253, $\frac{0}{130}$; 4255, $\frac{0}{132}$.

[104] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 366.

[105] 4102, $\frac{\text{Pob}}{11}$, пакет 33.

[106] 85, $\frac{\text{Kr I}}{85}$; 459, $\frac{\text{Kr IV}}{459}$; 2942—2969, $\frac{\text{Kr IV}}{195\text{—}208,\ 210\text{—}223}$; 3072, $\frac{\text{Kr IV}}{326}$; 3323, $\frac{\text{Kr IV}}{576}$; 3377, $\frac{\text{Kr IV}}{630}$; 3440—3445, $\frac{\text{Kr V}}{693\text{—}698}$; 3450, $\frac{\text{Kr IV}}{703}$; 3453—3462, $\frac{\text{Kr IV}}{706\text{—}715}$; 3464—3465, $\frac{\text{Kr IV}}{717\text{—}718}$; 3472, $\frac{\text{Kr IV}}{725}$; 3546—3547, $\frac{\text{Kr IV}}{779\text{—}800}$; 3549—3553, $\frac{\text{Kr IV}}{802\text{—}806}$; 3555—3560, $\frac{\text{Kr IV}}{808\text{—}813}$, 3569, $\frac{\text{Kr IV}}{822}$; 4263, $\frac{\text{Kr IV}}{879}$; 3657—3658, $\frac{\text{2 Kr}}{10\text{—}11}$, пакет 19; 3724, $\frac{\text{2 Kr}}{81}$, ящик 10; 3726, $\frac{\text{2 Kr}}{83}$; 3757—3763, $\frac{\text{K r}}{24\text{—}30}$; пакет 22; 4024, $\frac{\text{4 Kr}}{190}$; 4026, $\frac{\text{4 Kr}}{192}$; 4055, $\frac{\text{Kr}}{221}$.

[107] 4230—4236, $\frac{0}{107\text{—}113}$; 4252, $\frac{0}{129}$.

[108] 3620, $\frac{\text{Kr IV}}{873}$, пакет 15; 4229, $\frac{0}{106}$; 4212, $\frac{0}{89}$, пакет 48.

Кроме того, среди неинвентаризованной части коллекции С. Ф. Ольденбурга обнаружено 20 согдийских фрагментов; два больших согдийских

фрагмента — отрывки сказки и сутры — изданы Ф. А. Розенбергом. См. шифры:

4237—4251, $\frac{0}{114—128}$; 4256—4258, $\frac{0}{133—135}$.

[109] 4102, $\frac{\text{Rob}}{1}$, пакет 33.

[110] $\frac{\text{K}}{15}$ (два фрагмента без инвентарных номеров).

[111] *Лерх П.* Монеты бухар-худэтов.— Труды Русского Археологического общества. XVIII. СПб., 1876.

[112] *Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М.* О древней согдийской письменности Бухары. — Вестник древней истории. М., 1954, № 1.

[113] *Matzulewitsch L.* Bizantische antike. B., 1929, с. 3, 25—34.

[114] *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.—Л., 1935, с. XXXV; *Борисов А. Я.* К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях.— Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 2. Л., 1940, с. 25—49.

[115] *Лившиц В. А. и др.* О древней согдийской письменности, с. 161.

[116] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 373.

[117] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 11.

[118] Там же, с. 17.

[119] Там же, с. 16.

[120] *Тугушева Л. Ю.* Языковые и внеязыковые значения в дешифровке памятников древнеуйгурской письменности.— СТ. 1975, № 5, с. 27.

[121] 448, $\frac{\text{Kr II}}{1}$, ящик 2; 2540—2541, $\frac{\text{Kr II}}{27\ (1—2^{а})}$; 2718, $\frac{\text{Kr III}}{1}$, пакет 1; 3052—3053, $\frac{\text{Kr IV}}{306—307}$, пакет 3; 3092—3095, $\frac{\text{Kr IV}}{346—349}$; 3097, $\frac{\text{Kr IV}}{351}$.

[122] 3, $\frac{\text{Kr I}}{3}$, ящик 1; 40, $\frac{\text{Kr I}}{6}$, ящик 1; 3002, $\frac{\text{Kr IV}}{256}$, пакет 3; 3006, $\frac{\text{Kr IV}}{260}$, пакет 3; 3023, $\frac{\text{Kr IV}}{277}$, пакет 3; 3042, $\frac{\text{Kr IV}}{296}$, пакет 3; 3077, $\frac{\text{Kr IV}}{311}$, пакет 3; 3087, $\frac{\text{Kr IV}}{341}$, пакет 3.

[123] 75, $\frac{\text{Kr I}}{1}$.

[124] 433—438, $\frac{\text{Kr I}}{433—438}$; 4049, $\frac{\text{4в Kr}}{214}$, пакет 28.

[125] 485, Ф-123[б]; 613, Ф-158.

[126] 730, Ф-170.

[127] 1, ТК-274; 63, ТК-70.

[128] 564, Ф-246.

[129] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 9; *Carrol Ph. D.* Account of the T'u-yü-hun in the History of the Chin Dynasty. Berkeley—Los Angeles, 1953.

[130] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 7.

[131] Там же.

[132] Там же, с. 5.

[133] *Цыбиков Г. Ц.* Монгольская письменность как орудие национальной культуры. Верхнеудинск, 1923, с. 4.

[134] Там же, с. 6.

[135] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 369—371; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские письменные памятники. М., 1964, с. 44—46.

[136] Там же, с. 51—52; *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Сэрвэйский камень.— СТ. 1971, № 3, с. 106—112.

[137] Dr. A. Stein's manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang.—JRAS. 1912. January, c. 182—277.

[138] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские письменные памятники, с. 52—53.

[139] $\frac{\text{Koz}}{2}$, пакет 38.

[140] $\frac{\text{Koz}}{4}$, пакет 38.

[141] *Bühler G.* On the Origin of the Indian Brahma Alphabet. Strassburg, 1898, c. 2.

[142] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 407.

[143] Там же, с. 412.

[144] Там же, с. 409—410.

[145] Там же.

[146] Там же, с. 411.

[147] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Индии, с. 30.

[148] *Ольденбург С. Ф.* Отрывки кашгарских и санскритских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. Т. 1—3. СПб., 1904.

[149] 3894, $\frac{\text{4 Kr}}{55}$; 2717, $\frac{\text{Kr VII}}{1}$; 2735, $\frac{\text{Kr III}}{18\,(1-3)}$; 3281, $\frac{\text{Kr IV}}{534}$; 3505, $\frac{\text{Kr IV}}{795}$; 3506, $\frac{\text{Kr IV}}{761}$; 3514, $\frac{\text{Kr IV}}{758}$; 3515, $\frac{\text{Kr IV}}{769}$; 4175, $\frac{\text{M}}{5}$.

[150] *Тугушева Л. Ю.* Раннесредневековая уйгурская рукописная книга, с. 361.

[151] *Pelliot P.* Mission Pelliot en Asie Centrale, pl. CCCLIII, CCCLXIV.

[152] 296[а], Ф-308 II Б.

[153] 197, ТК-271; 202, ТК-270.

[154] 103, В 62.

[155] *Воробьева-Десятовская М. И.* Находка санскритских текстов в Средней Азии.— НАА. 1963, № 3, с. 94.

[156] Печать — 66, ТК-25. Гравюры — 149, ТК-21; 177, ТК-164.

[157] Т. ф., инв. № 875, 4805, 6374, 6849.

[158] Т. ф., инв. № 6374.

[159] Т. ф., инв. № 639, 797, 992, 1219, 1221, 2200, 2209, 2677.

[160] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Харахото, с. 33.

[161] Т. ф., инв. № 0698.

[162] 187, ТК-136; 195, ТК-102.

[163] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 412—413.

[164] Там же, с. 414.

[165] *Рерих Ю. Н.* Основные проблемы тибетского языкознания.— СВ. 1968, № 4 с. 109; *он же.* The Blue Annals. Избранные труды. М., 1967, с. 316.

[166] *Шмидт Я.* О происхождении тибетских письмен.— Чтения Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге за 1828 и 1830 гг. СПб., 1831, с. 101.

[167] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Харахото, с. 74.

[168] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 129.

[169] *Pelliot P.* Mission Pelliot en Asie Centrale, pl. CCCLIV, CCCLIX, CCCLX, CCCLXII.

[170] 546, Ф-103; 1129, Дх-87.
[171] 1394, Дх-1250.
[172] *Stein A.* Serindia, с. XI—XIII.
[173] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 144.
[174] *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-хото, с. 69, икона № 91.
[175] Т. ф., инв. № 8299.
[176] 4147, $\frac{0}{67}$.
[177] Монг. ф., В. 79.
[178] Сань цай ту хуэй (Собрание картин по трем началам). Т. 5. Тайбэй, 1970, с. 2036.
[179] Там же, с. 2037.
[180] Дзусэцу Нихон Бункаси тайкэй (Иллюстрированная история японской культуры). Т. 2. Токио, 1968, с. 222, 223.
[181] С. 195, л. 22, 36, 66.
[182] Удивительные истории нашего времени и древности. Пер. с кит. и примеч. И. М. Циперович. М.— Л., 1954, с. 242, 243, 253, 302.
[183] Т. ф., инв. № 8133.
[184] Т. ф., инв. № 4165.
[185] Т. ф., инв. № 6698.
[186] Т. ф., инв. № 296, 4727, 7468.
[187] 177, ТК-264.
[188] *Дирингер Д.* Алфавит, с. 135, рис. 60 (2).
[189] *Воробьев М. В.* Печати государства Цзинь. — Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972, с. 84.
[190] *Carter T. F.* The Invention of Printing, табл. между с. 20 и 21 и между с. 168 и 169.
[191] *Stein A.* Serindia, vol. IV, pl. XX, LIII; Токё кокурицу хакубуцукан дзухан мокуроку (Иллюстрированный каталог Токийского государственного музея). Токио, [б. г.], рис. 136—139; Си юй каогу ту гу (Иллюстрации к раскопкам в Западных областях). [б. м., б. г.], цзюань «ся», табл. 10.
[192] 3567, $\frac{\mathrm{Kr\,IV}}{820}$; 3359, $\frac{\mathrm{Kr\,VI}}{612}$.
[193] Иллюстрированный каталог Токийского государственного музея, рис. 152; Си юй каогу ту гу, табл. 10; *Stein A.* Serindia, vol. IV, pl. V.
[194] 3754, $\frac{3\,\mathrm{Kr}}{12}$; 3754а, $\frac{3\,\mathrm{Kr}}{12a}$.
[195] 612, Ф-80.
[196] 1453, Дх-147.
[197] *Рудов Л. Н.* Проблемы киданьской письменности, с. 90.
[198] *Невский Н. А.* Тангутская филология, т. 1, с. 337.
[199] Т. ф., инв. № 5936.
[200] Т. ф., инв. № 2499, 2726, 2841, 2851, 3704 и др.
[201] *Ло Фучан.* Си Ся го шу люэ шо.
[202] *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 65—70.
[203] *Алексеев В. М.* Китайская народная картина. М., 1966, с. 205—210.
[204] Т. ф., инв. № 4357, 4880, 4887.
[205] Т. ф., инв. № 620.
[206] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 90.
[207] *Gabelentz G. von der.* Chinesische Grammatik, с. 396—397. Происхождение этой системы, вероятно, очень древнее. Числа от 1 до 9 обозначались в ней соответствующим числом горизонтальных или вертикальных линий. Комбинации этих линий с кружками, обозначавшими «ноль»,

давали десятки, сотни и тысячи. Эта числовая система применялась для обычного счета в Древнем Китае.

[208] Т. ф., инв. № 4596.

[209] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 27.

[210] *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность.— История монгольской письменности. 1. М.— Л., 1941, с. 12. Д. Кара считает эту меру сходной с введением письменности у киданей и чжурчжэней, а также, по-видимому, и у тангутов, как средство национального самоутверждения.

[211] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 28; *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность, с. 13.

[212] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 29; *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность, с 22.

[213] *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность, с. 10.

[214] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 30.

[215] *Владимирцов Б. Я.* Монгольский международный алфавит XIII в.— Культура и письменность Востока. Т. 10. М., 1931, с. 32.

[216] *Simon W.* A Hphags-pa Seal of 1295.— AM. N.S., 1958, vol. 6, pt 2, pl. II (a).

[217] Там же, с. 203—205; *Francke A. H.* Note to the Dalai Lama's Seal and the Tibeto-Mongolian Characters.— JRAS. 1910, c. 1205—1214.

[218] 315, ТК-264, I, 26; 315, ТК-264, II, 27.

[219] *Кычанов Е. И.* Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана.— КСИНА. 1965, № 76, с. 154—165.

[220] *Aalto Pennti.* Fragmente des mongolischen Subhasitaratnanindi in Quadratschrift.— Mitteilungen des Institute für Orientforschung. B., III (1955), c. 279—290; *Ligeti L.* Les fragments du Subhasitaratnanindi mongol en écriture hphags-pa.— Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1964, t. 17, fasc. 3.

[221] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 30—31; *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность, с. 16.

[222] *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность, с. 15.

[223] *Francke A. H.* Ein si gal in tibetomongolischer schrift von Bhotan.— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 64. Lpz., 1910.

[224] Ксилограф — монг. ф., С 488, печать на ксилографе — монг. ф., Е 147.

[225] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 19, 91, 94.

[226] 4056, $\frac{4\ \mathrm{BKr}}{222}$; 4192, $\frac{\mathrm{Uig}}{15}$; 4060, $\frac{4\ \mathrm{BKr}}{226}$.

[227] 4153, $\frac{0}{70}$.

[228] 3363, $\frac{\mathrm{Kr\ IV}}{616}$. Рукопись написана разными почерками.

[229] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, рис. на с. 89.

[230] *Stary G.* Die chinesischen und mandschurischen Zierschriften. Hamburg, 1980.

[231] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 87—88.

[232] *Kannaiyan V.* Schrift in and around India. Madras, 1960, таблицы.

[233] Twenty Three Inscriptions from Nepal. Bombay, 1885.

[234] Яп. ф., С-224.

[235] Яп. ф., С-224.

[236] *Казнаков А.* Собрание тибетских и монгольских «гау». СПб., 1903, с. 23, № 4.

[237] *Abbot N.* The Rise of the North Arabic Script and its Kur'anic Development. Chicago, 1939.

[238] Турецкий ф., Т. 306, 308, 309, 312 и др.

[1] *Нойман Г.* К современному состоянию исследования Фестского диска.— Тайна древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 67.

[2] *Демидова М. И.* Дуньхуанская книга как памятник китайской культуры конца IV — первой половины IX века, с. 9—10.

[3] Там же, с. 14.

[4] Там же, с. 19.

[5] *Thomas F. W.* Tibetan Documents Concerning Chinese Turkestan.— JRAS. 1927, II, с. 839—843.

[6] *Wright A. F.* T'ai-tsung and Buddhism.—Perspectives of the Tan. New Haven, 1973, с. 262.

[7] *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 120, 124, 126—130.

[8] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 14.

[9] *Biot E.* Le Tcheon-Li ou rites des Tchon. P., 1851, I, с. 335—336; *Des Routour R.* Les insignes en deux parties (foy) sous la dinastie des Tang.— TP. 1952, № 41, с. 1—43. Покойный профессор В. С. Колоколов в личной беседе с автором данной работы высказал мнение, что до того, как на бамбуковую дощечку стали наносить надпись, существовала еще более примитивная форма — соединения двух половинок части бамбукового ствола, распиленного по ломаной линии.

[10] *Stein A.* Serindia, vol. 1, с. 224—231.

[11] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 15.

[12] Сам Т. Ф. Картер делает эту оговорку, однако приводит как аргумент упоминание Сюань-цзаном какого-то «отпечатка на красной глине», виденного им в Индии (*Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 15). См. также: *Beal S.* Ski-Yu-Ki, Buddist Records of the Western World. L., 1906, vol. 2, с. 140.

[13] Берлин, Altes Museum. Papyrus Ausstellung, NP 6867, также в Вене, в коллекции эрцгерцога Рейнера (см.: *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 16).

[14] *Pelliot P.* Les Débuts de l'imprimerie en Chine. P., 1953, с. 16.

[15] *Fuchs W.* Der Kupferdruck in China vom 10 bis 19 Jahrhundert.— Gutenberg Jahrbuch. 1950, с. 67.

[16] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 13.

[17] Там же, с. 17.

[18] *Groot J. M. de.* The Religious System of China. Vol. 6. Leiden, 1910, с. 1048.

[19] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 22.

[20] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 22.

[21] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 21.

[22] Частное собрание М. П. Мартыненко в г. Ленинграде.

[23] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 20.

[24] Там же, с. 24.

[25] *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность, с. 6 (390), 7 (391).

[26] *Pelliot P.* Les Débuts, с. 93—104.

[27] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 22, 24.

[28] *Гривнин В. С.* Японская печатная книги VIII — первой половины XI в. Автореф. канд. дис. М., 1962, с. 11.

[29] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 28.

[30] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 44.

[31] Там же, с. 29.

[32] Дх-439, Дх-1162, Дх-1506.

[33] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 39.

[34] *Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. К.* Мертвый город Харахото. М., 1968, с. 16.

[35] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 39.
[36] *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, с. 603.
[37] Т. ф., инв. № 7914; 69, ТК-157.
[38] Частное собрание скульптора Н. В. Дыдыкина в пос. Палех.
[39] *Pelliot P.* Les Débuts, с. 1.
[40] Иного мнения придерживались Уоллей, У Гуанцин, Картер и Пельо. Последний считал, что речь в источнике шла не о печатании, а о реставрации текстов и изображений, пострадавших во время гонений на буддистов (см.: *Pelliot P.* Les Débuts, с. 10). Небольшой фрагмент, открытый третьей экспедицией А. Стейна и датируемый 594 г., как будто говорит в пользу точки зрения Жюльена и Симада Кан. Но трудно определить по внешнему виду, печатный ли это текст (см.: *Giles L.* Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tunghuang in the British Museum. L., 1957, с. 297; *Лю Гоцзюнь.* Рассказ о китайской книге, с. 49).
[41] *Pelliot P.* Les Débuts, с. 10—11.
[42] Там же, с. 11—12.
[43] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 49.
[44] Там же, с. 41.
[45] Там же, с. 59; *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 23.
[46] *Pelliot P.* Les Débuts, с. 44.
[47] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 59.
[48] Там же, с. 55—56.
[49] Там же, с. 60.
[50] *Pelliot P.* Les Débuts, с. 48.
[51] *Лю Гоцзюнь.* Рассказ о китайской книге, с. 47—48.
[52] *Ellia P.* Le origine della stampa in China.— Rivista delgi studi orientali. Roma, 1956, № 31, fasc. 4, с. 303.
[53] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 30; *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.— Л., 1956, с. 6.
[54] Например, ксилограф под шифром 146, ТК-8 отпечатан с обновленного комплекта досок, с которого до его обновления был отпечатан другой ксилограф (144, ТК-12).
[55] 94, ТК-171.
[56] 84, ТК-170; 102; А 20 Б IV; 25, ТК-139.
[57] *Петрова О. П.* Описание письменных памятников, с. 11.
[58] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии, с. 352.
[59] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 144.
[60] Там же, с. 143.
[61] Там же, с. 143.
[62] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии, с. 353.
[63] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 145.
[64] Там же, с. 142.
[65] *Shafer R.* Words for «Printing Block» and the Origin of Printing.— JAOS. 1960, vol. 80, № 4, с. 328—329. В. Саймон отрицает происхождение китайского слова «бань» от тибетского «пар». См.: *Simon W.* Tibetan par, dpar, spar and Cognate Words.— BSOAS. 1962, vol. 25, pt 1, с. 72—90.
[66] *Gabain A. von.* Die druck der Turfan-sammlung. B., 1967, с. 33.
[67] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии, с. 353.
[68] Подробно о книгопечатании у киданей и чжурчжэней см.: *Wu K. T.* Chinese Printing under Four Alien Dynasties.— Harward Journal of Asiatic Studies. Baltimore, 1950, vol. 13, № 3—4, с. 447—532.

[69] Там же, с. 449.
[70] Там же, с. 454.
[71] Там же.
[72] 60, ТК-101; 61, ТК-29; 62, ТК-30; 99, ТК-246; 100, ТК-255; 101, ТК-256; 106, ТК-142; 107, ТК-243; 262, ТК-151; 264, ТК-315; 274, без шифра; 276, ТК-228; 302, ТК-173; 303, ТК-166; 313, ТК-172.
[73] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 101.
[74] 207, ТК-148.
[75] *Wu K. T.* Chinese Printing, с. 452.
[76] Си Ся цзи (Сборник о Си Ся). Пекин, 1924, цзюань 12, с. 10; *Флуг К. К.* По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся.— БВ. 1934, вып. 2—4, с. 160.
[77] Си Ся цзи, цзюань 13, с. 9; *Wu K. T.* Chinese Printing, с. 542.
[78] Т. ф., инв. № 4773.
[79] Подробно о тангутских досках для печатания книг см. в кн.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 90—94.
[80] Т. ф., инв. № 121, 143—145, 684, 2614.
[81] Т. ф., инв. № 83, 941, 953.
[82] *Флуг К. К.* По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся, с. 160—161.
[83] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 87.
[84] Там же, с. 68.
[85] *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 99—100.
[86] 159, ТК-184; 215, ТК-199.
[87] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 218. *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 68; *Macouin F.* A propos de caractères d'imprimerie ouigoure.— Le livre et l'imprimerie en Extrême-Orient et en Asie du sud. Bordeaux, 1986, с. 147—156.
[88] Т. ф., инв. № 8279. За последнее время Э. Гринстедом был обнаружен еще один наборный текст (*Grinstead E.* The Tangut Tripitaka.— Sung Studies News Newsletter. Hong Kong, 1972, № 6, Octob., с. 20), но эти сведения нуждаются в проверке.
[89] *Петрова О. П.* Описание письменных памятников, с. 8.
[90] *Мао Цзобэнь.* Это изобретено в Китае, с. 26, 27.
[91] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 184.
[92] Там же, с. 184—185.
[93] Там же, с. 192.
[94] Там же, с. 191.
[95] Там же, с. 185.
[96] Монг. ф., А 23 1, 144, 9 листов.
[97] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 103.
[98] Там же, с. 104.
[99] Там же, с. 111—112.
[100] Там же, табл. между с. 104 и 105.

Глава четвертая

[1] 184, ТК-129; 206, ТК-116.
[2] 184, ТК-129; о ланьшаньских переводчиках канона на тангутский язык см.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 128.
[3] 4232, $\frac{0}{109}$; 4233, $\frac{0}{110}$; 4234, $\frac{0}{111}$; 4236, $\frac{0}{113}$; 4237, $\frac{0}{114}$; 4238,

$\frac{0}{115}$; 4239, $\frac{0}{116}$; 4243, $\frac{0}{120}$; 4247, $\frac{0}{124}$; 4248, $\frac{0}{125}$; 4249, $\frac{0}{126}$; 4250, $\frac{0}{127}$; 4252, $\frac{0}{129}$; 4257, $\frac{0}{134}$; 3570, $\frac{\text{Kr IV}}{823}$; 3442, $\frac{\text{Kr IV}}{695}$; 2944, $\frac{\text{Kr IV}}{197}$.

[4] 3570, $\frac{\text{Kr IV}}{823}$; 3442, $\frac{\text{Kr IV}}{695}$; 2944, $\frac{\text{Kr IV}}{197}$; подробнее см.: *Рагоза А.* Согдийские фрагменты Samhasutra в рукописном собрании ЛО ИВАН СССР.— ПС. Вып. 21 (84). Л., 1970, т. 151—154.

[5] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 87.

[6] *Wu T. K.* Chinese Printing, с. 451.

[7] Там же, с. 456.

[8] 62, ТК-30.

[9] Подробно о тангутском буддизме см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства; *Невский Н. А.* Тангутская филология.

[10] *Pelliot P.* Les documents chinois trouvés par la mission Kozlov à Khara-Khoto.—JA. 1914, t. 3, № 3, с. 250.

[11] Т. ф., инв. № 88—90, 294—356, 1201, 2444, 2719, 2728, 2847, 2959, 2976, 3360, 3534, 7187, 7211, 7375, 7547, 7650, 7652, 7964.

[12] В описании буддийской части хара-хотинской коллекции, составленном К. Б. Кепинг, Е. И. Кычановым и А. П. Терентьевым-Катанским (в рукописи), значится много переводов с тибетского.

[13] *Wu T. K.* Chinese Printing, с. 457.

[14] 159, ТК-184.

[15] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии, с. 351.

[16] 1458, Дх-147.

[17] 1462, Дх-123.

[18] 1464, Дх-788.

[19] 2849, Дх-1511б.

[20] 2852, Дх-2139.

[21] 2853, Дх-2344.

[22] 2857, Дх-2545.

[23] *Arat R. Rahmeti.* Eski türк sürleri. Ankara, 1965.

[24] *Тугушева Л. Ю.* Древние уйгурские стихи.— СТ. 1970, № 2, март — апрель, с. 104.

[25] *Gabain A. von.* Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. B., 1935.

[26] Центральноазиатский ф., Uig. 3.

[27] Т. ф., инв. № 4166.

[28] 225, ТК-132; 226, ТК-133.

[29] 64, ТК-144.

[30] Монг. ф., В 117.

[31] Монг. ф., А 19.

[32] Монг. ф., В 102.

[33] 845, Дх-835.

[34] 895, Дх-712.

[35] 906, Ф-268; 1103, Дх-1469б.

[36] 913, Дх-18.

[37] 949, Дх-270,

[38] 539, $\frac{\text{Kr 2}}{51}$.

[39] *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская рукопись из собрания ЛО ИВАН СССР.— ППВ (ежегод.) 1969. 1972, с. 315—316.

[40] Т. ф., инв. № 585, 593, 2538.

[41] Т. ф., инв. № 4166.

[42] Т. ф., инв. № 4358.

[43] Т. ф., инв. № 4841.
[44] Т. ф., инв. № 2833, 3697, 4350, 6171, 6372, 6874, 7125.
[45] Монг. ф., В 69.
[46] Монг. ф., В 77 (I).
[47] Тайсё синсю дайцзокё. Токио, [б. г.], цзюань 14, № 474, 476, с. 537.
[48] См.: Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда, вып. 1, № 686—697; вып. 2, № 2276—2287.
[49] 919, Дх-34.
[50] Т. ф., инв. № 118, 119, 232, 233, 361, 362, 709, 737, 2310, 2311, 2559, 2560, 2815, 2881, 5727, 6046, 7293, 7762. Возможно, фрагмент т. ф., инв. № 2323 также является предисловием к «Вималакиртинирдешасутре».
[51] См.: Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда, вып. 1, № 1545—1549; вып. 2, № 2893—2896.
[52] 1546, Дх-946; 2893, Дх-2875.
[53] См.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 71—72.
[54] *Gabelentz G. von der.* Chinesische Grammatik, с. 396—397.
[55] 1548, Дх-1396.
[56] 2896, Дх-2800а.
[57] 193, ТК-153, В 60.
[58] 2895, Дх-2637.
[59] 1549, Дх-1327.
[60] Т. ф., инв. № 47, 815, 4924.
[61] Т. ф., инв. № 4480, 4481, 4841, 6500.
[62] Т. ф., инв. № 5722.
[63] Т. ф., инв. № 7578.
[64] 344, А-26.
[65] 288, В-64.
[66] 246, А-18; 247, А-19; 257, А-9.
[67] 243, А-15.
[68] 313, ТК-172.
[69] 1548, Дх-1396, первая часть — геомантический трактат.
[70] 2893, Дх-2375.
[71] Т. ф., инв. № 951, 5402.
[72] Т. ф., инв. № 872.
[73] Т. ф., инв. № 5722.
[74] 311, А-2.
[75] 314, А-1.
[76] См.: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., 1987.
[77] 1400, Ф-97в; 1401, Ф-176б; 2778, Дх-2148; 2789, Дх-2602 Б; 2792, Дх-2145; 2796, Дх-2389; 2799, Дх-2055; 2802, Дх-2721.
[78] 1407, Дх-1266 б; 1408, Дх-1400 б; 2793, Дх 2157 Б; 2787, Дх-1059.
[79] 1409, Дх-1411.
[80] Т. ф., инв. № 8105.
[81] *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Харахото, с. 219.
[82] 239, А-8.
[83] 235, ТК-300.
[84] 198, ТК-75.
[85] 236, Ф-249, Ф-327.
[86] Х-Т, № 69.
[87] 248, В-170.
[88] 100, В-42.
[89] 1416, Дх-1068.

[90] 1417, Дх-1367.
[91] 1418, Дх-362 а, Дх-2975 а (два фрагмента под одним шифром).
[92] 1419, Дх-1456.
[93] 1420, Дх-1460.
[94] 1421, Дх-1399 а.
[95] 2813, Дх-2666.
[96] 2812, Дх-2144.
[97] 2184, Дх-2174.
[98] 1423, Дх-1318.
[99] 1424, Дх-838.
[100] 2811, Дх-1712.
[101] 1425, Дх-1111.
[102] 1433, Дх-169 а.
[103] 1434, Дх-750 а.
[104] 914, Дх-19.
[105] 1435, Дх-517.
[106] 2883, Дх-1888.
[107] 2835, Дх-2008.
[108] 2836, Дх-2138.
[109] 2837, Дх-2761.
[110] 1440, Дх-556 а.
[111] 1437, Дх-268.
[112] 2830, Дх-1618.
[113] 2832, Дх-1630 А.
[114] 1436, Дх-158.
[115] 2834, Дх-1893.
[116] 1441, Дх-1319 а.
[117] 1427, Ф-247.
[118] Т. ф., инв. № 147—149, 784, 7215.
[119] Т. ф., инв. № 6753.
[120] Т. ф., инв. № 6738.
[121] Т. ф., инв. № 2627.
[122] Китайская классика в тангутском переводе. Предисл. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова. М., 1966, с. 11.
[123] Т. ф., инв. № 134—138, 798, 2562, 6465, 6753.
[124] Т. ф., инв. № 4930.
[125] *Кычанов Е. И.* Культура Си Ся и ее место среди культур Центральной Азии.— Вестник истории мировой культуры. М., 1961, № 69 (30), ноябрь-декабрь, с. 179.
[126] Т. ф., инв. № 146, 799, 3947.
[127] Т. ф., инв. № 616.
[128] 258, ТК-268 Б; 259, ТК-208; 260, ТК-6; 263, ТК-314.
[129] 261, ТК-97.
[130] 1542, Дх-506 а.
[131] Т. ф., инв. № 5282, 8085.
[132] Т. ф., инв. № 6711.
[133] Т. ф., инв. № 7385.
[134] 1535, Дх-613.
[135] 1541, Дх-1454 б.
[136] 1539, Дх-1258.
[137] 1540, Дх-1325 б.
[138] 1536, Дх-924.
[139] 1537, Дх-235.
[140] 947, Дх-263; 1538, Дх-506 б.
[141] 2894, Дх-2418 Б.
[142] *Filliozat J.* Fragments de textes kouchéens de medecine et de magie.

[143] Т. ф., инв. № 807 [в].
[144] 297, ТК-6867; 302, ТК-173; 304, ТК-187.
[145] 298, А 5; 301, ТК-287.
[146] 303, ТК-166.
[147] Монг. ф., В 220.
[148] Монг. ф., В 79.
[149] 2840, Дх-2670 А.
[150] 2841, 2663.
[151] 1442, Дх-1321 [а].
[152] 2842, Дх-2670 Б.
[153] 1443, Дх-1366 [б].
[154] 1444, Дх-236 [а].
[155] *Воробьева-Десятовская М. И.* Рукописная книга в культуре Центральной Азии, с. 330.
[156] 1446, Дх-234; 1447, Дх-293; 1450, Ф-209.
[157] Т. ф., инв. № 122, 123, 125—131, 2556, 2557, 2625, 6686.
[158] Т. ф., инв. № 132, 133, 4173.
[159] Т. ф., инв. № 4189, 5875.
[160] 265, ТК-290.
[161] 264, ТК-315.
[162] 266, ТК-316.
[163] 1516, Дх-1399 [б].
[164] 1517, Дх-1366 [а].
[165] 1518, Дх-1466; 2890, Дх-2391 1.
[166] 1528, Дх-699; 1530, Дх-941; 2891, Дх-2654; 2892, Дх-2655.
[167] 1529, Дх-895.
[168] *Воробьев-Десятовский В. С.* Памятники центральноазиатской письменности.— УЗИВАН. 1958, т. 16, с. 281—293.
[169] Там же, с. 296—303.
[170] Там же, с. 304—308.
[171] *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983, с. 37.
[172] Т. ф., инв. № 214—218, 685, 4777.
[173] Т. ф., инв. № 211—213, 7297. Факсимиле и перевод изданы К. Б. Кепинг, Е. И. Кычановым и А. П. Терентьевым-Катанским (см.: Море письмен. М., 1969).
[174] Т. ф., инв. № 4152, 4153.
[175] Т. ф., инв. № 210, 4131, 6340, 8081.
[176] Т. ф., инв. № 2535 [б].
[177] Т. ф., инв. № 124.
[178] Т. ф., инв. № 207—209, 2619, 2620, 2902, 4775, 4776, 7934.
[179] Т. ф., инв. № 620—624, 4154, 4155, 5867, 7192.
[180] Архив ЛО ИВАН СССР, ф. 69, оп. 1, № 16.
[181] *Кычанов Е. И.* Культура Си Ся, с. 179.
[182] Т. ф., инв. № 2539.
[183] 211а, Дх-2823.
[184] 283а, Дх-2822 (найдено в тангутском фонде).
[185] Монг. ф., М. Nova, 265.
[186] 1451, Дх-1502 [а]; 1452, Ф-242 [а]; 1453, Дх-98; 1454, Дх-513.
[187] 1455, Дх-970.

[188] Бяньвэнь «Десять благих знамений». Пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова. М., 1963; Бяньвэнь о воздаянии за милости. Пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова. М., 1972; Дуньхуан бяньвэнь цзи (Собрание дуньхуанских бяньвэней). Т. 1—2. Пекин, 1957.

[189] 1456, Ф-256; 1457, Ф-168; 1458, Дх-147; 1459, Дх-136; 1960, Дх-1455; 1466, Дх-105; 2845, Дх-1563 Б; 2848, Дх-2173 А; 2853, Дх-2244.

[190] 1468, Дх-1319 б.
[191] 1461, Дх-153 а.
[192] 1460, Дх-1455.
[193] 2847, Дх-2153 (первый фрагмент); 2854, Дх-2301.
[194] 2855, Дх-2430 Б.
[195] См., например, 2847, Дх-2153 Б (второй фрагмент).
[196] Т. ф., инв. № 876, 4448.
[197] Т. ф., инв. № 121.
[198] Т. ф., инв. № 741—742.
[199] Т. ф., инв. № 765; Вновь собранные драгоценные парные изречения. Пер. Е. И. Кычанова. М., 1974.
[200] Т. ф., инв. № 4166.
[201] Т. ф., инв. № 579, 771—773, 934.
[202] Т. ф., инв. № 139—142, 768—770.
[203] Т. ф., инв. № 578, 715, 716.
[204] Сунь-цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод, введение, комментарий, грамматический очерк, словарь и приложение К. Б. Кепинг. М., 1970.
[205] 271, ТК-206.
[206] 277, А-21.
[207] 269, ТК-236.
[208] 276, ТК-288, 274, (без шифра).
[209] 270, А-20 Б III; 273, ТК-221.
[210] Монг. ф., В 106.
[211] Монг. ф., В 121.

Глава пятая

[1] 1212, Дх-1336.
[2] *Pelliot P.* Mission Pelliot en Asie Centrale, pl. CCCLII.
[3] Государственный Эрмитаж, Восточный отдел, коллекция П. К. Козлова, Х-2022.
[4] Пещера 17, боковая стена (см.: Сокровища искусства стран Азии и Африки. Вып. 1. М., 1975, с. 24—25).
[5] Т. ф., инв. № 8096, 8105, 8143, 8295, 8296 и др.
[6] 1176, Дх-237; т. ф., инв. № 3924, 6065, 6101.
[7] 3519, SI $\frac{\text{Kr IV}}{773}$, пакет 10; 3660, $\frac{\text{2 Kr}}{13}$, пакет 19, фрагмент 3; 3361, SI $\frac{\text{2 Kr}}{14}$, пакет 19.
[8] «Лоскутная» ряса — ряса, сшитая из квадратных лоскутов материи, как пережиток того времени, когда буддийские монахи шили одежду из лоскутьев, которые им подавали в виде милостыни.
[9] 1397, Дх-1390.
[10] 4146, $\frac{0}{66}$, ящик 10.
[11] *Тугушева Л. Ю.* Раннесредневековая уйгурская рукописная книга, с. 364.
[12] Подробно о тангутской книжной иллюстрации см.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов, с. 42—54.
[13] Т. ф., инв. № 205.
[14] Т. ф., инв. № 695.
[15] Т. ф., инв. № 597.
[16] Т. ф., инв. № 78.
[17] Т. ф., инв. № 1, 14, 24, 28, 40, 712, 722, 728, 965, 1432, 2735, 6806. Любопытно в данном случае провести параллель между гравюрами тан-

гутской коллекции и большой маской бородатого и усатого Будды; найденной П. К. Козловым в Хара-хото (*Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, с. 110).

[18] Т. ф., инв. № 1656.

[19] 106, ТК-142; 107, ТК-243.

[20] Т. ф., инв. № 3926.

[21] 3653, $\frac{2\ Kr}{6}$, пакет 19.

[22] 220—224, $\frac{Kr}{221}$, ящик 1.

[23] Т. ф., инв. № 6861.

[24] 177, ТК-164.

[25] 182, ТК-129.

[26] 11, ТК-124.

[28] 220—224, $\frac{Kr\ I}{220}$, ящик 1.

[28] 3653, $\frac{2\ Kr}{6}$, пакет 19.

[29] Имя божества указано согласно классификации планетных богов, данной Н. А. Невским в кн.: Тангутская филология, т. 1, с. 62, 70.

[30] 1397, Дх-1390.

[31] Т. ф., инв. № 5402.

[32] Т. ф., инв. № 951.

[33] Подробно об иконографии центральноазиатских планетных божеств см.: *Кочетова С. М.* Божества светил в живописи Хара-хото.— Гос. Эрмитаж. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. 4. Л., 1947, с. 471—502.

[34] 177, ТК-164.

[35] Т. ф., инв. № 47.

[36] 2942, Ф-308 1.

[37] 5, ТК-275; 290, ТК-274.

[38] 1267, Ф-221 г.

[39] Т. ф., инв. № 28, 40, 712 и др.

[40] Т. ф., инв. № 2203.

[41] Т. ф., инв. № 8048.

[42] Т. ф., инв. № 2261.

[43] 123, ТК-98.

[44] Т. ф., инв. № 95.

[45] Перевод надписей и тангутского текста апокрифа выполнен К. Б. Кепинг.

[46] Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева. М., 1955, с. 93.

[47] *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. М., 1946, с. 221—222.

[48] Т. ф., инв. № 8100; гравюра эта содержит ряд изображений народных типов в качестве второстепенных персонажей.

[49] *Се Чжилю.* Дуньхуан ишу сюйлу. Шанхай, 1957, табл. 42, изображения слуг.

[50] 2758, $\frac{Kr\ IV}{1}$, пакет 2.

[51] 6, ТК-137.

[52] Т. ф., инв. № 3926.

[53] Об определении тангутского национального костюма см. подробно: ***Терентьев-Катанский А. П.*** Две гравюры из тангутской коллекции ЛО ИВАН (к вопросу о тангутском костюме).— Страны и народы Востока. Вып. 21. М., 1980, т. 219—224.

[54] Т. ф., инв. 8349.

[55] 3660, $\frac{2\,Kr}{13}$, пакет 19, рис. 1.
[56] 3653, $\frac{2\,Kr}{2}$ пакет 19.
[57] Сань цай ту хуэй, т. 6, с. 2262.
[58] Там же, с. 2248.
[59] Там же, с. 2250.
[60] Т. ф., инв. № 1294.
[61] 3661, $\frac{2\,Kr}{14}$, пакет 19.
[62] Т. ф., инв. № 1948.
[63] Т. ф., инв. № 1240.
[64] Т. ф., инв. № 2258.
[65] Т. ф., инв. № 1138, 1294, 1471, 1707, 7112
[66] 4078, $\frac{D}{5}$, пакет 32.
[67] Т. ф., инв. № 4805.
[68] Т. ф., инв. № 6776, 7578.
[69] 204 [б], Дх-591.
[70] 294, ТК-260.
[71] 4114, $\frac{0}{34}$, ящик 11.
[72] 3661, $\frac{2\,Kr}{14}$, пакет 19.
[73] 3686, $\frac{2\,Kr}{41}$, ящик 10.
[74] 4147, $\frac{0}{67}$, ящик 10.
[75] *Кара Д.* Книги монгольских кочевников, с. 52, 54.
[76] Т. ф., инв. № 8196.
[77] Т. ф., инв. № 18, 39.
[78] Т. ф., инв. № 950.
[79] Т. ф., инв. № 18.
[80] Т. ф., инв. № 234.
[81] Т. ф., инв. № 3785, 4051, 5074, 6139, 6665.
[82] Т. ф., инв. № 2621.
[83] Т. ф., инв. № 6218.
[84] *Morisse M. G.* Contribution préliminaire, с. 313—314.
[85] Т. ф., инв. № 7457.
[86] 1160а, Дх-1379.
[87] 4178, $\frac{M}{3}$ ящик 13,
[88] Т. ф., инв. № 300.
[89] Т. ф., инв. № 4202.
[90] См., например: *Terentyev-Katansky A. P.* The Appearance, Clothes and Utensils of the Tanguts.— The Countries and Peoples of the East. M., 1974, с. 215—224.

Вместо послесловия

[1] *Флуг К. К.* История печатной китайской книги, с. 28; *Кацпржак Е. И.* История письменности и книги. М., 1955, с. 42; *Carter T. F.* The Invention of Printing.
[2] *Carter T. F.* The Invention of Printing, с. 177.
[3] Там же, с. 157, 158, 171—174.

[4] *Кацпржак Е. И.* История письменности и книги, с. 47—48.
[5] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств. Из рукописного наследства Ф. Энгельса.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21, с. 415.
[6] *Jovius (Paolo Giovio).* Historia sui temporis. Venice, 1558, c. 16.
[7] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 148.
[8] Там же, с. 185, 191.
[9] Там же, с. 190.
[10] *Рубрук Гильом.* Путешествие в восточные страны. — *Плано Карпини.* История монгалов. *Рубрук Гильом.* Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 155.
[11] Книга Марко Поло, с. 119.
[12] *Котвич В. Л.* Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае.— Известия Имп. Российского географического общества. СПб., 1909, т. 45, вып. 8, с. 474—477.
[13] *Sarton C.* Third Preface to Volume XXXIII; Brave Busbecq (1582—1592).— An International Review Devoted to the History of Science and its Cultural Influences. Wash., 1942.
[14] *Bernard H.* Les adaptations chinoises à européens.— MS. Peiping, 1954, 10, c. 3.
[15] *Kircheri A. E.* Soc. Jesu. China monumentis. Amsterdam, 1667.
[16] *Carter T. F.* The Invention of Printing, c. 11.
[17] *Thomas I.* The History of Printing in America. Worcester, 1819, c. 72.
[18] *Klaproth J.* Sur l'origine du papier-monnaie.— Memoires relatifs à l'Asie. P., 1824, c. 375—383.
[19] *Julien S.* Documents sur l'art l'imprimer à l'aide de planches au bois, de planches en pierre et de types mobiles.— JA. Ser. 4, 1847, № 9.
[20] *Davis J.* China L., 1857.
[21] *Curzon R.* Printing in China and Europe.— Miscellanies of Philobiblon Society. L., 1860, vol. 6, c. 11—31.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВ — Библиография Востока.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР.
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
Монг. ф. — Монгольский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
ППВ (ежегод.) — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М.
ПС — Палестинский сборник. М.— Л.
СВ — Советское востоковедение. М.— Л.
Сир. ф. — Сирийский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.
СТ — Советская тюркология. Баку.
Тиб. ф. — Тибетский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.
Т. ф. — Тангутский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.
УЗИВАН — Ученые записки Института востоковедения АН СССР.
Яп. ф. — Японский фонд Рукописного отдела ЛО ИВАН.
AM — Asia Major. L. (Lpz.).
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London).
CAJ — Central Asiatic Journal. The Hague — Wiesbaden.
JA — Journal asiatique. P.
JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York-New Haven.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of the Great Britain and Ireland. L.
MS — Monumenta Serica: Journal of Oriental Studies of the Catholic University of Peking.
TP — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris-Leiden.

SUMMARY

A. P. Terentyev-Katansky. *From the East Westward.* The book deals with the emergence of book printing in the East and its spread westward. Terentyev-Katansky draws of the fundamental works of T. F. Carter (*The Invention of Printing in China and its Spread Westward.* N.Y., 1925) and K.K. Flug (*The History of Chinese Printed Book of the Sung Epoch: 10th-13th Centuries.* Moscow-Leningrad, 1959), essentially complementing them with the new factual material mainly from the Manuscript Fund Collection of the USSR Academy of Sciences' Institute of Oriental Studies (Leningrad) and the original early Chinese treatises on book making.

Most archaeological findings shedding new light on the emergence of books and book printing come from Central Asia, which, because of its favourable geographic situation, had been a couldron where various ancient Oriental and Western cultures melted.

For a long time Central Asia was unknown to European researchers. Archaeological studies of the region reached their climax only in the 19th century. Much had been done by the expeditions of the Russian Geographic Society and the Russian Committee for Central and East Asia. V. I. Roborovsky was one of the first scholars who paid attention to Central Asian antiquities. In the ruins of the ancient Uighur capital he found many manuscripts and brought them to Russia. N. F. Petrovsky, the Consul General at Kashgar, made large collections of artworks and manuscripts. The expedition of D. A. Klements negotiated the route mapped out by Roborovsky. It visited 15 additional sites and retrieved rich material, including manuscripts, mainly Uighurian. The Manuscript Fund keeps the Central Asian collections of M. M. Berezovsky, N. N. Krotkov, S. Ye. Malov, and N. I. Kokhanovsky.

The Dunhuang library was a remarkable archaeological discovery of the first half of the 20th century. It was studied by many expeditions, including P. Pelliot's from France and S. Oldenburg's from Russia.

The materials collected by Russian expeditions in Central Asia show the diversity of the local forms and types of hand-

written and printed books, writing stuffs and various writing systems used to write and print books.

For a long time the Central Asians wrote on fabric, birchbark, leather and, most often, on the wooden tablets. The tablets were binded with cords or straps in a roll. Birchbark writing was derived from India where it had been used even prior to the expeditions of Alexander the Great. Silk rolls were also used for writing.

The invention of paper is ascribed to the Chinese official Tsai Lun, who in 105 A.D. made it from a pulp of fabric, wooden bark, hemp and old fishing nets. Later various kinds of paper made of diverse stuffs appeared in China.

For a long time there was no change in the techniques of paper making: the pounded and boiled mass of hemp, bamboo fiber or ricestraw was poured down into a rectangular sieve with a fine meshwork. Then the sheet of paper was dried, whitewashed, or coloured.

Terentyev-Katansky describes the Dunhuang, Tangut, Uighur, Churcheng, Central Asian, Arab and Syrian paper.

In the Orient Indian ink was used for writing from early times. It was made from the soot of burned vegetable oils carefully mixed with gum and was particularly suitable for block printing (xylography). Metalplate printing and typing required dissolving the ink pigment in a greasy substance so as to grease the metal surfaces.

The first book writing instruments were a brush and a cane pen. Different varieties of wood were used for woodplate printing. This process is detailed in the section relating to the history of book printing.

Various types of Oriental books are described such as rolls, accordions, folios, butterflies, pothi, and sewn books, as well as various systems of pagination, forms of binding, section marks and the techniques of book restoration.

Terentyev-Katansky considers various systems of writing used in Central Asian books: hieroglyphics, primarily Chinese, from pictorials on ancient ceramics to modern hieroglyphs and cursive; the Kidan, Tangut and Churcheng hierogliphics; alphabetic systems such as the Central Asian version of the Syrian alphabet, the Manichaean, Sogdian, Uighur and Mongolian scripts; the Turkic runes, the Indian Central Asia alphabets such as the Kharoshthi, Brahmi, Lanja, and the Tibetan; rare and unidentified writing systems. Square graphics of different Oriental writing systems are examined. The conclusion is made that square graphics as a form of gala writing evolved in the Far East and Central Asia.

The description of the inception of book printing starts with

a review of the earliest techniques of mechanical copying: stamps, patterns, estampage. The idea of woodprinting using a large set of characters and the technique of making estampages from stone-carved inscriptions developed into xylography. The earliest printed books were found in Central Asia. In the 11th century an attempt was made in China to use a set of types but it did not become popular in the Orient. Xylography became very common in China, Eastern Turkestan, among the Kidans, the Churchengs, the Tanguts and the Mongols. The xylographic printing of paper money and playing cards is considered.

The study examines the contents of Central Asian early printed books. Terentyev-Katansky lists down the writings of the Buddhist, Confucian and Dao canons in different Central Asian languages, the temporal poetry, didactic, utopian, chiromantic and magical literature, historical writings, wordbooks, the astronomy and calendar charts kept at the Manuscript Fund.

Finally the description is given of the artistic make-up of Central Asian books. Illustrations to Central Asian books, very different in style and artistic technique, are mainly of the Buddhist character, but they show not only the images of Buddhas, deities and saints, but also the portraits of people who donated to book printing, and the images of animals. Books are decorated with vignettes and, sometimes, with vignetted lines.

The afterword shows the relationship between Oriental and early European book printing and the former's spread westward. The book concludes with a story of how the first information of the Oriental book printing reached Europe.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Терентьев-Катанский Анатолий Павлович

С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Из истории книги и книгопечатания
в странах Центральной Азии VIII—XIII веков

Редактор *С. М. Аникеева*. Младший редактор *Н. О. Хотинская*.
Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*.
Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *Н. Б. Осягина*.

ИБ № 15 929

Сдано в набор 21.12.88. Подписано к печати 12.07.89. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,49+0,47 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 14,19. Уч.-изд. л. 15,52. Тираж 2800 экз. Изд. № 6508. Зак. № 41. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва, Цветной бульвар, 21

Набрано в типографии № 13 ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
107005, Москва, Денисовский пер., д. 30

Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

2 р.

Анатолий Павлович Терентьев-Катанский родился в 1934 г. В 1958 г. окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета.

Многие годы А. П. Терентьев-Катанский занимался исследованием тангутских рукописей и ксилографов, хранящихся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 1973 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории тангутской книги. А. П. Терентьев-Катанский — автор около 30 статей, посвященных различным аспектам истории восточной книги, восточной палеографии, а также монографии «Книжное дело в государстве тангутов». В работах А. П. Терентьева-Катанского восточная книга рассматривается как источник сведений не только о духовной, но и материальной культуре народов.